ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 54-й.

Съ 15 таблицами и 84 рисунками въ текстѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1914.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 54-й.

Съ 15 таблицами и 84 рисунками въ текстѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1914.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

54-ème livraison.

Table des matières.

Pages.

Стеклянныя расписныя вазы поздне-эллинистическаго времени и исторія декоративной живописи.

I.

Въ началѣ зимы 1913 г. Императорская Археологическая Коммиссія пріобрѣла покупкою найденный въ Ольвіи небольшой стеклянный сосудъ съ богатою росписью. Въ виду того, что сосудъ этотъ входитъ въ серію стеклянныхъ вазъ, имѣющихъ большое значеніе для исторіи античной живописи, но до сихъ поръ точно не датированныхъ и съ точки зрѣнія художественно-исторической не использованныхъ, я считаю полезнымъ опубликовать новонайденный памятникъ съ нѣкоторыми комментаріями (см. табл. I, 1,2 и II, сдѣланныя съ рисунковъ М. В. Фармаковскаго; ср. Ростовцевъ, Античная декоративная живопись на югѣ Россіи, Спб. 1914, табл. LIX[a]).

Сосудъ имѣетъ форму небольшой полукруглой или полушарообразной чашки, выс. 0,07 м., расширяющейся книзу, съ нѣсколько выгнутымъ полукруглымъ донышкомъ. Діаметръ чашки вверху (0,085 м.) нѣсколько меньше діаметра въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается закругленіе донышка (0,09—0,095 м). Сдѣлана чашка изъ бѣлаго, теперь нѣсколько матоваго, въ древности же, можетъ быть, прозрачнаго стекла и сплошь расписана сверху донизу, включая и донышко. Роспись сдѣлана, насколько я могу судить безъ химическаго анализа, эмалевыми красками по внѣшней поверхности сосуда прямо по стеклу. Роспись не была покрыта вторымъ слоемъ стекла, какъ это мы видимъ на такъ называемыхъ vetri d'oro. Была ли она фиксирована какимъ-либо лакомъ, или фабриканты удовольствовались вѣрою въ прочность эмалевой краски,—это вопросъ, который могутъ разрѣшить только техники. Гамма красокъ обычная: употреблены въ дѣло бѣлая, желтая, зеленая, синяя, красная и коричневая краски. Сюжетъ росписи чисто декоративный, не имѣющій какого-либо центра, къ которому бы конвергировало все остальное.

Донышко украшено восьмилистной розеткой изъ стрѣльчатыхъ сти-

лизованныхъ, попеременно красныхъ и синихъ листьевъ съ синей точкой въ центрѣ. Вокругъ этой розетки—кругъ изъ зеленыхъ точекъ крупнаго размѣра (см. рис. 1).

На корпусѣ сосуда не то разбросаны вѣтви дерева съ крупными листьями, не то изображена поросль кустарника съ такими же листьями; можетъ быть, мы имѣемъ и то, и другое. Среди этихъ вѣтвей или этой поросли изображена газель влѣво въ очень характерной для газели позѣ съ вытянутыми передними ногами и съ нѣсколько поджатыми задними. Газель изображена строго реалистически: характерная выгнутая спина, короткій хвостъ, типичные рога и уши. Окраска также вполнѣ реалистична: красно-коричневое туловище, черная полоса на хребтѣ, бѣлое брюшко, черные рога, черные глаза.

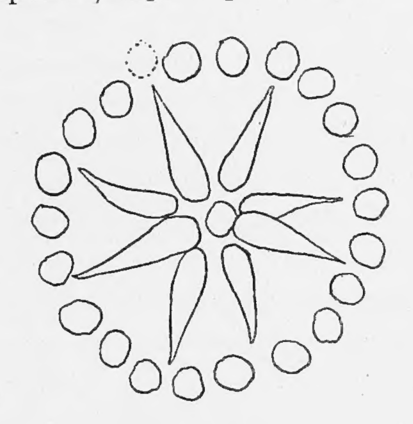

Рис. 1.

Налѣво отъ газели двѣ утки или два гуся головами внизъ. Весьма возможно, что они мыслятся подвѣшенными за лапки такъ же, какъ изображенныя рядомъ гирлянды. Къ сожалѣнію, какъ разъ на этомъ мѣстѣ краска въ верхней части сосуда отшелушилась. Расцвѣтка утокъ или гусей очень пестрая, врядъ-ли реалистическая [1]). Клювъ красный, около глазъ круглая красная бахрома. Вдоль головы и шеи до груди идетъ черная полоска. Верхнее опереніе головы синее и желтое, низъ шеи и голова надъ носомъ желтые. Грудка синяя, брюшко желтое съ коричневыми вертикальными полосами, хвостъкрасный. Крылья въ верхней части желтыя, все остальное крыло—коричневое. Передъ нами, несомнѣнно, не nature morte: птицы изображены живыми.

Направо отъ газели водяная птица той же породы и той же расцвѣтки, плывущая или стоящая вправо, подъ ней вѣтка, за ней, можетъ быть, поросль.

На другой сторонѣ сосуда противъ изображенія газели три гирлянды, подвѣшенныя къ верхнему краю сосуда на теніяхъ или лентахъ, составляющихъ ихъ основу. Теніи эти связаны между собою въ при-

[1]) Высказанное мною въ текстѣ мнѣніе объ условности расцвѣтки утокъ вполнѣ подтвердилъ В. Л. Біанки, хранитель соотвѣтственнаго отдѣленія Зоологическаго Музея Академіи Наукъ. Согласно наведеннымъ имъ справкамъ, подобная расцвѣтка въ природѣ не встрѣчается.

чудливый узелъ съ торчащими концами (по три конца съ каждой стороны). Двѣ крайнія гирлянды подвѣшены за оба конца, образуя нѣчто въ родѣ вѣнка, средняя подвѣшена за одинъ конецъ и свободно свѣшивается внизъ. Нижній ея конецъ загибается. Изъ него выходитъ, извиваясь, тенія, на которую нанизаны цвѣты, составляющіе гирлянду.

Всѣ гирлянды сплетены одинаково. На основу густо нанизаны цвѣты или лепестки цвѣтовъ. Посрединѣ каждой гирлянды рядъ точекъ, изображающихъ, можетъ быть, выходящую наружу тенію—основу гирлянды или нитку, которою гирлянда прошита. Въ каждую гирлянду вплетены въ нѣсколькихъ мѣстахъ по три зеленыхъ листочка, имѣющихъ видъ пальметки [1]). Листочки эти по своей структурѣ, такъ же какъ и листья разбросанныхъ вѣточекъ и предполагаемой поросли, болѣе всего напоминаютъ листья лавровишни.

Центральная гирлянда—краснаго цвѣта съ желтыми точками, лѣвая—желтаго, правая—голубого съ желтоватыми точками. Можетъ быть, не случайность, что синій и красный—это какъ разъ цвѣта двухъ наиболѣе цѣнимыхъ видовъ египетскаго лотоса, о примѣненіи котораго для гирляндъ говорятъ намъ античныя свидѣтельства, ставя въ связь красныя лотосовыя гирлянды съ Антиноемъ (см. Athen., XV, 677 d—e). Третья желтая гирлянда сплетена, можетъ быть, изъ желтыхъ кувшинокъ. Впрочемъ, настолько же вѣроятно, что передъ нами гирлянды изъ болѣе обыкновенныхъ цвѣтовъ—какихъ-нибудь желтыхъ цвѣтовъ, красныхъ розъ и фіалокъ.

Нашъ сосудъ по формѣ, техникѣ росписи и краскамъ входитъ въ составъ одной очень малочисленной группы стеклянныхъ сосудовъ, впервые отмѣченной Héron de Villefosse'омъ, а затѣмъ подробно разобранной рядомъ изслѣдователей, въ послѣдній разъ А. Киза [2]).

Я не стану входить въ подробный разборъ техники этой группы сосудовъ и остановлюсь только на двухъ вопросахъ: 1) о мѣстѣ фабрикаціи и 2) о времени этихъ сосудовъ.

Киза знаетъ два сосуда той же формы и той же техники, что и выше описанный сосудъ изъ Ольвіи. Одинъ найденъ въ Khamissa (Thubursicum Numidarum) въ сѣв. Африкѣ, другой—въ Нимѣ (первый нынѣ

---

[1]) Эта особенность нашихъ гирляндъ повторяется только въ гирляндахъ, которыми украшены стѣны и плафоны боспорскихъ гробницъ 1873 г., Сорака и Стасова (см. Ростовцевъ, Античная декоративная живопись на югѣ Россіи, гл. XIX, XX и XXX).

[2]) См. Héron de Villefosse, *Rev. arch.*, 1874 (XXVII), 281 слл.; табл. VIII и IX. 1; Fröhner, La verrerie antique, 99 сл.; A. Kisa, Das Glas im Altertume, 814 сл., рис. 339—341.

въ собраніи Ротшильда, второй въ Луврѣ). Первый (синяго стекла) украшенъ изображеніемъ покрывающей весь корпусъ виноградной лозы, съ сидящими на ней птицами (табл. IV, 5), второй (зеленаго стекла)— также покрывающимъ весь корпусъ сосуда изображеніемъ битвы пигмеевъ съ журавлями въ заросли тростниковъ (табл. IV, 1). Оба сосуда имѣютъ на донышкѣ изображеніе розетки того же типа и той же формы, что и выше описанная розетка ольвійскаго кубка. На кубкѣ изъ Хамиссы розетка окружена вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ (см. табл. IV, 2).

Къ этимъ двумъ кубкамъ прибавлю еще одинъ памятникъ, особенно близко стоящій къ ольвійскому сосуду; это такой же круглый кубокъ Британскаго музея, купленный у Ламброса въ Аѳинахъ въ 1905 г. (гдѣ былъ найденъ, неизвѣстно). Сдѣланъ онъ изъ такого же бѣлаго стекла, какъ и нашъ (выс. 0,066 м., діам. вверху 0,08), на донышкѣ украшенъ такой же восьмилистной розеткой (красные и желтые (?) лепестки попеременно), вокругъ такой же вѣнокъ изъ большихъ зеленыхъ точекъ или горошинъ (см. табл. III, 1—3). Весь корпусъ сосуда также покрытъ разбросанными вѣтками мирта (?) или порослью. На одной сторонѣ почти половину площади сосуда занимаетъ изображеніе большой корзины или калаѳа, можетъ быть, даже стекляннаго сосуда той же формы, что и кубокъ, на которомъ этотъ сосудъ изображенъ. Красными перекрещивающимися линіями изображенный сосудъ раздѣленъ на квадраты, въ центрѣ каждаго изъ которыхъ по точкѣ. Изъ сосуда или изъ-за сосуда торчатъ вѣтки уже описаннаго вида. На сосудѣ лежитъ, спускаясь по обѣимъ сторонамъ его, длинная и толстая красная гирлянда совершенно той же формы и цвѣта, что и выше описанная, съ такимъ же рядомъ точекъ въ средней ея части. Изъ ея корпуса и здѣсь, какъ кажется, отъ времени и до времени вырастаютъ пучки листьевъ. Налѣво отъ описаннаго сосуда стоитъ гусь вправо, голова повернута влѣво. Къ сожалѣнію, расцвѣтка птицы опредѣленію не поддается. Видно только, что голова и шея ея были бѣлыя, клювъ и лапы красныя, на груди и подъ крыльями имѣются также слѣды красной краски. Направо отъ корзины или сосуда краска не сохранилась.

Упомяну также, что въ Ольвіи найденъ былъ въ 1910 г. черепокъ стекляннаго сосуда, вѣроятно, той же формы, что и выше упомянутые сосуды, съ изображеніемъ передней части туловища и головы пѣтуха, написаннаго коричневою краскою. Пѣтухъ стоитъ вправо, надъ нимъ видны остатки заросли или брошенной вѣтки (см. табл. I, 3).

Дата всей серіи сосудовъ, къ которой принадлежатъ вышеупомянутые и вышеописанные бокалы или стаканы, устанавливается съ большою точностью слѣдующими соображеніями. Орнаментація сосуда изъ Хамиссы повторяется во всѣхъ ея деталяхъ на недавно найденномъ въ Керчи амфорискѣ, изданномъ Шкорпиломъ [1]). Амфорискъ (зеленаго стекла, роспись на внѣшней сторонѣ) расписанъ въ той же совершенно техникѣ, что и вся вышеописанная группа (см. табл. IV, рис. 3). Полное совпаденіе его, кромѣ того, и въ орнаментаціи съ сосудомъ изъ Хамиссы не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что керченскій амфорискъ и наша группа строго одновременны. Между тѣмъ, керченскій сосудъ точно датируется найденными съ нимъ вещами (особенно брактеатомъ съ гермой, оттискомъ съ монеты Миѳрадатова времени) послѣдними десятилѣтіями I-го в. до Р. Хр.

Керченская находка подтверждаетъ, такимъ образомъ, датировку, данную Киза на основаніи стилистическихъ соображеній. Надо, однако, обратить вниманіе на то, что группа южно-русскихъ сосудовъ, къ которой принадлежитъ и сосудъ Британскаго музея (не найденъ ли и онъ въ Ольвіи?), кое-чѣмъ отличается отъ сосудовъ изъ Хамиссы и Нима. Правда, розетки на донышкахъ этихъ сосудовъ имѣютъ ту-же форму и то-же число лепестковъ, что и розетки нашихъ сосудовъ, но онѣ меньше и окружены не вѣнкомъ изъ горошинъ, а вѣнкомъ изъ листьевъ въ одномъ случаѣ, изъ зелени (?) въ другомъ. Кромѣ того, розетки на сосудахъ изъ Хамиссы и Нима такъ же, какъ и вся ихъ роспись, помѣщены на внѣшней, а не на внутренней поверхности сосудовъ, какъ мы это видимъ на сосудѣ Британскаго музея. Наконецъ, оба сосуда — изъ Хамиссы и Нима — расписаны послѣ предварительнаго выгравированія рисунка на стеклѣ, на нашихъ же никакихъ слѣдовъ гравировки незамѣтно.

Все это заставляетъ думать, что нѣкоторая разница во времени между обѣими группами сосудовъ имѣется. Возможно было бы, впрочемъ, предположить, что сосуды сдѣланы, хотя и одновременно, но на разныхъ фабрикахъ. При этомъ полное совпаденіе розетокъ на сосудѣ Британскаго музея и ольвійскомъ позволяетъ думать вмѣстѣ съ Фрэнеромъ, что въ этой розеткѣ мы имѣемъ фабричную марку [2]).

---

[1]) В. Шкорпилъ, *И. И. А. К.*, 47, стр. 57, № 47 и табл. I; Ростовцевъ, Античная декоративная живопись на югѣ Россіи, табл. LIX а. Остальныя вещи см. Шкорпилъ, ibid., рис. 9—17. О саркофагѣ Ростовцевъ, ibid., стр. 211 слл.

[2]) Fröhner, La verrerie antique, стр. 99, думаетъ, правда, что эти розетки заимствованы отъ рельефныхъ сосудовъ и указываютъ на пріоритетъ этихъ послѣднихъ, но это, конечно, не доказуемо; возможно и обратное, а также общее заимствованіе изъ торевтики (см. Kisa, l. l., 815).

Мѣсто фабрикаціи нашихъ сосудовъ также правильно установлено Фрэнеромъ и Киза. На основаніи находокъ подобнаго рода стеклянныхъ черепковъ (болѣе простого и грубаго сорта) въ Оксиринхѣ они предполагаютъ, что родина расписного стекла—Египетъ и Александрія. Не надо удивляться, что египетская провинція дала намъ грубые продукты, мѣста импорта—тонкіе. Бѣдный Оксиринхъ, естественно, довольствовался дюжинными продуктами, лучшее вывозилось [1]).

Выводы Фрэнера и Кизы полностью подтверждаетъ ольвійскій сосудъ. Съ перваго взгляда ясно, что онъ даетъ намъ не только типичную для Египта фауну — газель и гусей, но и характерную для египетской живописи раскраску и трактовку животныхъ. Газелей подобныхъ нашей можно указать не мало на египетскихъ фрескахъ, гдѣ онѣ — любимое животное мѣстныхъ мастеровъ [2]). Еще большею любовью пользуются утки или гуси, причемъ характерно, что ихъ раскраска такъ же пестра, какъ и на ольвійскомъ сосудѣ, причемъ эта пестрота только отчасти соотвѣтствуетъ натурѣ [3]).

Самое изображеніе среди разбросанныхъ вѣтвей и поросли также типично для Египта, начиная съ древнѣйшихъ временъ, причемъ Саитское искусство удерживаетъ эту традицію въ полной мѣрѣ [4]).

Наконецъ, отмѣчу и типичныя гирлянды нашихъ сосудовъ въ со-

---

[1]) См. Raoul-Rochette, Peintures inédites, 487, и виньетку на заглавномъ листѣ книги, ср. Fröhner, l. l.; Kisa, 811.

[2]) См., напримѣръ, изображеніе въ краскахъ типичной для египетскихъ фресокъ, начиная съ эпохи средняго царства, газели у Champollion, IV, табл. 428 (quater).

[3]) См., напримѣръ, Champollion, IV, табл. 353 сл.

[4]) Я имѣю въ виду изображеніе гусей и другихъ птицъ въ заросляхъ тростника среди растеній и цвѣтовъ; наиболѣе блестящими представителями этого рода изображеній являются фрески дворца Аменхотепа IV въ Телль-эль-Амарнѣ, особенно знаменитая роспись пола. Для Саитской эпохи см., напримѣръ, Le Musée égyptien, II, pl. XXXIX, B и pl. XLII (G. Maspero). Особенно характерны для сравненія съ нашими подвѣшенными утками или гусями двѣ подвѣшенныя за крылья утки на табл. XXXIX B и XL. Ср. G. Maspero, L'Egypte (*Ars una*), рис. 522. Аналогичную эволюцію имѣемъ мы и на египетскомъ фаянсѣ. На одной плоской чашкѣ эпохи Рамессидовъ мы видимъ типичный мотивъ Телль-эль-Амарны (быкъ въ заросляхъ лотоса, см. H. Wallis, Egyptian ceramic art. Mac-Gregor coll., London 1898, 24, рис. 41. ср. ibid. 48, fig. 100) и рядомъ на сосудѣ того же времени (лагэна) гербообразное сопоставленіе четырехъ паръ утокъ, сгруппированныхъ около цвѣтка лотоса, причемъ къ этому цвѣтку утки повернуты хвостами (ibid., 48, рис. 101). Прямыми потомками сосудовъ этого рода являются нѣкоторые фаянсы ранняго и поздняго императорскаго времени, чрезвычайно близкіе къ нашему стеклу. См., напримѣръ, горлышко сосуда, найденное въ Помпеяхъ (нынѣ въ Неаполѣ), гдѣ среди стилизованныхъ цвѣтовъ и листьевъ изображены кошка, надъ нею рыба, рядомъ утка или гусь и газель (Wallis, l. l., 58, рис. 125); ср. для болѣе поздняго времени блюдо у Wallis, табл. XXV (газель на фонѣ виноградной лозы) и табл. XXIV (четыре утки).

единеніи съ калаѳомъ. Я настаиваю при этомъ не столько на «гирляндоманіи» Александріи, сколько на формѣ гирлянды и типичныхъ группахъ изъ трехъ листиковъ, которыя мы находимъ вновь только въ росписи керченскихъ гробницъ римскаго времени [1]).

При этомъ я обращаю особое вниманіе на отсутствіе въ нашихъ росписяхъ подчеркнутаго экзотизма, отсутствіе ярко типичныхъ египетскихъ фигуръ или египтизирующихъ сюжетовъ, отсутствіе сознательной архаизаціи въ трактовкѣ. Мастера работали безъ всякаго подчеркиванія, безъ всякой аффектаціи, въ новомъ греческомъ стилѣ, но въ сферѣ знакомыхъ имъ, благодаря тысячелѣтней практикѣ, образовъ, техники, подбора цвѣтовъ.

Иное я сказалъ бы про сосудъ изъ Нима. Пигмеи съ журавлями — мотивъ старый, которому придана подчеркнутая египетская нотка врядъ ли въ самой Александріи, а скорѣе внѣ ея мастерами, работавшими подъ Александрію, подъ Египетъ. Вездѣ, гдѣ мы имѣемъ настоящіе александрійскіе продукты, мы видимъ вліяніе мѣстной обстановки въ мелочахъ, которыя не бросались въ глаза. Александрійцы естественно избѣгаютъ египетскаго экзотизма, давая продукты, назначенные не для своей страны (для нея они работали иначе, особенно въ эпоху поздняго эллинизма, воскрешая старые сюжеты и старые образы), а для экспорта на міровой рынокъ, гдѣ подчеркнутый экзотизмъ врядъ ли могъ разсчитывать на широкое распространеніе.

Вотъ почему я склоненъ былъ бы считать нашу группу ольвійскихъ сосудовъ экспортомъ изъ Александріи, продуктомъ александрійской фабрики, пустившей моду на расписные стеклянные сосуды, а сосудъ изъ Нима — уже подражаніемъ либо южной Италіи, либо южной Франціи, можетъ быть, даже мѣстной нимской фабрики.

Выше приведенныя соображенія о происхожденіи интересующей насъ серіи сосудовъ подтверждаютъ и слѣдующіе памятники, до сихъ поръ еще не вошедшіе въ научный обиходъ.

Въ своей книжкѣ «Salamina» (Туринъ, 1891, 2 изд.) извѣстный A. Palma di Cesnola публикуетъ на стр. 179 и описываетъ на стр. 181 расписной амфорискъ «темнаго стекла», необычайно близко стоящій къ вышеупомянутому, опубликованному Шкорпиломъ, амфориску изъ Керчи, украшенному побѣгами винограда и птицами (см. табл. IV, 4) [2]). Сала-

[1]) См. E. Breccia, Ghirlandomania alessandrina, *Musée égyptien*, III, 13 слл. (табл. XI—XXI).

[2]) Не зная, гдѣ находятся въ данное время интересующіе меня сосуды, я обратился къ автору „Salamina", conte Alessandro Palma di Cesnola, жительствую-

минскій сосудъ даетъ ту-же форму съ тою только разницею, что онъ точно воспроизводитъ остроконечную амфору, керченскій же сосудъ имѣетъ плоскую ножку. Въ верхней части корпуса надъ горлышкомъ мы видимъ на немъ оливковыя вѣтви. Наконецъ, самый корпусъ сосуда расписанъ въ томъ-же стилѣ, что и корпусъ керченскаго амфориска: онъ весь покрытъ вѣтками и цвѣтами, на которыхъ сидятъ птицы. На одной сторонѣ сосуда вверху изображенъ павлинъ вправо съ длиннымъ богатымъ хвостомъ. Къ сожалѣнію, Чеснола не указываетъ красокъ росписи, указывая только на то, что «scena spigliata e imitatrice perfetta della natura».

Разница, такимъ образомъ, между керченскимъ и саламинскимъ сосудомъ только въ томъ, что послѣдній даетъ цвѣтущія вѣтки, первый—побѣги винограда. Въ своемъ суммарномъ описаніи Чеснола не пытается опредѣлить породу цвѣтовъ и растеній, изображенныхъ на сосудѣ. Но, если присмотрѣться къ опубликованному рисунку, то станетъ весьма вѣроятнымъ, что изображены большіе болотные цвѣты съ широкими лапчатыми листьями рядомъ съ разбросанными вѣтками лавра. Болѣе всего эти цвѣты напоминаютъ цвѣты лотоса. Характерно, что еще болѣе типичные болотные цвѣты изображены рядомъ съ вѣтками лавра на расписной стеклянной крышкѣ сосуда, найденной въ Саламинѣ же и опубликованной Чеснолою тамъ же, стр. 182, рис. 174. На этой крышкѣ изображена Афродита въ позѣ Афродиты Медичи. Богиня собирается войти въ воду. Естественно, что ее окружаютъ водяные цвѣты. Объ этомъ сосудѣ, однако, рѣчь будетъ ниже.

Если, теперь, принять во вниманіе тѣснѣйшую связь Кипра съ Египтомъ во всю эпоху эллинизма, а также характеръ изображенныхъ цвѣтовъ, то станетъ весьма вѣроятнымъ, что оба описанныхъ сосуда—импортъ изъ Александріи [1]).

щему во Флоренціи. На мой запросъ онъ любезно отвѣтилъ мнѣ, что амфорискъ проданъ былъ въ Лондонѣ на публичной продажѣ. Бывшій владѣлецъ не знаетъ, кѣмъ онъ былъ купленъ. Размѣры амфориска: высота 0,10, шир. 0,04 м., золотой пробки—0,015 выс., 0,02 діам. Упомянутая ниже крышка съ изображенімъ Афродиты находится и сейчасъ въ собраніи Cesnola, но краска совершенно исчезла, такъ что воспроизвести ея роспись въ фотографіи теперь невозможно. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить мою искреннюю признательность графу Чеснола за сообщенныя свѣдѣнія.

[1]) Та же традиція расписныхъ, украшенныхъ натуралистическими растеніями и цвѣтами сосудовъ продолжается и въ болѣе позднее время. Очень интересенъ одинъ бокалъ или канѳаръ изъ Kaiser-Friedrich Museum въ Берлинѣ, найденный въ Египтѣ (III в. по Р. Хр.). O. Wulff, Altchristl. und mittelalterliche byzant. u. ital. Bildwerke, I (1909), № 1195 описываетъ его слѣд. образомъ: „Goldglas (dunkelblau) ... Emailmalerei. Der Gefässkörper am o. Rande von drei u. von zwei roten Linien, so-

II.

Выше установленная дата ольвійской и керченской группы сосудовъ и несомнѣнное александрійское происхожденіе этой группы имѣютъ большое значеніе для вопроса объ эволюціи античной декоративной живописи въ эллинистическую эпоху. Мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ наиболѣе раннихъ образцовъ той манеры декоративной росписи, которая нашла себѣ впослѣдствіи въ эпоху римской имперіи такое широкое распространеніе, главнымъ образомъ, въ стѣнной росписи, половыхъ мозаикахъ и расшитыхъ пологахъ, завѣшивавшихъ стѣны.

Описанная и разобранная мною въ особой книгѣ серія южно-русскихъ гробницъ такъ называемаго цвѣточнаго стиля, начинающаяся съ I в. по Р. Хр. и доходящая до III в. по Р. Хр., доказываетъ, какъ прочно привилась традиція къ монументальной росписи стѣнъ. Изслѣдуя эти росписи и сопоставляя ихъ съ параллельнымъ матеріаломъ, мы видимъ, что тенденція покрывать стѣны стилизованными и натуралистическими цвѣтами, причемъ этотъ способъ орнаментаціи уживается и съ архитектурнымъ стилемъ, и съ инкрустаціоннымъ, характерна далеко не только для юга Россіи. Мы застаемъ ту же систему на всемъ Востокѣ: въ Сиріи (Пальмира), Египтѣ и М. Азіи, находимъ ее и на западѣ на Балканскомъ полуостровѣ, въ Африкѣ, даже въ Британніи, видимъ ея проникновеніе и въ Италію (см. Ростовцевъ, Ант. декор. живопись на югѣ Россіи, особ. 218 слл. и 486 слл.).

Подробно, однако, разбирать весь имѣющійся сложный и разбросанный матеріалъ здѣсь не мѣсто. Рѣчь объ этомъ будетъ во второмъ томѣ моего вышеназваннаго труда. Въ данной связи укажу только на памятники, связь которыхъ съ разобранной серіей сосудовъ и съ Александріей ясна съ перваго взгляда.

Въ несомнѣнной связи съ Александріей стоитъ, прежде всего, одна группа африканскихъ мозаикъ, найденныхъ преимущественно въ предѣлахъ проконсульской Африки, особенно въ старыхъ финикійскихъ торговыхъ и портовыхъ городахъ, издавна связанныхъ съ Александріей. Такова мозаика, найденная въ Гадруметѣ (н. Сусса). Она составляла полъ абсиды,

---

wie von einer goldenen umzogen .... o. zwischen der ersten und zweiten ein goldner Herzblatt, u. weisse Tupfen. Auf dem frei bleibenden weissen Zwischenstreifen war die Weinernte dargestellt"... См. Taf. LVIII, ср. Poppelreuter, *Zeitschr. f. christl. Kunst*, 1908, 67 слл. О серіи болѣе позднихъ расписныхъ сосудовъ иной техники и иного типа орнаментаціи здѣсь говорить не мѣсто.

украшенной мозаикой и по стѣнамъ (см. табл. IV, 6). Въ рамкѣ изъ тростника изображены разбросанныя по полю половой выстилки въ безпорядкѣ корзины съ фруктами и калаѳы съ цвѣтами и фруктами, отдѣльные плоды, особенно гранаты, и масса цвѣтовъ, главнымъ образомъ, распустившіяся и полураспустившіяся розы. Въ центрѣ мозаики — газель и по сторонамъ двѣ пестрыя утки [1]).

Не менѣе интересна мозаика изъ другого портового города — Taenae (н. Sfax). Въ центрѣ здѣсь изображена Венера, собственноручно наказывающая амура, кругомъ другіе амуры; одинъ занятъ охотой на хамелеона. По всему пространству этой мозаики разбросаны калаѳы съ цвѣтами, гирлянды, вѣтки розы и маслины (см. табл. IV, 7) [2]).

Наконецъ, упомяну двѣ мозаики изъ Карѳагена. На одной весь фонъ усѣянъ вѣточками, цвѣтами и фруктами; на этомъ фонѣ изображены люди, сгруппированные съ животными [3]). На другой все пространство мозаики, покрывавшей центръ имплувія, усѣяно вѣтками съ цвѣтами и фруктами, между которыми разнообразныя животныя и птицы [4]).

Если при этомъ принять въ соображеніе, что въ Суссѣ, напримѣръ, найденъ рядъ александрійскихъ свинцовыхъ тессеръ, что, какъ мы увидимъ ниже, другой родъ египтизирующихъ мозаикъ сѣверной Африки — архитектурный пейзажъ около Нильскаго ландшафта — также связывается съ росписью стеклянныхъ сосудовъ, несомнѣнно, александрійскаго происхожденія, наконецъ, что нѣкоторыя мозаики воспроизводятъ совершенно такъ же, какъ александрійскіе продукты художественной промышленности, особенности стараго египетскаго искусства, то станетъ яснымъ, что африканскіе мозаичисты разрабатывали въ римской Африкѣ мотивы, вывезенные ими самими или ихъ учителями изъ Александріи. Характерно, что и въ описанныхъ мозаикахъ совершенно отсутствуетъ тенденція къ подчеркнутому египетскому экзотизму.

Послѣдній изъ указанныхъ выше пунктовъ, доказывающихъ зависимость сѣверно-африканскихъ мозаикъ отъ Египта, а именно связь

---

[1]) См. Gauckler, Gouvet, Hannezo, Musées de Sousse, стр. 29 слл., табл. VII; Gauckler, Inventaire des mosaiques de la Gaule et d'Afrique, II, 140. Единственное сравнительно хорошее воспроизведеніе — *Rev. arch.*, 1897, pl. XII.

[2]) См. R. Massigli, Musée de Sfax, табл. VII; Gauckler, Inv. d. mos., № 29, ср. Add. стр. 351. Ср. выше упомянутую крышку стекляннаго сосуда изъ Саламина.

[3]) См. Catalogue du Musée Alaoui, Suppl., № 169 и табл. XVI, 1, ср. № 170; Gauckler, Inv. d. mos., № 606.

[4]) Gauckler, Inv. d. mos., № 640; *Arch. Anz.* 1904, 122, рис. 4 и 5.

африканскихъ мозаикъ съ композиціей и мотивами стараго египетскаго искусства требуетъ поясненія. Я имѣю въ виду мозаику, украшающую три стѣнки трехэтажной террасы, по которой стекала вода ручейка къ бассейну въ одномъ богатомъ карѳагенскомъ домѣ-виллѣ. На этихъ стѣнкахъ внизу изображены рыбаки, которые «jettent leur ligne, tandisque des cygnes, des flamants et des canards sauvages, dont l'eau reflète les gracieuses silhouettes, evoluent lentement parmi les roseaux et les ajoncs». Выше «se developpe la plaine couverte de moissons et ombragée d'arbres fruitiers». Наконецъ, въ третьемъ верхнемъ этажѣ «le saltus boisé où des chasseurs, chaussés de hautes guêtres, poursuivent des lièvres ou des sangliers que leurs chiens relancent ou serrent de prés» [1]).

Несмотря на мѣстный колоритъ особенно двухъ верхнихъ мозаикъ, кто не узнаетъ въ самомъ принципѣ распредѣленія тотъ же принципъ, который такъ характеренъ для расписныхъ рельефовъ египетскихъ гробницъ, гдѣ внизу изображаются заросли Дельты, во второмъ этажѣ тучныя нивы береговъ Нила и въ третьемъ пустыня съ ея дикими звѣрями—объектомъ охоты египетскихъ помѣщиковъ?

Африканскія мозаики и александрійскіе расписные стеклянные сосуды стоятъ въ несомнѣнной стилистической связи съ почти одновременными послѣднимъ стеклянными сосудами и пластинками для инкрустированія стѣнъ, ювелирныхъ издѣлій и другихъ произведеній александрійкой художественной промышленности. Предметы эти сработаны въ старой египетской техникѣ, и въ ихъ александрійскомъ происхожденіи никто не сомнѣвается (образчикъ см. табл. VI, 1). Между тѣмъ любимымъ мотивомъ ихъ орнаментаціи являются разнообразные пестрые цвѣты, цвѣтущія вѣтки и букеты цвѣтовъ, разбросанные по сосуду или пластинкамъ почти въ полномъ безпорядкѣ. Большое количество такихъ стеколъ недавно опубликовано Breccia; всѣ эти стекла принадлежатъ II—I вѣкамъ до Р. Хр. и найдены въ александрійскихъ некрополяхъ. Изъ Александріи они затѣмъ завоевали преимущественно Италію и западныя провинціи Римской имперіи [2]).

Всѣ вышеуказанные памятники приводятъ на память знаменитое Калликсеновское описаніе праздника Птолемея Филадельфа, когда полъ

---

[1]) Gauckler, Inventaire d. mosaiques de l'Afrique, Carthage, № 648.

[2]) См. E. Breccia, *Musée égyptien*, III, pl. XIII; Catalogue général des ant. ég. Musée d'Alexandrie. La necropoli di Sciatbi, стр. 104 сл. Цвѣты, изображенные на этихъ пластинкахъ, отчасти тѣ-же, что цвѣты александрійскихъ искусственныхъ погребальныхъ гирляндъ, см. Breccia, *Le Musée*, III, табл. VI—XI и XIV; Catalogue, табл. LXXVI.

праздничныхъ временныхъ помѣщеній былъ весь усѣянъ живыми цвѣтами и напомнилъ Калликсену цвѣтущій лугъ (Athen., V, 25, 196 d) [1]).

Во всемъ этомъ движеніи, которое имѣло рѣшающее значеніе для эволюціи декоративной живописи эпохи римской имперіи, несомнѣнно, основную роль играетъ сознательное подражаніе старо-египетскимъ принципамъ декораціи, можетъ быть, пришедшимъ въ Египетъ извнѣ. Я имѣю въ виду ту тенденцію въ декоровкѣ плафоновъ, стѣнъ и половъ египетскихъ дворцовъ и гробницъ, которая связана съ именемъ Аменхотепа IV. Принципомъ этой декоровки было покрывать большой нейтральный фонъ въ безпорядкѣ разбросанными цвѣтами, вѣтками, бабочками, птицами [2]).

Имѣемъ ли мы, однако, прямую традицію, идущую отъ ѳиванскихъ фараоновъ XIX и XX династій къ Саитамъ и оттуда къ Птолемеямъ, или мы стоимъ передъ возрожденіемъ и переработкой стараго стиля при посредствѣ сознательнаго подражанія и нарочитаго изученія старыхъ художественныхъ матеріаловъ, какъ это думаетъ Масперо,—это вопросъ, разрѣшеніе котораго рѣшающаго значенія для нашей задачи не имѣетъ. Для насъ важно одно: на основаніи разобраннаго матеріала мы не имѣемъ права предполагать занесенія интересующаго насъ стиля въ Египетъ извнѣ.

Птолемеевское возрожденіе базировалось на греческомъ умѣньѣ, греческой художественной свободѣ трактовки, но въ смыслѣ техники и мотивовъ оно—дитя фараоновскаго и саитскаго Египта, хотя бы въ Ѳивы въ свое время интересующій насъ стиль и пришелъ извнѣ. Въ Ѳивахъ онъ, во всякомъ случаѣ, былъ усвоенъ и переработанъ.

Отмѣчу еще, что занимающая сплошь все декорируемое простран-

---

[1]) Ср. обычный въ Египтѣ праздникъ ῥοδοφόρια, W e s s e l y, Karanis und Soknopaiunesos, 76; O t t o, Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten, II, 9, 3, ср. ibid. 11: „Unter den Ausgaben eines jeden Festtages erscheint ferner eine in Höhe von 16, 20 oder 24 Dr. für die Bekränzung aller im Tempel befindlichen Statuen, Schilde und heiligen Geräte (BGU., 362 p. 10, 5—7). Mitunter hat man sich jedoch mit dieser Ausschmückung noch nicht begnügt, sondern hat ausserdem noch das ganze Heiligtum mit Palmen und grünen Baumzweigen bezw. kleinen Bäumchen (δένδρα καὶ βαΐς) geschmückt“.

[2]) См. Р о с т о в ц е в ъ, Ант. декорат. живопись на югѣ Россіи, I, стр. 219 слл. Очень интересно сравненіе плафоновъ XIX и XX дин. и извѣстной Телль-эль-Амарнской половой выстилки съ одной сѣверно-африканской мозаикой, см. G a u c k l e r, Inv., № 426 (изъ Утины, домъ Индустрія), ср. Catalogue du Musée Alaoui, № 123, табл. VI. Изображено море, въ центрѣ Афродита ἀναδυομένη, рядомъ съ ней двѣ нимфы и калаѳъ съ фруктами, кругомъ по всей водной поверхности разнообразныя водяныя птицы сидящія, стоящія, плывущія и летящія.

ство виноградная лоза, какъ на сосудахъ изъ Керчи, Саламина и Хамиссы,—совершенно въ духѣ такъ называемаго цвѣточнаго стиля, хотя я не сталъ бы утверждать египетскаго происхожденія этого мотива, несмотря на имѣющіеся прецеденты въ декоровкахъ ѳиванскаго некрополя. Характерно, что и для африканскихъ мозаичистовъ это одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ.

Наконецъ, прочную связь нашего стиля съ Египтомъ доказываетъ и распространенность характерныхъ для него орнаментовъ на одной группѣ египетскихъ, такъ называемыхъ коптскихъ тканей, гдѣ мы имѣемъ и тѣ-же элементы декоровки и тотъ же декоративный принципъ. Объ этихъ тканяхъ, однако, рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь отмѣчу только необычайную ихъ приверженность къ цвѣтамъ, калаоамъ съ фруктами, эротамъ, гирляндамъ, вѣнкамъ и птицамъ, сближающую ихъ тѣснѣйшимъ образомъ съ вышеразобранными африканскими половыми мозаиками.

III.

Въ ближайшей связи со всей вышеописанной серіей сосудовъ, хотя и нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ, стоитъ одинъ великолѣпный стеклянный кувшинъ изъ опаловаго стекла, сплошь расписанный.

Сосудъ этотъ одно время находился въ коллекціи Суручана, гдѣ его видѣлъ Э. Р. фонъ-Штернъ, собиравшійся его издать. Затѣмъ (см. Poppelreuter, *Zeitschr. f. christl. Kunst*, 1908, 73) онъ одно время былъ въ коллекціи Маврогордато. Гдѣ онъ теперь находится, я не знаю; говорятъ, въ коллекціи Моргана.

Такъ какъ въ моемъ распоряженіи случайно оказались давно уже снятыя съ сосуда прекрасныя фотографіи, то я считаю полезнымъ, несмотря на неполноту моихъ свѣдѣній о сосудѣ (ими я обязанъ Э. Р. фонъ-Штерну и Р. Цану, которые оба сосудъ видѣли), опубликовать эти фотографіи (см. табл. V, 1—4). Для исторіи декоративной живописи вообще и для исторіи расписныхъ стеклянныхъ сосудовъ въ частности нашъ кувшинъ слишкомъ важенъ, чтобы я считалъ себя въ правѣ не упомянуть о немъ въ данной связи. При этомъ вопроса о сюжетѣ сцены, изображенной на сосудѣ и имѣющей большой историческій и миѳологическій интересъ, я касаться не буду, предоставляя это тѣмъ, кто въ состояніи будетъ издать сосудъ на основаніи знакомства не только съ фотографіями, но и съ оригиналомъ.

Форма кувшина обычна; она напоминаетъ, до нѣкоторой степени,

однородные кувшины фабрики Энніона. Роспись начинается на нижней части горлышка. Здѣсь между двухъ декоративныхъ полосъ (середина ихъ заполнена такъ называемымъ киматіемъ) помѣщена надпись большими буквами, раздѣленными одна отъ другой розетками обычной для даннаго сосуда формы. Надпись начинается направо отъ ручки; между первой и послѣдней буквами ея особенно пышная розетка съ стилизованными побѣгами по обѣ ея стороны. Надпись читается: ἡ χάρις.

Весь корпусъ сосуда, ограниченный внизу надъ ножкой декоративной полосой съ киматіемъ, заполненъ изображеніемъ миѳа Дафны.

Аполлонъ (надпись надъ нимъ по обѣ стороны головы Φοῖ-βος) нагой бѣжитъ вправо; на лѣвой рукѣ его плащъ, укрѣпленный на лѣвомъ плечѣ, за плечами колчанъ со стрѣлами, на головѣ лавровый вѣнокъ. Въ лѣвой рукѣ лавровая вѣтвь, правой онъ хватаетъ вѣтку лавроваго дерева, изъ двухъ главныхъ вѣтвей котораго выростаетъ верхняя часть тѣла Дафны (надпись на уровнѣ головы, по обѣ ея стороны Δάφ—νη). Дафна изображена впрямь, голова нѣсколько влѣво, руки вытянуты вправо; ими она ухватилась за правую главную вѣтку дерева. Одѣта въ длинный рукавный хитонъ и пеплосъ, развѣвающійся слѣва (очевидно, схема бѣга; въ моментъ превращенія Дафна повернулась къ преслѣдующему Аполлону). За Аполлономъ летитъ нагой Эротъ вправо (надпись Πό—θος). Обѣ руки вытянуты. Указательный палецъ правой руки обращенъ къ сценѣ Аполлона и Дафны, въ лѣвой pedum.

Послѣдняя фигура (припись Λάδω—ν) изображаетъ рѣчного бога, отца Дафны, сидящимъ на скалѣ надъ пещерой, изъ которой вытекаетъ вода. Тѣло вправо, бородатая голова впрямь и влѣво; правая рука придерживаетъ плащъ на чреслахъ, лѣвая вытянутая лежитъ на рогѣ изобилія, прислоненномъ къ правому колѣну.

Особенно характерно то, что вся эта сцена представлена на фонѣ, усѣянномъ разбросанными въ полномъ безпорядкѣ розетками изъ четырехъ сердцеобразныхъ лепестковъ, сгруппированныхъ около центральной точки. Эти розетки всегда связаны съ лавровыми вѣточками, которые часто крестообразно окружаютъ розетку. Характерно, что изъ-за головъ фигуръ видны концы листьевъ такихъ же вѣточекъ, такъ что создается впечатлѣніе, будто головы написаны были на заполненномъ уже вѣточками фонѣ.

О гаммѣ красокъ росписи Р. Цанъ любезно сообщаетъ мнѣ слѣдующее (письмо отъ 15/28 августа 1913 г.): «Die Figuren sind in Gold aufgemalt. Umrisse und Innenzeichnung sind schwarz. Die Streublumen sind dunkelrot, die Stiele und Blättchen, auch die Blättchen an dem

Baume sind grün. Am Boden vor dem Ladon ist etwas hellblaue Farbe, offenbar das Wasser. An dem Ornamentstreifen oben und unten sind nach aussen dunkelrote Streifen, nach unten Goldstreifen. Auf die Farbe der dazwischen liegenden Zone mit dem Ornament des laufenden Hundes kann ich mich im Augenblick nicht bestimmt besinnen».

Не надо обладать особой проницательностью, чтобы увидѣть, что нашъ сосудъ ближайшимъ образомъ связанъ не столько съ Александріей, сколько съ Антіохіей. Помимо самого миѳа, столь близкаго Антіохіи, характерно, что и имя Аполлона—Φοῖβος, которымъ онъ обозначенъ на сосудѣ, какъ разъ связано съ локализаціей похищенія Дафны именно въ Дафнѣ около Антіохіи [1]).

Связь съ Антіохіей подтверждается и сравненіемъ нашего сосуда съ расписной бутылкой, найденной въ Сиріи и нынѣ находящейся въ Луврѣ, гдѣ все брюшко занимаетъ изображеніе пановъ, сатировъ и т. д., распредѣленныхъ въ интерколюмніяхъ арочнаго портика [2]). Наконецъ, совершенно правильно указываетъ Цанъ (въ томъ же письмѣ) на бутылку изъ собр. Ганса (нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ), изображающую антіохійскую Тихе (R. Zahn, *Amtl. Ber. aus den Kön. Kunstsamml.*, XXXV (1913), 3, стр. 115 и рис. 53).

Но рядомъ съ этимъ не надо забывать, что въ трактовкѣ отдѣльныхъ фигуръ и въ орнаментахъ фона керченскій кувшинъ тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ Александріей.

Укажу прежде всего, что фигура Поѳоса находитъ себѣ ближайшія аналогіи въ фигурѣ крылатаго вакхическаго Эрота на цѣломъ рядѣ крышекъ сосудовъ, найденныхъ на Кипрѣ [3]). Эти крышки ближайшимъ образомъ связаны съ упомянутой уже крышкой изъ Саламины съ изображеніемъ Афродиты среди болотныхъ растеній. Мы видѣли, что эти крышки, вѣроятно, александрійскаго происхожденія. Здѣсь отмѣчу, что фигуры эротовъ и нагихъ женщинъ среди цвѣтовъ и птицъ находятъ себѣ ближайшія аналогіи въ такихъ же фигурахъ на рѣзныхъ и окрашенныхъ костяныхъ пластинкахъ, въ большомъ

---

[1]) См. Waser, P. W., R. E., IV, 2138, 56 слл.

[2]) См. Sambon, *Le Musée*, III, pl. LXXI, 10, стр. 505; Kisa, Das Glas, рис. 338, стр. 839. Интересную аналогію для фигуръ нашего сосуда даетъ кубокъ съ изображеніемъ миѳа Линкея (гравированный и рѣзной), гдѣ также фигурируетъ Pothos, см. Kisa, Das Glas, рис. 246, стр. 551; 247, стр. 555, ср. стр. 658 слл. Характерно однако, что форма этого кубка или чашки III в. по Р. Хр. почти та-же, что и вышеописанныхъ расписныхъ чашекъ александрійской фабрикаціи.

[3]) См. Hogarth, *Journ. of hell. St.* IX, 271; A. Sambon, *Le Musée*, III, 492 и рис. 41 на стр. 494, ср. Kisa, Das Glas, стр. 913 и рис. 342 на стр. 845. Одинъ экземпляръ подаренъ H. Wallis въ 1903 г. Британскому музею, гдѣ и находится.

количествѣ находимыхъ въ Александріи и въ остальномъ Египтѣ. Эти пластинки служили для украшенія деревянныхъ ящиковъ и шкатулокъ. Въ ихъ александрійскомъ происхожденіи сомнѣнія быть не можетъ. Въ высшей степени показательно, что эти картины на кости съ ихъ любовью къ цвѣтамъ (главнымъ образомъ, болотнымъ), птицамъ (преимущественно водянымъ) и растеніямъ даютъ, какъ и костяныя пластинки, обработанныя въ видѣ рельефовъ, превосходныя аналогіи всей нашей серіи сосудовъ. Аналогія эта не ограничивается мотивами, стилемъ и полихроміей. Вполнѣ идентична и техника, гдѣ фономъ для красокъ служитъ предварительная гравировка [1]).

Наиболѣе типичной и новой чертой въ декоративномъ строеніи керченскаго кувшина является, несомнѣнно, трактовка фона, усѣяннаго розетками и вѣтками лавра. Наряду съ общимъ сходствомъ этой системы съ декоративнымъ эффектомъ и цѣлью всѣхъ вышеописанныхъ сосудовъ отмѣчу и одно довольно крупное отличіе, заставляющее насъ включить керченскую бутылку въ нѣсколько иной рядъ памятниковъ декоративной живописи.

При первомъ взглядѣ на эту энохою ясно, что въ распредѣленіи орнаментовъ по корпусу сосуда имѣется извѣстная система, нѣтъ того безпорядка, который царитъ на памятникахъ, разобранныхъ въ первыхъ двухъ главахъ. Система эта напоминаетъ намъ систему распредѣленія орнаментовъ на тканяхъ, гдѣ поверхность разбивается обыкновенно на геометрическія фигуры—ромбы, квадраты, круги. Корпусъ сосуда какъ бы представленъ покрытымъ пологомъ, шитымъ розетками и вѣточками. На фонѣ этого ковра не то вышита или выткана, не то разыгрывается сцена превращенія Дафны въ лавръ. Отмѣчу также, что орнаменты, покрывающіе бутылку, очень сильно стилизованы; почти нѣтъ того натурализма, который такъ ярко характеризуетъ памятники, разобранные въ первыхъ двухъ главахъ.

Ближайшія декоративныя аналогіи интересующему насъ сосуду даютъ опять-таки памятники египетскаго, спеціально александрійскаго происхожденія.

Напомню, прежде всего, что форма и окраска розетокъ Керчен-

---

[1]) См. J. Strzygowski, Hellenistische und koptische Kunst in Alexandria, *Bull. de la soc. arch. d'Aléxandrie*, V (Wien, 1902), стр. 12 слл.; ср. костяныя шашки той же техники изъ Одесскаго музея, александрійское происхожденіе которыхъ установлено мною, см. *И. И. А. К.*, 10, 121 слл.; табл. IV, 6—12; *Rev. arch.*, 1905, I, 114. Прецедентовъ и здѣсь надо искать среди египетской фаянсовой керамики эпохи Рамессидовъ, которая такъ любитъ заполнять донышко чашки фигурой нагой женщины среди цвѣтовъ или въ лодкѣ среди зарослей лотоса, см. H. Wallis, Eg. cer. art. Mac-Gregor coll., 24, рис. 39, 40, 42 и чаще.

скаго сосуда находитъ себѣ поразительныя, до мелочей доходящія аналогіи въ тѣхъ цвѣтныхъ пластинкахъ стекла александрійской фабрикаціи, которыя употреблялись для инкрустаціи всякаго рода подѣлокъ (см., напримѣръ, Kisa, Das Glas, рис. 181, стр. 368; рис. 182, стр. 369; ср. нашу табл. VI, 2: двѣ тессеры этого типа, купленныя Голенищевымъ въ Египтѣ, нынѣ въ музеѣ Александра III въ Москвѣ). Распространены онѣ были повсюду, почти въ каждомъ музеѣ можно найти хорошія коллекціи этихъ пластинокъ. Наряду съ болотными цвѣтами — любимымъ мотивомъ этихъ пластинокъ — выдающееся мѣсто въ ихъ полихромномъ уборѣ занимаютъ розетки, состоящія изъ четырехъ сердцевидныхъ лепестковъ. На нѣкоторыхъ сосудахъ той же техники и орнаментаціи розетки эти окружены иногда вѣеромъ изъ вѣточекъ и гроздьевъ, въ той же схемѣ, что и на нашемъ кувшинѣ. Превосходнымъ образчикомъ такого рода сосудовъ можетъ служить плоская чашка изъ собранія Ганса, нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ, — перлъ этой коллекціи [1]).

Въ смыслѣ распредѣленія орнаментальныхъ частей росписи на поверхности сосуда ближайшія и по времени, и по духу аналогіи даютъ стѣнныя декоровки нѣкоторыхъ помпеянскихъ домовъ. Это — небольшая серія росписей, стоящая особнякомъ отъ остальной массы помпеянскихъ декоровокъ архитектурнаго стиля. Всѣ эти декоровки принадлежатъ къ наиболѣе позднимъ росписямъ Помпей и никѣмъ до сихъ поръ ни сопоставлены, ни изслѣдованы не были.

Всѣмъ имъ свойственно соединеніе инкрустированнаго цоколя съ верхомъ стѣны обойнаго или ковроваго типа. Для сравненія съ керченскими кувшинами особенно интересны одинъ кубикулъ въ домѣ Аріадны (см. Zahn, Die schönsten Ornamente, II, 39) и помѣщеніе за лавкой дома Reg. V, 1, 31. Въ первомъ случаѣ красная стѣна надъ цоколемъ разбита на прямоугольные ромбы, причемъ на каждомъ скрещеніи разбивающихъ линій посажено по восьмилистной желтой розеткѣ. Во второмъ — особенно характерномъ — надъ одноцвѣтнымъ цоколемъ, отдѣленнымъ отъ средней части стѣны чѣмъ-то вродѣ карнизика, идетъ сплошная красная стѣна, на которой симметрично разбросаны кружки изъ орнамента, напоминающаго «волны», въ центрѣ которыхъ изображены четырехлистныя розетки, типичныя какъ для нашего сосуда, такъ и для египетской стеклянной мозаики (см. табл. VI, 3).

---

[1]) См. R. Zahn, *Amtliche Berichte aus den Kunstsammlungen*, XXX (1913 г.), 3, стр. 112 и рис. 50.

Остальные примѣры такого же сплошного ковроваго заполненія стѣны надъ цоколемъ расчленяютъ стѣну сплошь геометрическими орнаментами на желтомъ фонѣ: мэандромъ, шестиугольниками и под., но и здѣсь съ геометрическими мотивами тѣсно связываются растительные орнаменты, особенно интересующія насъ розетки [1]).

Указанныя помпеянскія росписи въ исторіи декоративной живописи могутъ быть связаны и по схемѣ, и по орнаменту исключительно только съ росписью потолковъ ѳиванскихъ гробницъ XVIII—XX династіи. Какъ ни затруднительно устанавливать прямую связь между этими памятниками глубокой древности и памятниками эпохи поздняго эллинизма, приходится это дѣлать какъ въ виду поразительныхъ совпаденій въ деталяхъ, такъ и въ виду того, что то-же явленіе наблюдается въ цѣломъ рядѣ аналогичныхъ случаевъ (см. ниже).

Внѣ всякаго сомнѣнія ставитъ указанный выше выводъ то наблюденіе, что помпеянскія декоровки находятъ себѣ полную аналогію въ гораздо болѣе позднихъ памятникахъ декоративной живописи, тѣсно связанныхъ съ развитіемъ ея на почвѣ Египта. Я имѣю въ виду главнымъ образомъ одну гробницу въ Киренѣ и рядъ коптскихъ надгробныхъ памятниковъ въ Бавитѣ. Система росписи этихъ памятниковъ особенно близко стоитъ столько же къ упомянутымъ уже памятникамъ ковроваго стиля въ Помпеяхъ, сколько къ изданнымъ много разъ фрагментамъ росписи изъ Gragnano, найденнымъ 26 февраля 1759 г. (см. Pitture di Ercolano, IV, p. 263, 269 и 273, ср. p. 257 n. 1, ср. также Niccolini, Le case ed i monumenti, IV, 1, Suppl. tav. VIII). Съ этими послѣдними тѣсно связана часть росписи одной комнаты въ casa della princ. Margherita (Reg. IX, 2, 10) [2]), а также нѣкоторыя росписи плафоновъ золотого дома Нерона, недавно впервые точно опубликованныя Fr. Weege (см. *Antike Denkmäler*, III, 2, табл. 16, 17, 18—всѣ въ краскахъ).

---

[1]) См. лавку въ домѣ Reg. VII (III), 14, 1; въ центрѣ каждаго мэандра—розетка; типична и одна экседра въ домѣ Reg. VIII, 2, 29—30; и здѣсь въ центрѣ каждаго мэандра—розетка интересующей насъ формы, см. Niccolini, Le case ed i monumenti di Pompei, IV, 2, tav. VII). Въ извѣстной casa degli amorini dorati въ комнатѣ, украшенной, несомнѣнно, александрійскими стеклянными медальонами съ золотыми эротами, роспись средней части стѣны надъ инкрустированнымъ низомъ даетъ ковровую схему чисто геометрическаго типа: шестиугольники, ромбы, квадраты и т. д. Въ центрѣ каждой геометрической дѣлянки мы и здѣсь имѣемъ тотъ или иной растительный орнаментъ, чаще всего розетку.

[2]) См. Presuhn, Le piu belle pareti di Pompei, III, tav. VII p. 7; d'Amelio, Dipinti murali scelti di Pompei, tav. I; Niccolini, Le case ed i mon., II, 3, tav. XLVI. См. также табл. VI, 4.

Для всѣхъ этихъ росписей особенно характерны раздѣленіе расписываемой площади на ромбы или квадраты, заполненіе ихъ растеніями, цвѣтами или животными, наконецъ, чрезвычайно крупная роль, которую играютъ въ этихъ росписяхъ розетки разнообразныхъ формъ. Розетки эти то приближаются къ формѣ розетокъ египетскихъ millefiori или разбираемаго керченскаго сосуда, то стоятъ болѣе близко къ сердцевидному цвѣточному орнаменту керченскихъ расписныхъ склеповъ II в. по Р. Хр. и къ розеткѣ, состоящей изъ четырехъ развернутыхъ сердцевидныхъ лепестковъ, которую мы можемъ прослѣдить, начиная съ эллинистическихъ сосудовъ вплоть до позднихъ памятниковъ декоративнаго искусства.

Весьма сходную систему росписи имѣемъ мы и въ Киренѣ, и въ Бавитѣ, причемъ орнаментальная система всѣхъ этихъ гробницъ тѣснѣйшимъ образомъ связана и съ системой росписи плафоновъ древнихъ оиванскихъ склеповъ.

Особенно типична гробница въ некрополѣ Кирены (P a c h o, Voyage dans la Marmarique etc., pl. LV). Росписью украшена апсида аркосолія (см. табл. VI, 5). Надъ цоколемъ, который составляетъ самый аркосолій, идетъ ковровая часть декоровки, разбитая на ромбы, заполненные розетками и цвѣточными мотивами. Надъ этимъ въ полукуполѣ апсиды, обрамленномъ снаружи побѣгами виноградной лозы, изображены крылатые эроты среди гирляндъ, брошенныхъ вѣточекъ, цвѣтовъ и птицъ (среди нихъ павлинъ). Аналогія съ вышеразобранными расписными сосудами изъ Ольвіи, Саламина, Керчи, сѣв. Африки и, можетъ быть, Греціи (сосудъ Британскаго музея) бросается въ глаза. Врядъ ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень позднимъ памятникомъ.

Въ некрополѣ Бавита (см. J. C l é d a t, Le monastère et la nécropole de Baouît, *Mém. de l'Inst. fr. d'arch. or. du Caire*, XII, Le Caire, 1904) особенно характерна роспись нижнихъ частей стѣнъ отдѣльныхъ мавзолеевъ, особенно мавзолея III. Если бы не знать, что мы имѣемъ дѣло съ коптскимъ памятникомъ, можно было бы подумать на первый взглядъ, что передъ нами часть помпеянской стѣны вышеуказаннаго типа (см. особенно C l é d a t, pl. XII, XIV, XV, XXIII, XXIV). Очень типиченъ, главнымъ образомъ, по сравненію съ коптскими тканями, мавзолей № XVIII (C l é d a t, табл. LXV—LXXII), гдѣ царитъ, преимущественно, натуралистическій цвѣточный орнаментъ (см. табл. VI, 8).

Наконецъ, въ несомнѣнной связи со всѣми вышеуказанными памятниками стоитъ и одна серія только что упомянутыхъ такъ называемыхъ коптскихъ тканей. Это—одна изъ наиболѣе раннихъ серій тканей, находимыхъ въ Египтѣ (IV—VI в. по Р. Хр.). Особенно поучительны

*

большіе церковные и, можетъ быть, погребальные пологи, никѣмъ до сихъ поръ не сопоставленные и не разобранные.

Не входя въ подробное изслѣдованіе всей интереснѣйшей серіи, укажу только на нѣсколько особенно характерныхъ примѣровъ, для того чтобы читателямъ ясно было, насколько велика связь между этими памятниками IV—VI в. по Р. Хр. и всѣмъ развитіемъ орнаментальной декоративной живописи въ Египтѣ.

Всѣмъ этимъ пологамъ свойственны слѣдующія основныя черты. Верхъ ихъ занятъ одиночнымъ, двойнымъ или даже тройнымъ фризомъ, въ которомъ главную роль играютъ прямыя лиственныя гирлянды или полосы орнаментовъ, къ которымъ иногда подвѣшены лиственные вѣнки или гирлянды съ путтами въ нихъ или между ними. Въ центрѣ полога подъ фризомъ всегда изображены два ангела, эрота или ники, поддерживающіе вѣнокъ съ крестомъ или другимъ какимъ-либо изображеніемъ въ немъ. Наконецъ, все поле подъ фризомъ до низа заткано въ схемѣ ромбовъ цвѣтами, обыкновенно въ видѣ розетокъ изъ четырехъ сердцевидныхъ листьевъ, калаѳами, медальонами, птицами и отдѣльными лепестками или даже просто точками.

Кромѣ пологовъ всѣ названныя выше составныя части вышивки встрѣчаются постоянно и на хитонахъ, и на отдѣльныхъ полосахъ матеріи, и на отдѣльныхъ вставныхъ вшитыхъ или предназначенныхъ быть вшитыми кускахъ матеріи.

Наилучше сохранившійся пологъ интересующаго насъ рода хранится въ Брятанскомъ музеѣ (впервые издается мною съ любезнаго разрѣшенія M-r Budge, къ сожалѣнію не цѣликомъ; см. табл. VII, 1). Онъ былъ купленъ Budge въ Ахмимѣ въ 1904 г. Въ него завернутъ былъ погребенный коптскій епископъ (званіе было опредѣлено на основаніи головного убора погребеннаго). Врядъ ли передъ нами погребальный пологъ. Гораздо вѣроятнѣе, что епископа похоронили въ пологѣ, завѣшивавшемъ стѣны или врата храма.

Типично для этого полностью сохранившагося полога то, что онъ раздѣленъ на двѣ части (завѣса для вратъ) и въ главномъ медальонѣ по сторонамъ заполняющей вѣнокъ crux gemmata имѣются надписи. Къ сожалѣнію, сохранились только двѣ надписи лѣвой половины: вверху — РОС — ⲰⲦⲰЭΘ = Θεώδωρος, внизу — ЭНΘΥΟ — NЭЭ = Σενούθης.

На великолѣпномъ фрагментѣ Victoria and Albert Museum въ Лондонѣ центральные ангелы не сохранились, зато превосходно сохранился фризъ съ путтами, калаѳы, цвѣты и медальоны (издается мной также впервые съ любезнаго разрѣшенія администрація музея; см.

табл. VII, 2). Въ томъ-же музеѣ имѣется фрагментъ полога съ одною центральною группою ангеловъ (сохранился одинъ), поддерживающихъ медальонъ съ крестомъ [1]).

Наконецъ, подобный же (наиболѣе грубый) фрагментъ хранится въ Имп. Эрмитажѣ. Въ немъ интересны плохо сохранившееся изображеніе въ центральномъ медальонѣ (не крестъ) и богатѣйшій фризъ съ полосой фигурныхъ медальоновъ (см. табл. VI, 6) [2]).

Другой типъ пологовъ съ архитектурнымъ, а не ковровымъ расчлененіемъ представленъ изданнымъ Свободой пологомъ изъ Kaiser Friedrich музея въ Берлинѣ, рядомъ фрагментовъ тамъ-же и однимъ очень интереснымъ фрагментомъ Императорскаго Эрмитажа [3]).

Связь всѣхъ этихъ пологовъ съ росписью стѣнъ цвѣточнаго или архитектурнаго стилей бросается въ глаза.

Всѣ указанныя выше сопоставленія позволяютъ намъ судить о крупномъ значеніи для исторіи декоративной живописи той керченской расписной энохои, которая послужила исходнымъ пунктомъ для нашего сопоставленія [4]).

Къ сожалѣнію, трудно датировать съ точностью керченскую энохою. Наиболѣе показательно для меня сличеніе декоративной системы съ Помпеями и domus aurea Нерона, а также форма сосуда, напоминающая болѣе всего сосуды фабрики Энніона (см. мою Ант. декор. живопись на югѣ Россіи, стр. 218 и дополненіе на стр. 514). Все это не позволяетъ думать о времени болѣе позднемъ, чѣмъ I в. по Р. Хр. За ту же дату говоритъ и сближеніе съ millefiori.

---

[1]) См. Portofolio of Egyptian Art, part 1—5: Egyptian tapestry.

[2]) Очень интересна связь этихъ пологовъ съ одною мозаикою изъ Мадебы VI в. Особенно интересны ромбы, заполняющіе поле мозаики. Полосы, ихъ составляющія, несомнѣнно, являются геометризаціей и стилизаціей обычнаго сердцевиднаго лепестка розы, столь типичнаго для коптскихъ тканей. См. А. А. Павловскій и Н. К. Клуге, *Изв. русск. арх. Инст. въ Константинополѣ*, VIII (1903), табл. V; ср. Ростовцевъ, Античная декор. живопись на югѣ Россіи, стр. 517. Укажу еще на то, что въ указанной только что работѣ я сопоставилъ и данныя о развитіи сухой лавровой гирлянды, характерной для указанныхъ пологовъ. Поразительно совпаденіе гирляндъ на пологахъ съ ролью и характеромъ гирляндъ въ опубликованной мною росписи одной поздне-языческой гробницы изъ эсъ Саломуна, см. ук. соч., стр. 495, рис. 93; ср. стр. 501.

[3]) См. Swoboda, Archaeologische Ehrengabe zum siebzigsten Geburtstage de Rossi's, herausg. von A. de Waal, 95 слл., табл. VI—VII.

[4]) Входить въ исторію распространенія интересующей насъ системы въ Европѣ и въ Византіи въ эпоху поздней античности и ранняго средневѣковья здѣсь, конечно, не мѣсто; укажу для иллюстраціи крупной роли нашей системы на одинъ въ высокой степени важный памятникъ—мозаичный потолокъ мавзолея Галлы Плацидіи въ Равеннѣ, см. часть его на табл. VI, 7.

Несмотря на египетскія аналогіи, происхожденіе стекла, по всей вѣроятности, всетаки не египетское, а сирійское. Надо помнить, что Египетъ въ эллинистическое время оказалъ сильнѣйшее вліяніе на Сирію.

IV.

Въ связи съ вышеизложеннымъ разборомъ группы расписныхъ сосудовъ александрійскаго происхожденія укажу еще на одну группу полихромныхъ сосудовъ, по времени и техникѣ примыкающую къ разобранной. Хорошимъ представителемъ этой группы является одинъ стеклянный сосудъ Имп. Эрмитажа, найденный въ Ольвіи же и принадлежавшій коллекціи Калло [1]).

Сосудъ состоитъ изъ двухъ частей: а) небольшой сравнительно неглубокой мисочки съ плоскимъ краемъ и б) плоской крышки съ плоскимъ же поднятымъ надъ поверхностью крышки и загнутымъ внизъ краемъ (см. табл. VIII, 1). Обѣ части сдѣланы изъ бѣлаго прозрачнаго стекла и обѣ расписаны. Чашка была расписана по ея вогнутому донышку, но отъ росписи сохранились только кое-гдѣ отдѣльныя пятнышки золота. Роспись крышки сохранилась значительно лучше (табл. VIII, 2 и 3). Она вся сосредоточена по краю сосуда весь центръ, какъ кажется, росписью покрытъ не былъ, такъ что черезъ прозрачную поверхность его виденъ былъ рисунокъ дна чашки: эффектъ получался приблизительно такой же, какъ въ камеяхъ изъ горнаго хрусталя, гдѣ врѣзанный бюстъ золотился внутри, создавая иллюзію вставленнаго въ горный хрусталь золотого бюста.

Роспись бордюра крышки сдѣлана изнутри. Сначала положены тончайшіе листочки золота, образующіе листья идущей по всему бордюру миртовой или лавровой гирлянды и бордюръ всего рисунка съ одной и съ другой стороны (сверху нѣчто вродѣ коньковъ, снизу родъ городковъ); затѣмъ красной краской сдѣланы перевязи гирлянды и фонъ полосъ, окружающихъ съ обѣихъ сторонъ описанную гирлянду; наконецъ, вся площадь, занятая гирляндой, покрыта толстымъ слоемъ свѣтлосиней краски. Въ четырехъ мѣстахъ на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого наклеены на этотъ голубой фонъ гипсовые кружочки,

---

[1]) Указаніемъ на него я обязанъ любезности Р. фонъ Валя, занятаго въ настоящее время каталогизаціей стекла Императорскаго Эрмитажа и новой разстановкой его въ витринахъ. Хотѣлось бы, чтобы въ этой новой разстановкѣ преобладалъ историческій, а не эстетическій и отчасти техническій принципъ.

цѣлью которыхъ было, очевидно, предохранить раскраску бордюра отъ соприкосновенія съ бордюромъ чашки, на которомъ покоилась крышка [1]).

Ближайшую аналогію нашей чашкѣ съ крышкой, найденной въ Ольвіи, составляетъ такая же чашка съ крышкой, поступившая изъ коллекціи Кампана (найдена, вѣроятно, на югѣ Италіи) въ Лувръ. Фрэнеръ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ (Fröhner, La verrerie antique, 99): «Dans la même collection (т. е. въ колл. Кампана) (№ 303) se trouve un petit plateau muni de son couvercle et décoré d'un sujet analogue (см. ниже). Les contours noirs, qui ont mieux résisté que la coloration bleue et rouge foncé, permettent de distinguer un môle, avec ses voûtes en plein cintre, et la proue ancrée, à droite, devant le phare. Dans l'interieur du couvercle un cercle rouge, bordé de filets d'or et parsemé de points d'or, est entouré d'une guirlande de fleurs que l'artiste a peinte en or et en rouge» [2]).

Изображеніе на днѣ этой чашки повторяетъ такое же изображеніе, но въ обратную сторону, на днѣ такой же плоской чашки съ крышкой, найденной въ 1819 г. въ одной Кумской гробницѣ и затѣмъ исчезнувшей. Чашка эта зарисована была Минутоли; его рисунокъ (акварель)

---

[1]) Нѣкоторыми изъ вышеизложенныхъ техническихъ наблюденій я обязанъ любезности М. В. Фармаковскаго, подновившаго имѣвшійся въ Эрмитажѣ рисунокъ крышки и сдѣлавшаго рисунки 1 и 3 на табл. VIII. Разрѣшеніемъ опубликовать сосудъ по рисунку Эрмитажа я обязанъ Е. М. Придику.

[2]) На мой запросъ о чашкѣ и крышкѣ E. Michon, хранитель Луврскаго музея, любезно отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: «Je ne sais malheureusement pas à quoi correspond le № 303 indiqué par M. Fröhner, et les deux verres suivants ne portent, en fait d'étiquettes, que les № 50 et 54, qui ne correspondent pas non plus aux Cataloghi Campana. Le premier, qui est certainement le couvercle mentionné par M. Fröhner, et qui peut avoir rempli ce role, a la forme d'un plateau circulaire legérement concave, avec partie centrale renflée. Il porte, en effet, autour de cette partie centrale: 1-o un cercle rouge bordé de filets d'or et parsemé de points d'or; 2-o une zône extérieure à ce cercle, comportant ce que M. Fröhner appelle des fleurs—19 ornements en or (palmettes) tous tournés vers la gauche; dans la zône apparaissent d'assez nombreux taches rouges entre les ornements; 3-o un deuxième cercle rouge avec des points d'or. Diamètre 0 m., 12 c. Je suppose que le second verre est ce que M. Fröhner appelle le plateau. Son diamètre est en effet un peu inférieur an soi-disant couvercle, 0,115. Il consiste en une coupe profonde, sans pied, avec bord rabattu en dehors. Malheureusement les peintures en sont devenues presque completement indistinctes. La photographie ne donnerait absolument rien.... On aperçoit seulement des taches rouges et des lignes ou points d'or. Je crois voir, dans le fond, à l'intérieur d'un cercle rouge, sur une sorte de ligne horizontale tracée environ au quart inférieur de l'éspace circulaire limité par le cercle, comme une sorte de haute tour qui parait avoir été en rouge plein, et à droite des traits en or. Seraient ces traits que M. Fröhner aurait considerés comme la voile d'un navire? Tout cela est tellement éffacé que je ne suis même pas sûr de ce que j'indique».

находился въ рукахъ у Фрэнера, когда онъ издавалъ свою «La verrerie antique», но имъ изданъ не былъ [1]).

Всѣ три памятника входятъ въ серію стеколъ, расписанныхъ золотомъ, александрійское происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Александрійскую технику усвоили себѣ кампанскія ателье, откуда, очевидно, происходятъ всѣ три описанныя чашки.

Александрійская родина всей этой техники доказывается опубликованнымъ мною фрагментомъ чашки изъ коллекціи Голенищева [2]). Полную аналогію этому фрагменту даетъ плоская чашка Берлинскаго музея, на днѣ которой изображенъ золотыми линіями архитектурный сакральный пейзажъ, очень напоминающій пейзажъ Голенищевскаго фрагмента (см. табл. III, 4). На почвѣ, обозначенной тремя параллельными линіями, стоитъ въ правой части какое-то сложенное изъ квадровъ зданіе съ двумя антами (?) во фронтѣ, можетъ быть, эдикула. Изъ фундамента этого зданія выростаетъ большое вѣтвистое дерево, искривленное влѣво и заполняющее своими вѣтвями съ довольно жидкой листвой всю площадь дна чашки влѣво отъ зданія [3]). Можно думать, что промежутки между золотыми линіями въ изображеніи зданія заполнены были красками, какъ это типично и для выше описанныхъ чашекъ, и для найденныхъ въ Египтѣ фрагментовъ стеклянной посуды съ фигурными и орнаментальными изображеніями [4]).

Ясно изъ сказаннаго, какое большое значеніе имѣетъ интересующій насъ сосудъ уже потому, что это единственный изъ имѣющихся въ наличности, сохранившій роспись, хотя бы только по бордюру крышки. Кое-какіе слѣды указываютъ и на то, что роспись имѣлась не только на крышкѣ, но и внутри чашки.

---

[1]) См. Fröhner, l.l.; Kisa, Das Glas, стр. 812.

[2]) См. Ростовцевъ, Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ 134, рис. 20 (нѣмецкое изданіе стр. 65, рис. 38).

[3]) На мой запросъ объ этомъ сосудѣ A. Köster любезно сообщилъ мнѣ слѣдующія данныя. Чашка куплена была изъ собр. Bourguignon въ Парижѣ въ 1901 г. (см. аукц. каталогъ: Collection d'antiquités etc. Collection d'antiquités gr. et romaines provenant de Naples. Vente du 18 au 20 mars 1901). Согласно этому каталогу найденъ въ Кумахъ. Въ берлинскомъ собраніи имѣетъ инв. № 3978. Діам. 0,11 м., выс. 0,025 м. О техникѣ Кёстеръ сообщаетъ: „Das Glass ist nicht geblasen, sondern aus der vollen Glasmasse herausgearbeitet. Die Goldzeichnung findet sich auf der Innenseite und ist in Blattgold auf dem Glase angebracht mit Hilfe eines Klebmittels. Auch der innere Rand scheint eine Verzierung in Blattgold gehabt zu haben, deren Zeichnung jedoch nicht mehr zu erkennen ist. Sowohl der Rand wie auch die Bodenfläche innen zeigen umfangreiche Spuren roter Farbe. Aussen findet sich nirgends Farbe."

[4]) Совпаденіе между Голенищевскимъ и берлинскимъ сосудами особенно разительно въ трактовкѣ дерева: та-же форма, та-же листва, тотъ же стелющійся вдоль земли стволъ.

Но если съ этой точки зрѣнія ольвійскія чашка и крышка представляютъ большой интересъ, то еще важнѣе слѣдующее.

Насколько большую важность имѣетъ первая выше разсмотрѣнная серія расписныхъ сосудовъ для вопроса о происхожденіи такъ называемаго цвѣточнаго стиля декоративной росписи, настолько вторая только что разсмотрѣнная интересна для исторіи архитектурнаго пейзажа и, особенно, такъ называемаго вилловаго или портоваго ландшафта. Какъ показываютъ выше разобранныя чашки съ крышками, происхожденіе вилловаго пейзажа надо искать въ Александріи, въ тѣхъ продуктахъ художественной промышленности, которые александрійскіе мастера любили украшать видами александрійскаго порта съ знаменитымъ маякомъ.

Въ эту серію входятъ и чрезвычайно интересныя александрійскія глиняныя лампы, одну изъ которыхъ я опубликовалъ въ моемъ «Эллинистическо-римскомъ архитектурномъ пейзажѣ» [1]), но которыя требуютъ болѣе пристальнаго разсмотрѣнія и сличенія съ аналогичными лампами другихъ собраній и другихъ фабрикъ. О нихъ я собираюсь говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

Характерно, что къ той же серіи принадлежатъ и стеклянные сосуды, украшенные рѣзьбой. Одинъ несомнѣнно александрійскій экземпляръ такого сосуда даетъ намъ очень типичный александрійскій сакральный пейзажъ съ изображеніемъ Исиды, лежащей у своей эдикулы, около которой растетъ искривленное дерево, и рядомъ мастера, работающаго египетскую стелу (см. табл. IX). Пейзажъ этотъ неотдѣлимъ отъ выше разобранныхъ пейзажей Голенищевскаго и берлинскаго сосудовъ, написанныхъ золотомъ на днѣ плоскихъ чашекъ [2]).

Съ указанной чашкой въ свою очередь по техникѣ и трактовкѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи знаменитые сосуды съ гравированнымъ изображеніемъ порта Путеолъ [3]). Несомнѣнно, что и здѣсь имѣлся александрійскій прототипъ, какъ по александрійскому образцу сдѣланы были и пейзажи выше описанныхъ чашекъ и пейзажъ, написанный зо-

---

[1]) См. нѣмецкое изданіе Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft, 153, рис. 66.

[2]) См. Catalogue of the collection of glass form. by Fel. Slade esq., London, 1871, № 919, стр. 161. Выс. 0,084, діам. вверху 0,098. Въ высшей степени характерна форма сосуда, та-же, что и форма расписанныхъ эмалевыми красками вышеразобранныхъ сосудовъ. Форма храма, изображеннаго на гравированной чашкѣ Британскаго музея, та-же, что на Голенищевскомъ сосудѣ, форма дерева, типъ листвы и т. д. тѣ-же, что на Голенищевскомъ сосудѣ и сосудѣ Берлинскаго музея.

[3]) См. Kisa, Das Glas, 640 слл., рис. 244 на стр. 543.

лотомъ по стеклу и изображающій приморскій городъ, фрагменты котораго, найденные въ Кельнѣ, хранятся нынѣ въ Боннскомъ музеѣ [1]).

Характерно, что вся выше намѣченная серія сосудовъ (съ росписью золотомъ и съ гравированными изображеніями) совершенно такъ же, какъ серія сосудовъ, расписанныхъ эмалевыми красками, рождается въ Александріи въ эпоху поздняго эллинизма, переходитъ въ I в. по Р. Хр. на западъ, главнымъ образомъ, на южно-италійское побережье и затѣмъ празднуетъ новый расцвѣтъ на сѣверѣ въ II—IV вѣкахъ по Р. Хр.

Характерно также, что пейзажъ, изображенный на этихъ сосудахъ, распадается на тѣ-же двѣ котегоріи, что и пейзажъ въ росписи домовъ, т. е. опять таки наблюдается то-же совпаденіе со стѣнной росписью, что и въ сосудахъ, украшенныхъ въ цвѣточномъ стилѣ. Эти двѣ категоріи пейзажа я назвалъ пейзажемъ сакральнымъ и пейзажемъ приморскимъ; и въ томъ, и въ другомъ архитектура играетъ наиболѣе значительную роль. Какъ я уже указалъ въ другомъ мѣстѣ, оба эти пейзажа, родившись внѣ Александріи и Италіи, усердно культивируются въ Александріи въ эпоху поздняго эллинизма и здѣсь сильно египтизируются, затѣмъ переходятъ на западъ, первоначально на югъ Италіи, гдѣ вдохновляются мѣстными мотивами и пріобрѣтаютъ стремленіе къ портретности, къ изображенію опредѣленныхъ городовъ и опредѣленныхъ памятниковъ.

Этотъ процессъ, который я прослѣдилъ на росписяхъ и рельефахъ, можно такъ-же удобно прослѣдить и на продуктахъ мелкой художественной промышленности, къ которымъ принадлежатъ вышеописанные стеклянные сосуды. Особенно показательны эти сосуды тѣмъ, что александрійское происхожденіе старѣйшихъ представителей интересующихъ насъ серій не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, какъ не можетъ быть подвергнута сомнѣнію и зависимость отъ нихъ позднѣйшихъ италійскихъ и провинціальныхъ продуктовъ того-же типа.

То, что я установилъ въ свое время предположительно для декоративной росписи, подтверждается здѣсь такимъ образомъ неопровержимыми данными.

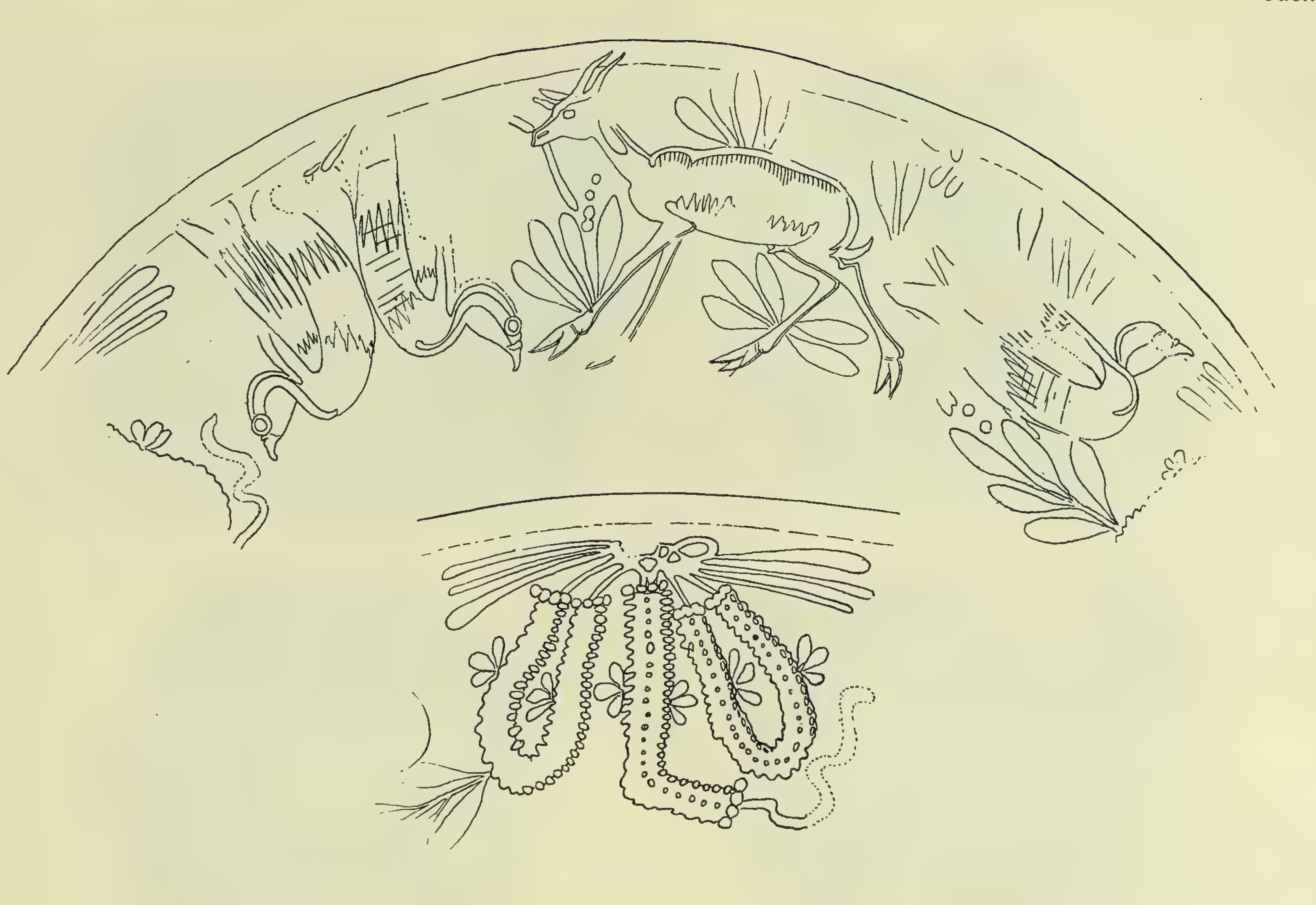
М. Ростовцевъ.

---

[1]) См. Kisa, Das Glas, 809 сл. и рис. 336 на стр. 835.

1—2. Расписная стеклянная чашка изъ Ольвіи. 3. Фрагментъ расписного стеклянаго сосуда изъ Ольвіи.

Роспись чашки изъ Ольвіи въ развернутомъ видѣ. Рис. М. В. Фармаковскаго.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ. СПб.

1—3. Расписная стеклянная чашка Британскаго музея. 4. Стеклянная чашка Берлинскаго музея съ росписью золотомъ.

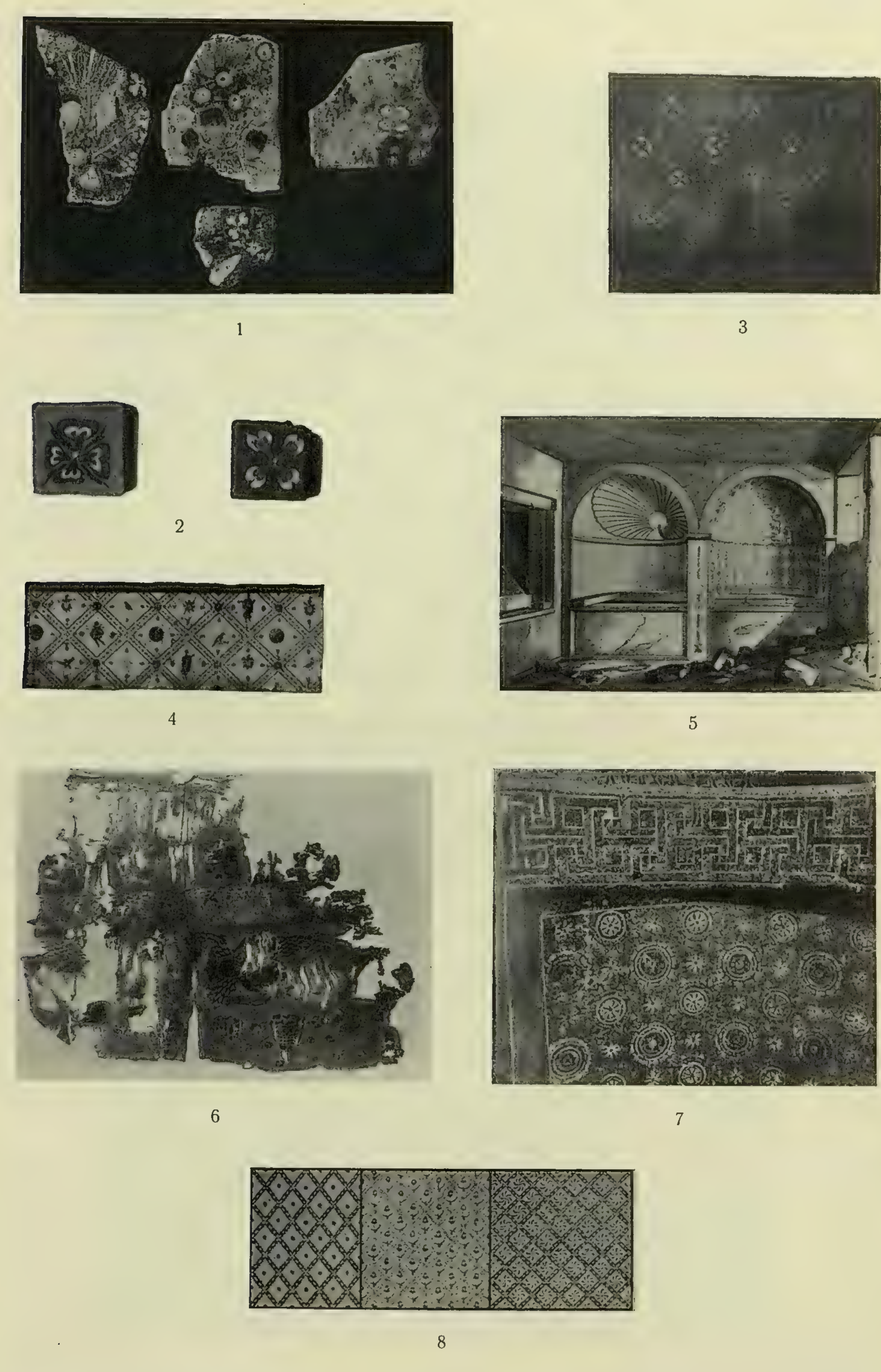
1. Расписной стекляный сосудъ изъ Нима. 2. Рисунки на донышкахъ сосудовъ изъ Нима и Хамиссы. 3. Расписной стекляный амфорискъ изъ Керчи. 4. Расписной стекляный амфорискъ изъ кипрскаго Саламина. 5. Роспись стекляной чашки изъ Хамиссы въ развернутомъ видѣ. 6. Мозаика изъ Суссы. 7. Мозаика изъ Сфакса.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

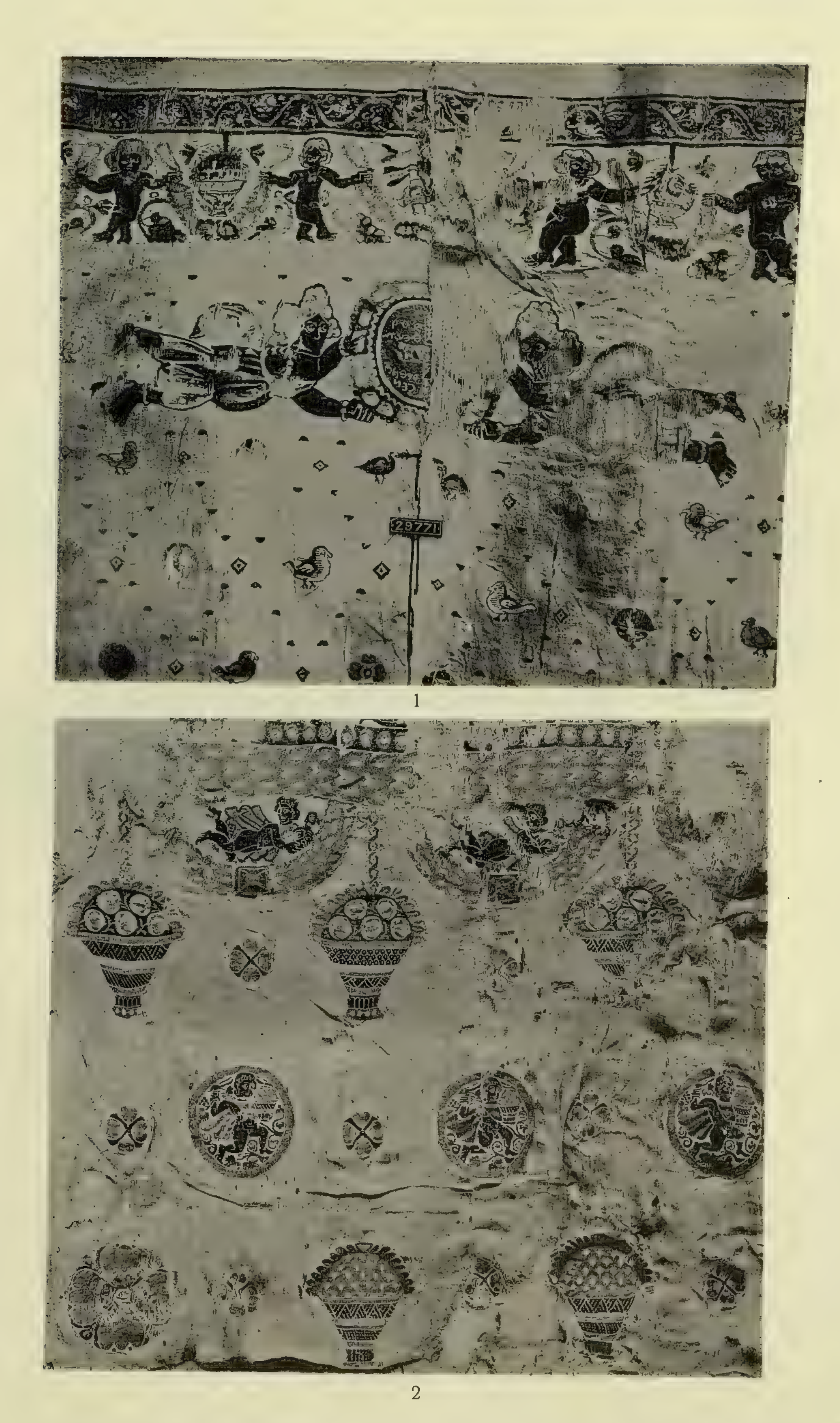

1—4. Расписной стекляный сосудъ, найденный въ Керчи.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

1. Фрагменты стекляныхъ пластинокъ изъ Александріи. 2. Стекляные квадратики изъ колл. Голенищева (Московскій музей имени Императора Александра III). 3. Часть росписи ковроваго типа изъ Помпей. 4. Часть росписи плафона комнаты одного Помпеянскаго дома. 5. Расписная гробница въ Киренѣ. 6. Фрагментъ коптской ткани Императорскаго Эрмитажа. 7. Часть мозаичнаго потолка мавзолея Галлы Плацидіи въ Равеннѣ. 8. Часть росписи одного изъ мавзолеевъ Бавита.

1

2

1. Коптскій церковный пологъ Британскаго музея.
2. Коптскій церковный пологъ Victoria and Albert Museum въ Лондонѣ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ СПб.

1. Расписной стекляный сосудъ Императорскаго Эрмитажа.
2. Крышка сосуда; 3. Деталь бордюра крышки.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

1—4. Гравированный стекляный сосудъ изъ коллекціи Slade, нынѣ въ Британскомъ музеѣ.

Къ изученію Перещепинскаго клада.

III [1]).

Сассанидское серебряное блюдо.

Одной изъ интереснѣйшихъ вещей клада, найденнаго въ 1912 году въ с. Малой Перещепинѣ, Константиноградскаго уѣзда Полтавской губ., является серебряное фрагментированное съ рельефными золотыми и золочеными изображеніями блюдо (вѣрнѣе, чаша), вѣсомъ въ 1 фунтъ 52 зол. [2]).

Въ С.-Петербургъ оно было доставлено въ четырехъ кускахъ, едва составлявшихъ половину блюда. По порученію Императорской Археологической Коммиссіи я занялся его реставраціей. Надо было спачала угадать хотя приблизительную схему рисунка на блюдѣ, чтобы найти мѣсто для четырехъ большихъ кусковъ его, которые оказались не вполнѣ смежными другъ другу; кромѣ того, слѣдовало заняться пересмотромъ большой кучи мелкихъ серебряныхъ обломковъ, собранныхъ на мѣстѣ нахожденія клада, и отыскать среди нихъ части, принадлежавшія этому блюду.

Послѣ самаго тщательнаго и многократнаго пересмотра мнѣ удалось отыскать восемь кусочковъ, которые вмѣстѣ съ тремя другими, поступившими позже отъ Н. Е. Макаренка [3]), составили въ общемъ тотъ видъ блюда, въ какомъ оно теперь издается.

Блюду въ настоящемъ его видѣ (см. табл. X) не достаетъ одного сегмента, величиной равнаго приблизительно одной трети всей его полусферы, что, къ счастію, не мѣшаетъ композиціи изображенія быть вполнѣ понятной.

---

[1]) [Двѣ первыя статьи подъ этимъ заглавіемъ (В. Н. Бенешевича и М. В. Фармаковскаго) см. въ *Изв. Имп. Арх. Ком.*, в. 49, стр. 101—127. *Ред.*].

[2]) По описи Полтавскаго Отдѣленія Государственнаго Банка за № 7.

[3]) Н. Е. Макаренко былъ на мѣстѣ нахожденія клада и пріобрѣлъ кое-что относящееся къ кладу уже изъ частныхъ рукъ. [Ср. его статью въ *Изв. И. А. Ком.*, приб. къ в. 46, стр. 207—211. *Ред.*].

Діаметръ блюда—23 см.; высота 4,6 см.; высота ножки 1,2 см.; вѣсъ въ склеенномъ видѣ 1 ф. 66 зол.

Находка этого блюда среди другихъ вещей клада имѣетъ первостепенную важность, такъ какъ оно и само по себѣ имѣетъ значительную культурно-историческую и художественную цѣнность, а кромѣ того, точно датируясь, оно датируетъ собой и цѣлый рядъ предметовъ, съ нимъ найденныхъ. Поэтому я считаю для себя большой честью то двойное довѣріе, которое оказано мнѣ Императорской Археологической Коммиссіей сначала предложеніемъ реставрировать блюдо, а затѣмъ и описать его.

Общее описаніе блюда. На блюдѣ изображена сцена охоты. Вѣнценосный всадникъ верхомъ на скачущемъ конѣ преслѣдуетъ дикихъ козловъ. Два изъ нихъ уже повержены стрѣлами охотника и лежатъ подъ ногами его коня; два другихъ, надѣясь на быстроту своихъ ногъ, стараются избѣгнуть той же участи.

Техника. Изломы блюда и его обломки позволили разглядѣть всю технику его работы. Здѣсь примѣнены всѣ виды металлической техники, извѣстной въ древности [1]); но преимущественно обработка металла производилась въ его холодномъ, твердомъ состояніи; только головы всадника, лошади и верхняго козла — массивныя литыя и затѣмъ еще обработанныя отъ руки; весь же остальной рельефъ—чеканной накладной работы. Для фигуръ въ мѣстахъ наложенія ихъ на блюдѣ сдѣланы соотвѣтствующіе вырѣзы, вѣрнѣе срѣзы, тамъ гдѣ накладывались ихъ контуры. Пустотѣлы только фигуры животныхъ и, вѣроятно, всадника, ноги же ихъ и всѣ низкія части рельефовъ переходятъ въ другой родъ техники, близкой къ микенской интарсіи.

Золото рельефовъ, вѣроятно, съ большой примѣсью серебра или какого-либо другого бѣлаго металла, своимъ видомъ очень походитъ на электръ.

Композиція рельефа. Рельефъ занимаетъ всю внутреннюю сторону блюда и горизонтально раздѣляется на три параллельныя части. Верхняя часть заполнена массивомъ туловища охотника, его огромной, окруженной сіяніемъ головой, съ развѣвающимся сзади нея платомъ, и лукомъ въ вытянутой впередъ лѣвой рукѣ. Средняя — распластаннымъ

---

[1]) См. Daremberg-Saglio, Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines, Caelatura (Τορευτική); ср. H. Blümner, Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste, Leipzig, 1887, IV, § 9, 142 сл.; H. B. Walters, Catalogue of the Bronzes in the Brit. Museum, London 1899, Introduction, XXIX сл.; F. H. Marshall, Catalogue of the Jewellery in the Brit. Museum, London 1911, LI сл.

слѣва направо, съ вытянутыми по горизонтали ногами, конемъ, и въ томъ же движеніи убѣгающимъ отъ него козломъ. Нижняя—бѣгущимъ подобно первому козломъ и за нимъ двумя другими козлами, уже поверженными стрѣлами охотника [1]).

Очень хорошо переданы типы козловъ и коня, характеръ ихъ galop volant [2]), особенно же удались пораженныя на всемъ скаку животныя, которыя, прежде чѣмъ пасть, опрокинулись въ воздухѣ и лежатъ обращенныя головами въ противоположную общему устремленію сторону, одно съ характерно для убитаго откинутой головой и съ полувысунутымъ языкомъ, другое еще въ судорожныхъ движеніяхъ предсмертной агоніи.

Странности композиціи. При всей наличности столь тонкаго реализма, удивляетъ въ рельефѣ несуразно большая, плохо, не въ оси со всѣмъ туловищемъ поставленная, голова всадника.

Что это? Необходимое ли условіе композиціи, въ видѣ боязни пустого пространства въ верхней части блюда, наслѣдственная ли черта восточнаго искусства, такъ любовно и тонко передававшаго анатомію животныхъ [3]) и такъ плохо знавшаго анатомію человѣка, или, наконецъ, наивное желаніе художника величиной, размѣромъ отмѣтить самое важное въ изображеніи, сдѣлать голову всадника, очевидно претендующую на портретное сходство, центромъ вниманія зрителя?

Я бы сказалъ, что всѣ три предположенія могутъ быть приняты вмѣстѣ. Композиція къ тому располагала, традиція не препятствовала, заказчикъ требовалъ. Возможно даже, что къ блюду, заготовленному ранѣе, голова была приставлена потомъ, когда стало извѣстно его спеціальное назначеніе, согласно желанію его владѣльца.

Что голова сдѣлана отдѣльно и приставлена потомъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: это особенность техники. Такъ же отдѣльно обработаны головы коня и верхняго козла, изображенныя, какъ и голова всадника, статуарно. Но головы лошади и козла поставлены совсѣмъ правильно, и эта особенность техники здѣсь не замѣтна, тогда какъ въ головѣ всадника она бросается въ глаза.

Примѣты времени и мѣсто изготовленія блюда. Конечно, въ головѣ

---

[1]) Подобную группировку животныхъ и всей сцены можно видѣть на сассанидскомъ рельефѣ въ Tak-i-Bostan'ѣ. См. Flandin et Coste, Voyage en Perse, pl. 33.

[2]) О galop volant въ сассанидскомъ искусствѣ см. статью S. Reinach, La représentation du galop, *Revue Arch.* v. 37 (1900), с. 244—259.

[3]) Вспомнимъ хотя бы раненую львицу на рельефѣ изъ Куюнджика. См. Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, Leipzig 1911, стр. 66, рис. 156.

мы должны искать портретное сходство, ей удѣлить особенное вниманіе. Но описаніе слѣдуетъ начать съ общаго, пока не касаясь лица, здѣсь изображеннаго, какъ если бы оно отсутствовало; начать съ характерныхъ чертъ мѣста и времени, отраженныхъ въ типѣ животныхъ, убранствѣ коня, въ костюмѣ и оружіи всадника, наконецъ, въ его манерѣ стрѣлять изъ лука. Въ нихъ есть такія особенности, которыя опредѣленно укажутъ намъ на азіатское, персидское, сассанидской эпохи, происхожденіе блюда.

Типическія особенности животныхъ. Козы. Изображенныя здѣсь дикія козы принадлежатъ къ той породѣ, которая преимущественно водится въ предѣлахъ передней части М. Азіи. Короткошерстыя, но съ пушистой гривой на шеѣ и груди, эти граціозныя созданія обладаютъ парой великолѣпныхъ круто загнутыхъ волютой роговъ (живой прототипъ хетско-іонійской капители) и крѣпкими ногами. Изображеніе подобныхъ козъ мы можемъ видѣть на нѣкоторыхъ ассирійскихъ барельефахъ [1]), на персидскихъ же скаловыхъ рельефахъ изображается, преимущественно, нѣсколько иной типъ козы съ высоко стоящими, чуть отогнутыми назадъ рогами.

Конь. Конь всадника по типу въ общемъ очень походитъ на лошадь рельефовъ Куюнджика [2]) и совершенно идентиченъ точно такъ же скачущему коню на одномъ изъ сассанидскихъ рельефовъ въ Naksch-i-Rustem [3]).

Этотъ типъ лошади и теперь еще существуетъ въ Персіи, извѣстенъ онъ и на юго-востокѣ Россіи, гдѣ носитъ названіе «иноходца». Эти маленькія на видъ лошадки отличаются легкостью и быстротой рыси, весьма удобной и покойной для наѣздника. Онѣ всегда съ крупнымъ, мясистымъ туловищемъ и шеей, съ короткой гривой, маленькой сравнительно съ туловищемъ и костистой головой, съ тонкими, короткими, но очень сильными ногами, мускулатура которыхъ здѣсь такъ своебразно трактована художникомъ.

Хвостъ коня подобранъ кверху и связанъ въ видѣ банта широкой лентой, концы которой развѣваются по вѣтру.

Убранство коня. Мастеръ позаботился о детальнѣйшей трактовкѣ убранства коня, придавая этому, вѣроятно, большое значеніе. Конь

---

[1]) См. Layard, Nineveh and its remains, London 1849, I табл. 30; ср. Вёрманъ, Исторія искусствъ всѣхъ временъ и народовъ, 1, 211. См. въ Луврѣ ассирійскій отдѣлъ. рельефъ № 271; ср. O. Keller, Die antike Tierwelt, Leipzig 1909, 271 слл.

[2]) См. Keller, ук. соч. и мѣсто.

[3]) Sarre und Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910, t. IV.

взнуздапъ свободной уздечкой, разукрашенной богато и разнообразно. Вся она золоченая и орнаментирована мелкими насѣчными кружечками, а въ мѣстахъ ремневыхъ перехватовъ—крупными рельефными бляшками, изъ коихъ самая крупная помѣщена подъ ухомъ на подщечномъ ремнѣ. Налобный, нащечный и подщечный ремни, скрѣпляясь этой бляхой, продолжаются внизъ и заканчиваются наконечниками въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ. Эта деталь показана гравировкой. Отъ той же бляхи падаетъ на шею коня въ нѣсколькихъ перехватахъ пучекъ шнурковъ; онъ захватываетъ сверху прядку гривы коня, капризно оставленную длиннѣе всей остальной гривы, или только переброшенную на эту сторону, и заканчивается внизу колокольчикомъ [1]). Чолка коня, связанная пучкомъ и поставленная стоймя (не сохранилась), при быстромъ бѣгѣ, должно быть, развѣвалась подобно султану на головѣ коня, изображеннаго на Строгановскомъ блюдѣ [2]).

Вся шлея украшена такими же насѣчными кружечками, какъ и уздечка, и рельефными бляхами на бедрахъ переднихъ и заднихъ ногъ. Ихъ по три съ обѣихъ сторонъ; къ среднимъ болѣе крупнымъ подвѣшено по фалару [3]). Фалары рельефные круглые со сплюснутыми боками.

Отъ шлеи или отъ конца сѣдла идутъ длинныя цѣпочки, на которыхъ висѣли какіе-то большіе предметы яйцеобразной формы (сохранился лишь контуръ), вѣроятно серебряныя или золотыя погремушки. Когда конь стоялъ или спокойно шагалъ, эти погремушки-бубенцы свисали низко подъ животомъ у заднихъ ногъ коня [4]), при быстромъ же движеніи онѣ отлетали назадъ и развѣвались надъ хвостомъ коня, какъ это изображено у насъ, на вышеупомянутомъ Строгановскомъ блюдѣ и на сассанидскихъ рельефахъ въ Дирабъ-Гердѣ и Naksh-i-Rustem [5]).

Я затрудняюсь опредѣленно указать назначеніе этихъ большихъ бубенцевъ, но полагаю, что при быстромъ движеніи они, громко звеня,

[1]) О колокольчикахъ, какъ части конскаго убора, есть упоминаніе въ нѣкоторыхъ арабскихъ источникахъ исторіи Сассанидовъ. См. ниже. Ихъ можно видѣть среди убора ассирійскаго коня. Въ г. Керчи среди клада поздняго римскаго времени вмѣстѣ съ другими предметами конскаго убора были найдены длинные колокольчики. См. Отч. Имп. Арх. Коммиссіи 1904 г. Имѣются они и въ уборѣ современнаго курдскаго коня.

[2]) См. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ пам. искусства, в. III, рис. 90.

[3]) Интересно сопоставить съ Philostr., Imagines, 1, 28 (334^5), гдѣ лошади ἀργυροχάλινοι καὶ χρυσοῖ τὰ φάλαρα и далѣе (334^{15}) καὶ φάλαρα ἔχει χρυσᾶ καὶ χαλινὸν κόκου Μηδικοῦ.

[4]) См. Sarre und Herzfeld, ук. соч., табл. IV, VII.

[5]) Ibid., табл. IV, VIII.

ударялись о крупъ коня и, пугая его, заставляли еще ускорять свой бѣгъ. Вѣроятно, позднѣе, какъ это мы видимъ въ персидскихъ миніатюрахъ въ Шахъ-Наме [1]), бубенцы замѣняются кистями.

Сѣдло, попона, стремена. Конь осѣдланъ. Небольшое сѣдло, почти не видное подъ всадникомъ, и богатая попона трактованы совсѣмъ одинаково съ попоной и сѣдломъ на Строгановскомъ блюдѣ. Маленькое отступленіе лишь въ угловыхъ придаткахъ попоны, которые на нашемъ блюдѣ сдѣланы въ видѣ схемы аканоа, и въ подпругѣ, сдѣланной здѣсь въ видѣ панцырной чешуи. Попона, должно быть, парчевая, ковровая или стеганая шелковая, орнаментирована насѣчными ромбиками и кружочками; кружочки такіе-же, какъ на уздечкѣ, поводьяхъ, сбруѣ, верхнемъ поясѣ всадника, его ожерельѣ; такими же кружочками однимъ и тѣмъ же инструментомъ трактованы борода головы всадника и ободокъ нимба вокругъ нея.

Стремена [2]), въ которыя глубоко до пятки всунута нога всадника, украшены подвѣшенными къ нимъ колокольчиками.

Таковы конь и его убранство, полную аналогію которыхъ мы безъ труда можемъ найти въ вышеупомянутыхъ скаловыхъ сассанидскихъ рельефахъ.

Платье и оружіе всадника. Труднѣе разобраться въ изображеніи костюма и оружія всадника, но здѣсь намъ помогутъ нѣкоторые литературные источники для исторіи персидской культуры эпохи Сассанидовъ. На первомъ мѣстѣ для знакомства съ бытомъ и жизнью Персіи сассанидской эпохи во всемъ ея объемѣ стоитъ персидская поэма Шахъ-Наме. Относясь со всей осторожностью къ этому памятнику, какъ къ произведенію поэтическаго характера, и кромѣ того составленному многими вѣками позже эпохъ, которымъ оно посвящено, ученые спеціалисты все же выдвигаютъ его на первое мѣсто, такъ какъ видятъ въ немъ не только переработку оффиціальныхъ записей сассанидскаго времени, но и такую, которая въ полной мѣрѣ сохраняетъ старую персидскую литературную традицію [3]). Такъ К. А. Иностранцевъ указываетъ на *Худай-Намэ*

---

[1]) Персидская рукопись Шахъ-Наме, съ миніатюрами 15—16-го столѣтія, въ отдѣленіи рукописей Національной библіотеки въ Парижѣ. (Галлерея Мазарини, шкафъ 15). Я получилъ ее для просмотра лишь благодаря любезному содѣйствію г. Denis Roche и вмѣшательству Директора Національной Библіотеки г. Homolle, которымъ приношу здѣсь свою благодарность.

[2]) Вопреки мнѣнію уважаемыхъ авторовъ „Русскихъ древностей", стремена, по моему, ясно видны и на Строгановскомъ блюдѣ. Ихъ можно видѣть и на сассанидскихъ скаловыхъ рельефахъ. Въ миніатюрахъ же къ Шахъ-Наме они, конечно, на лицо. См ук. рукоп. стр. 66.

[3]) Th. Nöldeke, Das Iranische Nationalepos, Strasbourg, 1896, 11 слл. Ср. К. А. Иностранцевъ, Сассанидскіе этюды, СПБ. 1909, 13 слл.

(Книга Дѣяній) [1]), произведеніе до насъ не дошедшее, но использованное, вѣроятно, Фирдоуси для оффиціальной исторіи Сассанидовъ и древне-иранскаго преданія. А Нельдеке считаетъ описаніе оружія героевъ *Шахъ-Наме* соотвѣтствующимъ оружію воиновъ сассанидской эпохи.

Другую книгу этой эпохи, извѣстную изъ арабскаго источника *Уюн-ал-ахбāръ* и носившую названіе *Аин-намэ* (Книга Установленій), дающую намъ очень важныя свѣдѣнія для нашего блюда, мы ниже будемъ цитировать.

Изъ *Шахъ-Наме* и отчасти изъ нѣкоторыхъ арабскихъ источниковъ [2]) имѣются свѣдѣнія о платьѣ и оружіи персидскаго воина эпохи Сассанидовъ.

Полный доспѣхъ его составляли: шлемъ (мигфаръ), кольчуга, латы, паручники, поножи, мечъ, копье, щитъ, прикрѣпленный къ поясу, палица, сѣкира или булава, колчанъ съ двумя луками и тридцатью стрѣлами и двѣ крученыя тетивы, привязанныя сзади къ мигфару. Упоминается также тамъ лошадиный панцырь, колокольчики для конскаго убора и персидскія одежды.

Подъ доспѣхи надѣвался персидскій кафтанъ (каба) и шальвары [3]), понимаемые какъ широкіе штаны, сдѣланные изъ тонкой матеріи.

Одежды, плотно облекающія нашего всадника, производятъ впечатлѣніе упругихъ латъ, брони. Ясно видна застежка поручей на груди, но трудно уловить конецъ брони груди и живота или переходъ ихъ въ поножи. Ясно видны волнообразные концы кафтана и широкіе штаны изъ очень тонкой, вѣроятно шелковой матеріи, густыми складками, подобно кафтану, развѣвающіеся по вѣтру и плотно облегающіе ногу спереди. Вѣроятно, на всадникѣ надѣты *каба* и *шальвары*, а поверхъ всего три пояса. Одинъ верхній перетянутъ плотно на таліи, два другихъ ниже надѣты свободно. На самомъ нижнемъ подвѣшенъ плетеный (?) колчанъ, на среднемъ — какой-то предметъ, свисающій на правое бедро. Скорѣе всего—это кинжалъ. Подобные кинжалы на правомъ бедрѣ есть у фигуръ одного сассанидскаго рельефа въ *Naksh-i-Radjab* [4]); совершенно идентичный по формѣ и размѣрамъ кинжалъ виситъ на правомъ бедрѣ Антіоха на извѣстномъ рельефѣ изъ *Nemrud-dagh* [5]).

---

[1]) Ibid. 41 сл.; тамъ же и литература.

[2]) Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt. Leyden, 1879, 248 слл.

[3]) О толкованіи значенія этого слова на пехлевійскомъ нарѣчіи (сарваръ, греч. σαράβαρα) см. у К. А. Иностранцева, ук. соч., 80, пр. 3.

[4]) См. Sarre und Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910, t. XI.

[5]) См. K. Humann und O. Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berlin, 1890, Atlas, t. XXXIX, рис. 1 и 2.

На вышеупомянутыхъ персидскихъ рельефахъ мы можемъ найти и другія детали въ платьѣ и оружіи изображенныхъ тамъ лицъ соотвѣтствующими только что описаннымъ.

Кромѣ кинжала, всадникъ вооруженъ лишь лукомъ и стрѣлами. Это вполнѣ понятно, такъ какъ онъ изображенъ не въ бою, а на охотѣ, и, кромѣ того, лукъ всегда остается главнымъ оружіемъ перса [1]).

Стрѣльба изъ лука у Персовъ. Охотникъ высоко поднялъ локоть правой руки и большимъ пальцемъ при помощи указательнаго оттянулъ тетиву до самаго уха, держа лукъ (не сохранившійся) въ вытянутой лѣвой рукѣ (сохранилась лишь часть ея).

А вотъ что извѣстно изъ арабскаго источника «*ʿУю̄н-ал-ахба̄ръ*» о персидской манерѣ стрѣльбы изъ лука [2]): «И читалъ я въ книгѣ Айнъ—слѣдуетъ при обученіи стрѣльбѣ стрѣлами, чтобы обучающійся держалъ лукъ... и слѣдуетъ водрузить лукъ, согнувъ нѣсколько рогъ его, и крѣпко ухватить его тремя пальцами и согнуть указательный палецъ на тетиву и держать въ двадцати трехъ, какъ бы въ шестидесяти трехъ, и крѣпко сжать три и повернуть подбородокъ къ лѣвому плечу и поднять голову и опустить шею и склониться съ лукомъ и выпрямить спину и опустить верхнюю часть руки и натянуть лукъ, приподнявшись на сѣдлѣ, и *оттянуть тетиву до уха* и поднять кверху глаза, внимательно разсмотрѣть мѣсто (приложенія) острія стрѣлы, не двигать зубами, не вращать глазами, не качать тѣла...».

Самое важное для насъ здѣсь загадочно—«*и держать въ двадцати трехъ, какъ бы въ шестидесяти трехъ, и крѣпко сжать три*». Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ трудностями персидской дактилономіи [3]).

Въ противоположность европейцамъ и арабамъ у персовъ *правая рука* выражаетъ *единицы* и *десятки*, *лѣвая*—сотни и тысячи. Мизинецъ, безымянный и средній пальцы правой руки—единицы, указательный и большой—десятки. Такъ, напримѣръ, для выраженія 3—мизинецъ, безымянный и средній плотно прижимаются къ основаніямъ.

К. А. Иностранцевъ, очень обстоятельно и интересно истолковывая это мѣсто, приходитъ къ заключенію, что здѣсь описывается вполнѣ опредѣленный, а именно, монгольскій способъ стрѣльбы изъ лука [4]),

---

[1]) Ср. Иностранцевъ, ук. соч., 58.

[2]) Привожу текстъ полностью изъ указ. выше книги Иностранцева, гл. VII, стр. 78 слл.

[3]) О персидской дактилономіи статьи Саси, Рейнигера, Гейяра, также у Моля. См. подробныя указанія у Иностранцева, ук. соч., стр. 69.

[4]) Классификація способовъ стрѣльбы изъ лука предложена Morse. Литетраура приводится у Иностранцева, ук. соч., стр. 70, кр. 2.

при помощи большого пальца правой руки, натягивающаго тетиву, при чемъ указательный нажимаетъ сверху на ноготь большого и вмѣстѣ съ нимъ придерживаетъ стрѣлу, то есть такъ, какъ это изображено на нашемъ блюдѣ [1]).

Голова всадника. Всего вышеизложеннаго было бы уже достаточно, чтобы утвердиться во мнѣніи объ азіатскомъ, сассанидской эпохи, происхожденіи блюда. Но голова всадника даетъ намъ еще нѣчто болѣе убѣдительное и опредѣленное. Вся она полна помпезнаго величія головъ ассирійскихъ владыкъ съ надменнымъ выраженіемъ огромныхъ глазъ, тщательно сдѣланной прической головы, бороды и усовъ, и тяжелымъ богатствомъ украшенія. Волосы завиты крѣпкими локонами, расширяющимися книзу, точно перья широкохвостой хищной птицы.

Длинная клинообразная борода, тоже завитая, перевязана внизу лентой и кончается чѣмъ-то шарообразнымъ. Ухо украшено серьгой; на шеѣ ожерелье; на головѣ драгоцѣнная тіара (corona muralis). Она состоитъ изъ четырехъ зубчатыхъ башенъ на подобіе зиккуратовъ или зубцовъ хорсабадскаго храма [2]); сверху у нея было еще глобусоподобное завершеніе (не сохранилось), а сзади, прикрывая шею и плечи, отъ тіары спускается волнистыми линіями широкій платъ изъ тонкой, вѣроятно шелковой ткани; его главная масса развѣвается отъ встрѣчнаго вѣтра за спиной всадника.

Лицо всадника обращено къ зрителю въ три четверти и нѣсколько склонено къ фону блюда. Если повернуть блюдо такъ, чтобы видѣть лицо en face, тогда ясно выступитъ передъ зрителемъ вся грубость и неправильность рисунка лицевыхъ линій. Пропорціи головы въ отношеніи къ тѣлу ужасны. Отношенія ихъ = 1 : 4. Но важенъ ensemble. Мастеръ, повидимому, искалъ идеализированнаго сходства съ кѣмъ-то, и это, кажется, ему удалось! Отъ всей фигуры вѣетъ знатностью, богатствомъ, мощью; а *вѣнецъ указываетъ на ея царское происхожденіе.* Въ Шахъ-Наме поэтъ перечисляетъ богатство шахской казны и нѣкоторые аттрибуты царской власти:

«Престоломъ золотымъ и булавой тяжелой
«Дѣдъ внука одарилъ, *вѣнецъ далъ съ бирюзой,*
«Ключи своей казны съ каменьями и златомъ,

---

1) См. также изображеніе лучника на блюдѣ, изданномъ въ публикаціи Имп. Археологической Коммиссіи: „Восточное серебро“, табл. XXXIII. Ср. Иностранцевъ, ук. соч., 70 слл.

2) См. K. Woermann, Geschichte der Kunst, Leipzig 1910, 169.

«*И ожерелье далъ, и поясъ и тюрбанъ*;
«Изъ *золотой парчи* цвѣтовъ разнообразныхъ
«Наметъ съ палатками изъ шкуры тигровъ, далъ
«Арабскихъ скакуновъ *съ уздою золоченой* [1]),
«И *въ ножнахъ золотыхъ* индійскіе мечи;
«*Далъ шлемы, панцыри, румійскія кольчуги*
«Такія, что легко ихъ можно разстегнуть,
«Чаджійскіе *луки* и *ивовыя стрѣлы*,
«Китайскіе щиты и копья для войны...» и т. д. [2]).

Сассанидскіе рельефы и Шапуры. Никогда еще, вѣроятно, персидская культура не достигала такого пышнаго великолѣпія, какого достигла въ правленіе династіи Сассанидовъ. Персидское искусство этой эпохи оставило намъ богатое наслѣдство, которое не могло быть расхищено пришедшими завоевателями.

Между Ширазомъ и моремъ на дикихъ, суровыхъ скалахъ тянутся рельефныя изображенія войнъ, заключенія мирныхъ договоровъ, тріумфальныхъ шествій и охотничьихъ сценъ. Точно соперничая съ памятниками предшествующей династіи, сассанидскіе рельефы начинаются у самыхъ пещерныхъ гробницъ царей Ахеменидовъ.

Въ правленіе Шапуровъ сассанидская культура достигаетъ своей кульминаціонной точки,—вотъ почему большинство рельефовъ относится къ жизни этихъ царей. Шапуръ I-й (240—271 по Р. Х.)—«величайшій герой и витязь», плѣнившій самого римскаго императора Валеріана [3]). Шапуръ II-й (309—337)—покровитель наукъ и искусствъ, рыцарь, охотникъ и поклонникъ женщинъ [4]).

Взглядитесь въ ихъ лица, изображенныя на рельефахъ Naksch-i-Rustem, Darab-djird, Tak-i-Bostan, и вы найдете тамъ значительное сходство съ головой всадника на нашемъ блюдѣ. То же лицо, та же манера одѣваться, та же прическа бороды, а главное, тіара, которую мы видимъ на рельефахъ, изображающихъ Шапура II, и на его монетахъ,

---

[1]) Ср. указанное выше мѣсто у Филострата.

[2]) Шахъ-Наме въ пер. С. Соколова, Москва, 1905. Ср. Christensen, L'Empire des Sassanides, le peuple, l'état, la cour, 100 слл. *Det Kongelige Danske videnskabernes Selskabs Shriften syrende raekke historisk og filosofisk Afdeling. Förste bind, marts (1909), Kobenhavn.* Описаніе подарковъ, данныхъ Шапуромъ II знатнымъ иностранцамъ, заимствованное у Фавста Византійскаго (Langlois, 1, p. 301).

[3]) Изображеніе эпизода см. у S. Reinach, La représentation du galop, *Revue Arch.* (1900) XXXXII, 256 сл. Тамъ же свидѣтельства и литература. Ср. Christensen, ук. соч.

[4]) См. Flandin et Coste, ук. соч. Ср. M. Dieulafoy, L'art antique de la Perse, 128 слл.

совершенно соотвѣтствуютъ всѣмъ этимъ деталямъ въ изображеніи нашего всадника [1]).

Извѣстно, что Шапуръ II-й носилъ тіару, форма которой была съ маленькимъ измѣненіемъ corona muralis Шапура I-го [2]).

Лицо Шапура II-го изображается, какъ холеное, полное мужественнаго благородства и пряной восточной красы. Онъ изображенъ и здѣсь не какъ суровый падишахъ, а какъ прекрасный, ловкій наѣздникъ и стрѣлокъ [3]),—олицетвореніе яснаго, могучаго солнца, его блестящей, оживотворяющей и губительной красоты. Это самъ Адонисъ Востока—Митра-Таммузъ-Сіявушъ, и здѣсь разгадка его нимба [4]).

Красота—или даръ божества, или символъ божественности. И въ сказаніи объ Юсуфѣ и Зулейкѣ говорится, что красота Юсуфа превосходила всѣхъ прочихъ, и «когда душа его облечена была въ тѣлесную оболочку, *блескъ красоты озарилъ его главу небеснымъ сіяніемъ»* [5]).

Заключеніе. Распластался конь въ воздухѣ, неся на себѣ божественно-прекраснаго всадника, и въ этой бѣшеной скачкѣ принимаетъ участіе все изображенное на блюдѣ — животныя, напряженная фигура всадника, его развѣвающіяся одежды, его смертоносныя стрѣлы. Все устремлено впередъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи движеніемъ!..

Л. Моисеевъ.

Парижъ-Гейдельбергъ.
1913.

---

[1]) См. Sarre und Herzfeld, ук. соч., стр. 200, рис. 93, также табл. XLI, XLV. Ср. Flandin et Coste, ук. соч., табл. 13. На изображеніяхъ въ Tak-i-Bostan'ѣ имѣется подпись, указывающая на Шапуровъ II и III.

[2]) См. Dieulafoy, ук. соч., стр. 127, 129. Ср. изображенія на монетахъ Шапура II. См. таблицы монетъ въ ук. соч. Dieulafoy и Christensen'a. Особенно же близка къ изображенію на блюдѣ монета съ изображеніемъ Шапура II въ Парижской націон. библіотекѣ, шк. VIII, 7.

[3]) Заимствуя у Амміана Марцеллина (XIX, 1,3), Christensen описываетъ блестящее появленіе Шапура II въ битвѣ: „A la guerre, Sapor II, depassant les autres par sa taille, allait à tête de bélier en tiare garnie de pierres précieuses, et la suite nombreuse de divers dignitaires prêtait à son apparition encore plus de splendeur".

[4]) См. Л. Стефани, Нимбъ и лучезарный вѣнецъ, Спб. 1863, 39 слл. (Адонисъ). О происхожденіи греческаго Адониса отъ азіатскаго божества Солнца см. Movers, Phoenizier, Th. 1, 211 слл., 542 слл. Ср. R. Rochette, Mémoire sur les jardins d'Adonis, *Revue Arch. (1851), VIII,* 106 слл. Ср. Frazer, Adonis, Attis, Osiris, London, 1906; Иностранцевъ, въ ук. соч., Сассанидскій праздникъ весны, 82 слл.

[5]) См. С. Назарьянцъ, Абдулъ-Касимъ-Фирдауси Тусскій. Москва, 1851, кн. 2, 87 слл.

Сердоликовая гемма съ изображеніемъ Римскаго Геркулеса.

„Καὶ αὖ τὰ ὄρη ὡσαύτως καὶ τοὺς λίθους ἔχειν ἀνὰ τὸν αὐτὸν λόγον τήν τε λειότητα καὶ τὴν διαφάνειαν καὶ τὰ χρώματα καλλίω· ὧν καὶ τὰ ἐνθάδε λιθίδια εἶναι ταῦτα τὰ ἀγαπώμενα μόρια, σάρδιά τε καὶ ἰάσπιδας καὶ σμαράγδους καὶ πάντα τὰ τοιαῦτα· ἐκεῖ δὲ οὐδὲν ὅ τι οὐ τοιοῦτον εἶναι καὶ ἔτι τούτων καλλίω. τὸ δ'αἴτιον τούτου εἶναι, ὅτι ἐκεῖνοι οἱ λίθοι εἰσὶ καθαροὶ καὶ οὐ κατεδηδεσμένοι οὐδὲ διεφθαρμένοι ὥσπερ οἱ ἐνθάδε (ὑπὸ σηπεδόνος καὶ ἅλμης) ὑπὸ τῶν δεῦρο ξυνερρυηκότων, ἃ καὶ λίθοις καὶ γῇ καὶ τοῖς ἄλλοις ζώοις τε καὶ φυτοῖς αἴσχη τε καὶ νόσους παρέχει".

Plato, Phaidon, 110. D. E.

Издаваемая гемма (см. увеличенный вдвое снимокъ — рис. 1 на табл. XI) осенью 1912 года была прислана однимъ торговцемъ древностей изъ Одессы въ С.-Петербургъ для продажи и послѣ отказа Императорскаго Эрмитажа купить ее для своей коллекціи попала во владѣніе г. Беера (?) въ Берлинѣ, гдѣ теперь и находится.

Камень изъ породы халцедоновъ, такъ называемый сердоликъ (Karneol-σάρδιον), желтовато-краснаго цвѣта (ἐρυθρότερον) [1]), прекрасной шлифовки; въ своей толщѣ, съ одной стороны, подъ тонкимъ верхнимъ покровомъ онъ имѣетъ бѣлесоватую порчу—пятно, въ видѣ нѣсколькихъ правильныхъ равностороннихъ треугольниковъ, вписанныхъ одинъ въ другой (см. т. XI, рис. 2, увелич. вдвое).

Размѣръ площади, на которой помѣщено изображеніе,—1,7 × 1,4 с.; толщина камня 0,5 с. На камнѣ изображеніе головы Геракла въ профиль (влѣво отъ зрителя) врѣзано во внутрь. Гераклъ — бородатый, съ рѣзкими, мускулистыми, напряженными чертами лица, носомъ съ горбинкой, крутымъ лбомъ и вѣнкомъ на головѣ. Напряженные мускулы лица, выступающіе (въ оттискѣ, ср. рис. 3 на табл. XI въ нат. вел.) шишками на вискѣ, около глаза, трактованы шарообразно, подобно завиткамъ бороды. То и другое сдѣлано, вѣроятно, однимъ и тѣмъ же

---

[1]) О различіи оттѣнковъ этого камня въ примѣненіи въ качествѣ украшеній мужчинъ и женщинъ см. Theophrast. De lapid., 30. Ср. A. Furtwängler, Ant. Gemmen, III, 385.

способомъ. Мастеръ работалъ здѣсь сначала «Flachperl'омъ» или «Rundperl'омъ [1]), механически выдалбливающими углубленія кругловатой формы, а закончилъ отъ руки Diamantspitz'емъ [2]), маленькимъ острымъ алмазомъ, укрѣпленнымъ на концѣ металлическаго прутка.

Лицо и борода Геракла сдѣланы со всей тщательностью и кропотливостью гравёра, привыкшаго еще имѣть дѣло съ требовательнымъ и избалованнымъ покупателемъ, но волосы и вѣнокъ выгравированы наскоро, однимъ рѣзцомъ, небрежно, и притомъ не эскизно, а окончательно.

Эта разница въ техническихъ пріемахъ рѣзьбы такъ сама по себѣ примѣчательна, такъ бросается въ глаза, въ связи съ характеромъ изображенія и выборомъ матеріала, которому придается здѣсь особенное значеніе, что заставляетъ обратить на гемму особенное вниманіе.

Типъ Геракла на нашемъ камнѣ съ тѣмъ безстрастнымъ выраженіемъ лица, которое вырабатывается въ императорскую эпоху искусствомъ эллинскаго Востока [3]), еще сохранилъ въ общемъ традицію Лисипповскаго Геракла ἐπιτραπέζιος, Геракла Гликона и такъ называемаго «Кулачнаго бойца» музея Термъ въ Римѣ (см. на т. XI рис. 4) [4]). Но ни ясной радости отдыхающаго героя, какую мы видимъ въ фигурѣ и лицѣ Геракла Лисиппа на гипсовомъ слѣпкѣ съ неизвѣстно куда исчезнувшаго оригинала въ музеѣ Ecole de Beaux-Arts въ Парижѣ, ни слѣдовъ усталости и разочарованности Геракла Фарнезе, ни выраженія воли и мощи атлета-побѣдителя здѣсь мы не увидимъ.

Двѣ геммы поздняго эллинистическаго времени, изданныя А. Фуртвенглеромъ (Ant. Gemmen, 1, XLI, 35, 37), тоже съ профильнымъ изображеніемъ Геракла, очень близки въ передачѣ типа нашей (см. рис. 5 и 6 на т. XI). И если одна изъ нихъ (№ 35) стоитъ въ непосредственной зависимости отъ Геракла ἐπιτραπέζιος, другая (№ 37) въ точности передаетъ типъ «Кулачнаго бойца», то нашу, сохранившую вполнѣ черты лица послѣдняго, но утратившую ихъ духовное выраженіе, слѣдуетъ сопоставить съ двумя бронзами Hof-Museum'а Вѣны.

Обѣ онѣ одновременны (?) и найдены при раскопкахъ въ Ефесѣ; датируются въ Führer'ѣ музея 1 вѣкомъ послѣ Р. Х. [5]).

---

¹) См. изображенія у H. Blümner, Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, Leipzig, 1889, III § 9.

²) Ср. A. Furtwängler, ук. соч. III, 399. Употреблялся для послѣднихъ штриховъ особенно тонкихъ работъ.

³) Ср. Winter, Die antiken Terrakotten, II.

⁴) См. Collignon, Histoire de la sculpture grecque, II, fig. 221, 222, 256.

⁵) См. изданіе 1912 г., стр. 123. (Залъ XV, безъ №№ на особыхъ подставкахъ). Ср. бронзу Лувра. Collignon, II, pl. IX.

Одна изъ нихъ—статуарное изображеніе Геракла въ борьбѣ съ Кентавромъ (рис. 7 на табл. XI). Гераклъ, схвативъ Кентавра за ногу, замахивается на него палицей. Выраженіе лицъ у обоихъ безучастное, въ фигурахъ нѣтъ ни движенія, ни напряженности. Оба стоятъ въ застывшихъ позахъ натурщика. Другая — лишь архитектоническое добавленіе одной изъ частей великолѣпнаго канделябра [1]). Гераклъ здѣсь изображенъ возлежащимъ. Его голова еще ближе подходитъ къ характеру головы издаваемой геммы, благодаря той же схемѣ въ изображеніи волосъ.

Очень близкое, почти совершенно идентичное изображеніе Геркулеса имѣется на извѣстной патерѣ Парижской Націон. библіотеки, инкрустированной монетами римскихъ императоровъ, начиная съ Адріана и кончая Юліей Домной, т. е. отъ 117 до 212 г. по Р. Хр. [2]). Важно, что этотъ типъ Геркулеса остается въ теченіе почти всего II в. по Р. Хр.

Но эти бронзы, по моему мнѣнію, какъ и гемму, слѣдуетъ отнести къ концу II-го вѣка нашей эры, т. е. къ той эпохѣ античной глиптики, когда, послѣ пышнаго расцвѣта, она стала клониться къ упадку. Еще далеко до тѣхъ предѣловъ грубости, правда, иногда очень выразительной, которая появится позже, во второй половинѣ III-го вѣка [3]), однако признаки торопливой небрежности въ техникѣ, окаменѣнія формы и какой-то вялости въ характерѣ изображенія уже положили свою тѣнь и на издаваемую гемму.

Здѣсь мы сталкиваемся съ эпохой, уже начавшей искать въ изображеніи не красоты формы, не правды или выразительности, а магической силы, которая могла бы защитить и предохранить отъ бѣдъ человѣка, утратившаго вѣру въ могущество своихъ старыхъ боговъ.

Преклоненіе предъ символами новыхъ иноземныхъ боговъ, или заискиваніе благосклонности у невѣдомой, чудесной высшей силы, или

---

[1]) Въ Вѣнѣ я нигдѣ не могъ получить фотографіи этого канделябра. На фотографическомъ снимкѣ, имѣющемся въ распоряженіи Археологическаго Института въ Гейдельбергѣ, фигура Геракла очень мелка и черна, почему я ею и не воспользовался. Богатыми фотографическими матеріалами, библіотекой и весьма образцовымъ оборудованіемъ Института я широко могъ пользоваться благодаря исключительной любезности его администраціи въ лицѣ директора г. Prof. Dr. von Duhn'а и ассистента Dr. Bluttner'а, которымъ, пользуясь случаемъ, приношу здѣсь мою благодарность.

[2]) См. S. Reinach, Répert. de reliefs, II, 233. Ср. A. v. Domaszewski, Geschichte d. röm. Kaiser, II.

[3]) См. интересную гемму, изданную у Фуртвенглера (Ant. Gemmen, I, XLVIII, 36), изображеніе которой, появись оно теперь, вѣроятно, удовлетворило бы самыя модернистическія требованія нѣкоторыхъ теперешнихъ направленій въ искусствѣ.

магическое заклинаніе, заставляющее эту силу служить человѣку,—вотъ что скоро отразится и въ глиптикѣ [1]).

Среди упадка вѣры въ культурную и духовную мощь человѣчества и той религіозной растерянности, которая имѣла столь важное значеніе въ успѣхѣ распространенія идеи христіанства [2]), среди цѣлаго сонма новыхъ иноземныхъ божествъ — «попытокъ», на встрѣчу христіанству выдвигалась язычествомъ богиня Roma — олицетвореніе идеи римской государственности, несущей съ собой порядокъ, миръ (pax romana) и миражъ тихой культурной жизни [3]). Скоро посвящены ей будутъ храмы и алтари, и уже появилось ея изображеніе на монетахъ и геммахъ восточныхъ провинцій имперіи [4]). Она, ея ипостась Тиха — Фортуна [5]) и ея божественное дополненіе—супругъ Hercules Romanus [6]) вмѣстѣ съ гностическими знаками [7]) и различными символами эллинизованно-романизованныхъ египетскихъ и азіатскихъ божествъ [8]), вотъ какіе сюжеты по преимуществу займутъ граверовъ. Увеличится спросъ на геммы — амулеты. Торговцы наводнятъ рынокъ дешевыми изображеніями могущественныхъ защитниковъ и отвратителей дурного глаза. Традиція, которою жило искусство гравера, падетъ; мастера превратятся въ ремесленниковъ, работающихъ простымъ грубымъ рѣзцомъ; техника гравировки падетъ окончательно, и къ концу Римской имперіи будутъ носить лишь деше-

---

[1]) R. Reitzenstein, Poimandres, Leipzig 1904 (Amulette), 291 слл.; ср. его же Hellenistische Wundererzählungen, Leipzig, 1906, 126 слл.

[2]) Ср. Boissier, La religion romaine d'Auguste aux Antonins, Paris, 1874, II; Preller, Römische Mythologie, Berlin 1883, II, 359 слл.

[3]) Ср. Preller, ук. соч., II, 353 слл.; H. Usener, Götternamen, Bonn 1896, 356.

[4]) P. Wendland, Die hellenistisch-römische Kultur, Tübingen 1907, 147. Ср. Imhoof-Blumer, Die antiken Münzen въ перераб. B. Pick'a, Berlin 1898, и B. Pick'a и K. Regling'a, Berlin 1910; ср. B. V. Head, Historia numorum, Oxford 1911; Furtwängler, Ant. Gemmen. Эпитеты Romae: aeterna, alta, aurea, beata, bellatrix, captiva, caput, ditissima, domina, domus, felix, ferox, *fortunata*, genetrix, indita, incolumis, laeta, *Magna*, Martia, *Maxima*, potens, prima, *princeps*, regia, superba, Troica, victrix, urbs. См. I. B. Carter, Epitheta deorum quae apud poetas Latinos leguntur. Lipsiae MCMII, стр. 90 слл.

[5]) Carter, ук. соч. (Fortuna), стр. 38 сcл. Ср. C. F. H. Bruchmann, Epitheta deorum quae apud poetas Graecos leguntur. Lipsiae 1893, стр. 213 сл. (Τύχη). Одни и тѣ же эпитеты.

[6]) См. *Hercules* у Pauly-Wissowa, Real-Encyklopädie, VIII, 550 слл. Ср. Carter, ук. соч., 42 сл. (Hercules). Тоже — многочисленныя изображенія Геркулеса совмѣстно съ выше названными божествами въ лапидаріяхъ музеевъ юго-западной Германіи—Штутгардта, Карлсруэ, Майнца, особенно Шпейера.

[7]) См. Furtwängler, Ant. Gemmen; ср. A. Dietrich, Abraxas, Leipzig 1891 (gnostische Gemmen), стр. 110, 124, 151.

[8]) Ср. U. Wilcken, Amulette—Heidnisches und christliches aus Aegypten. *Arch. für Papyrus-Forschung* I, 427 слл.; ср. W. Weber, Drei Untersuchungen für ägyptisch-griechische Religion, Heidelberg, 1911.

вые камни и даже цвѣтныя стекла,—что дешевле,—вѣря въ ихъ магическое значеніе; а вмѣсто изображеній появятся соотвѣтствующія имъ надписи: Ἀγαθῆ τύχη, ψυχή, Ῥώμη и т. п. [1]).

Но время, къ которому относится разсматриваемая нами сердоликовая гемма,—это время, когда будущая катастрофа античнаго искусства только намѣчалась, и ея гравёръ—одинъ изъ первыхъ вѣстниковъ грядущаго разложенія.

Интересно, что въ началѣ третьей четверти II-го вѣка послѣ Р. Х. на монетахъ одной изъ восточныхъ областей Европы, у береговъ Чернаго моря, въ Мезіи, гдѣ властная нѣкогда рука Римской имперіи теперь съ такимъ трудомъ и напряженностью удерживала занятое ею ранѣе положеніе [2]), мы видимъ изображенія Геракла.

Почти одновременно его изображаютъ на своихъ монетахъ Томи и Каллатисъ [3]). Гераклъ здѣсь того-же типа, что и на нашей геммѣ. На монетахъ Каллатиса онъ въ вѣнкѣ. На монетахъ Томи вѣнокъ отсутствуетъ, но имѣется эпитетъ κτίστης.

Если еще понятно изображеніе Геракла на монетахъ Каллатиса, колоніи дорической Гераклія Понтійской [4]), то на монетахъ Томи, колоніи іонійской, его стараются объяснить «общей нивелировкой и стремленіемъ сгладить мѣстныя особенности въ типѣ монетъ» (Pick-Regling).

Для меня же совершенно ясно, что изображеніе Геракла на монетахъ обоихъ городовъ въ это время есть результатъ вліянія римскихъ представленій, и Гераклъ здѣсь уже не греческій герой—полубогъ и патронъ митрополіи одного изъ городовъ, давно утратившей свою самостоятельность и, вѣроятно, не имѣвшей никакого вліянія на свою колонію, а новое божество *Hercules Romanus* Custos, Defensor, Comes, Conservator, Pacifer, Victor [5])—персонификація императорской власти. Вотъ почему въ одномъ случаѣ онъ въ лавровомъ вѣнцѣ, а въ другомъ—съ эпитетомъ κτίστης [6]).

Монета Томи въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ юнаго лица съ вѣнкомъ на головѣ, оставшагося не-

---

[1]) См. подобнаго рода надписи на перстняхъ хотя бы Имп. Эрмитажа въ С.-Петербургѣ.

[2]) Ср. M. Rostowzew, Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax (*Klio, II*), 85 слл.

[3]) См. Pick-Regling, ук. соч. I, 83 слл.; II, 613 слл.

[4]) Scymnus, vv. 761—764; ср. Strabo 7.6.1.

[5]) Ср. Daremberg-Saglio, III, 122, 128; Pauly-Wissowa (Hercules).

[6]) См. H. van Herwerden, Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum, s. v. (κτίστης vocatur Imperator Rom. in titt. honorariis).

извѣстнымъ каталогизатору [1]), съ другой стороны бородатаго Геракла датируется 166—183 гг. по Р. Х. Несомнѣнно, этотъ «неизвѣстный» юноша—молодой цезарь Коммодъ, сопровождавшій отца въ походѣ его противъ Даковъ и получившій отъ него въ 175 году прозвище Sarmaticus [2]). Сопоставленіе изображеній этой монеты и медали, вычеканенной въ честь Коммода съ наименованіемъ его Germanicus-Sarmaticus (т. XI р. 9) [3]), достаточно для сего убѣдительно.

Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ изображеніи будущаго императора на монетѣ Томи, уже опять чеканившей, какъ и сосѣдніе города Черноморскаго побережья, монеты безъ изображенія и имени императоровъ, фактическое подтвержденіе успѣховъ оружія Марка Аврелія, поднявшаго опять на должную высоту упавшій было здѣсь авторитетъ имперіи? [4]).

Мнѣ кажется, что это изображеніе Геракла на монетахъ Каллатиса и Томи помѣщено или непосредственно въ угоду императору (cuius regio, eius religio) или молодому цезарю—«Hercules Romanus», пріобщившему позже это имя къ своему оффиціальному титулу [5]), или имѣетъ здѣсь значеніе апотропея, равнозначущаго по силѣ изображенію богини Roma (какъ на монетахъ и геммахъ),—строгой, но справедливой владычицы, подательницы сѣмянъ благополучія изъ драгоцѣнной кошницы, несомой ею Pax romana [6]).

Такимъ образомъ, во-первыхъ, мы можемъ окончательно установить дату геммы, полученную уже и другимъ путемъ, а во-вторыхъ, уловить ея филактерическое значеніе.

Но не только въ изображеніи Геракла заключается эта сила камня, какъ филактерія; быть можетъ, еще въ большей мѣрѣ сему способствуетъ его чудесная порча—«νόσος» Платона. И дѣйствительно, «порча» этого камня чудесная [7]).

---

[1]) См. Каталогъ монетъ Берлинскаго мюнцъ-кабинета, 89, рис. 4. Подотдѣлъ называется: „съ изображеніемъ неизвѣстнаго императора". См. рис. 8 на т. XI.

[2]) Ср. A. von Domaszewski, Geschichte der römischen Kaiser, Leipzig, 1909, I, 228 слл. Ср. A. von Premerstein, Untersuchungen zur Geschichte des Kaiser Marcus [*Klio (1913), XIII, 1*], 75—100.

[3]) Baumeister, Denkm. I, 397; Кат. Берл. мюнцъ-каб., 1.

[4]) Ср. указ. выше статью М. И. Ростовцева.

[5]) Cass. Dio, LXXII, 20. 2—3; см. это изображеніе Коммода на медали (т. XI, р. 10), какъ Hercules R.; ср. мраморный бюстъ, найденный въ 1874 г. на Эсквилинѣ, Baumeister, 398. Кромѣ того — интересную свинцовую пластинку изъ Янины съ изображеніемъ М. Аврелія (?), вѣроятно Коммода и Геракла. *Jahresh. Oesterr. A. I. VII (1904), 139.* Ср. Preller, ук. соч., II, 278 слл., 299.

[6]) См. Pick-Regling, Furtwängler, Ant. Gemmen. Сопост. эпитета Roma и Hercules.

[7]) Осматривая европейскіе музеи, я всегда удѣлялъ время не только памятникамъ искусства, но и сырому матеріалу, служившему работамъ художниковъ. Въ

Форма «порчи» рѣдка и оригинальна, и мастеръ, конечно, не могъ не обратить на нее особеннаго вниманія. Если бы онъ не придавалъ ей особеннаго значенія, то легко могъ бы удалить ее своимъ шлифовальнымъ колесомъ. Но онъ ее оставилъ, и притомъ подъ самымъ тонкимъ слоемъ верхняго покрова, который и служитъ ей защитой отъ всевозможныхъ внѣшнихъ вліяній.

Какое же значеніе могло имѣть это пятно, въ видѣ нѣсколькихъ правильныхъ треугольниковъ другъ въ другѣ (см. рис. 2), въ глазахъ гравера?

1) Треугольникъ — это обычная форма подписыванія различныхъ магическихъ формулъ и заклинательныхъ словъ, въ родѣ «Γοργωφωνας», «abracadabra» и т. под.

«Inscribis chartae quod dicitur abracadabra
Saepius et subter repetes, sed detrahe summam
Et magis atque magis desint elementa figuris,
Singula quae semper rapies et cetera figes,
Donec in angustum redigatur littera conum.
His lino nexis collum redimere memento» [1]).

2) Треугольникъ, вписанный въ треугольникъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ число (3) въ самомъ себѣ, а это есть одна изъ сущностей Abraxas: «σὺ εἶ ὁ ἀριθμὸς τοῦ ἐνιαυτοῦ Ἀβρασάξ» [2]).

3) Въ ранней христіанской символикѣ треугольникъ есть символъ св. Троицы (?) [3]).

Почему бы онъ не могъ быть и символомъ трехъ божественныхъ паръ римской религіи: Mars-Victoria, Hercules-Fortuna, Mercurius-Feli-

---

частности, имѣя въ виду издаваемый камень, я особенно интересовался собраніями полудрагоцѣнныхъ камней, какъ, напримѣръ, столь богатыхъ и такъ образцово подобранныхъ и выставленныхъ минералогическихъ коллекцій Императорскаго Придворнаго Естественно-Историческаго музея въ Вѣнѣ и Національнаго музея въ Прагѣ. Теперь же я имѣлъ случай закрѣпить свои наблюденія, благодаря дружескому содѣйствію ассистента минерало-петрографическаго отдѣленія Института Естественныхъ Наукъ Гейдельбергскаго университета д-ра K. Schlossmacher'a въ музеѣ Института, гдѣ пользовался его любезными разъясненіями и указаніями Prof. D-r Wülxing'a, за что приношу имъ здѣсь свою глубокую благодарность.

[1]) См. G. Kropatschek, De amuletorum apud antiquos usu. Gryptiae MCMVII, 35. Ср. H. Wilcken, Amulette—Heidnisches und christliches aus Aegypten (*Archiv für Papyrusforsch.*, *I*), 421 слл.

[2]) См. папирусъ Лейденскаго музея у A. Dietrich, Abraxas, 6—10 слл.

[3]) См. de Rossi, De titul. christ. Carth., IV, 497 слл.; ср. Kraus, Geschichte der christl. Kunst, Freiburg 1896, I, 123 слл.; Real-Encyklopedödie der christl. Alterthümer, I, 379. Тутъ и рисунки, изъ коихъ одинъ совсѣмъ соотвѣтствуетъ нашему треугольнику. См. △ христіанскихъ надгробій III в. въ s. Priscilla.

citas или другихъ ихъ комбинацій, которыя мы видимъ въ лапидаріяхъ германскихъ музеевъ въ бывшихъ центрахъ римскихъ провинцій?

4) Треугольный знакъ считаютъ имѣющимъ какое-то отношеніе къ религіи Митры, или символомъ этого божества. Впрочемъ А. Дитрихъ, принявшій знакъ △ въ Парижскомъ папирусѣ, какъ обозначеніе божества Митры, кажется, остался одинокимъ въ своемъ толкованіи [1]). Этотъ знакъ съ нѣкоторыми измѣненіями называютъ то знакомъ неба, то огня, то сокращеніемъ Δαίμων [2]).

Во всякомъ случаѣ Томи входили въ кругъ мѣстъ, принявшихъ культъ Митры [3]), а Коммодъ принималъ участіе въ его кровавыхъ церемоніяхъ [4]).

5) Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія и то, что въ Мангаліи (Κάλλατις) и Констанцѣ (Томи) были найдены свинцовые знаки (гири?) въ видѣ правильныхъ треугольниковъ и круговъ съ изображеніями Меркурія (бога мѣръ и вѣсовъ, но и бога маговъ) и Геракла [5]).

Треугольникъ, на которомъ изображенъ Гермесъ-Меркурій съ кадуцеемъ, вѣроятно имѣлъ какое-то отношеніе къ его магической силѣ.

Итакъ, выходя изъ всего вышеизложеннаго, слѣдуетъ полагать, что изображенію Hercules Romanus на сердоликѣ, съ феноменальнымъ треугольнымъ значкомъ, придается здѣсь по преимуществу филактерическое значеніе. Гемма, вѣроятно, принадлежала мужчинѣ-воину или чиновнику (изображеніе относится къ особѣ императора) и происходила изъ мѣстъ Каллатисъ-Томи. Эти города были въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ съ Ольвіей [6]),

---

1) См. A. Dietrich, Ein Mithrasliturgie, Leipzig 1903. См. напр. стр. 12, гдѣ знакъ упоминается въ связи съ αἱ ἑπτὰ Τύχαι. Cumont, въ *Rev. de l'instr. publ. en Belge*, *XLVII (1904)*, опровергаетъ толкованіе Dietrich'а и даже послѣ отвѣта послѣдняго (*Archiv für Rel.-wiss.*, VIII (1905), 501 пр. 1), ссылаясь на скепсисъ Reitzenstein'а (*Neue Jahrb. für das klass. Alterth. 1904*, 192), въ своей книгѣ Die Orientalischen Religionen in römischen Heidentum (нѣмецкій пер.), Leipzig 1910, окончательно отказывается принять его. См. примѣчанія къ VI-ой главѣ. Ср. A. Delatte, *B. C. H.*, *XXXVII* (*1913*), Sphère magique d'Athènes, p. 254 (3).

2) Pariser Papyrus 574 des Supplément grec de la Bibliothèque Nationale. Ср. Papyrus Anastasi n° 1073; Miller, *Mélanges*, p 437; Wessely, Griechische Zauberpapyrus von Paris. *Denkschriften d. Akad. d. Wissensch. zu Wien*, *phil.-hist. Classe* (*1888*), 130 слл.

3) См. Karte der Verbreitung der Mysterien des Mithra y F. Cumont, Die Mysterien des Mithra.

4) F. Cumont, Die Mysterien des Mithra, Leipzig 1903 (нѣм. пер.), 62 (по Лампридію).

5) См. Bormann, Ant. Bleigewichte aus der Dobrudscha, 1 слл. *Arch.-epigr. Mitt. aus Oest.-Ungarn*, *Jahrg. XIV* (1891).

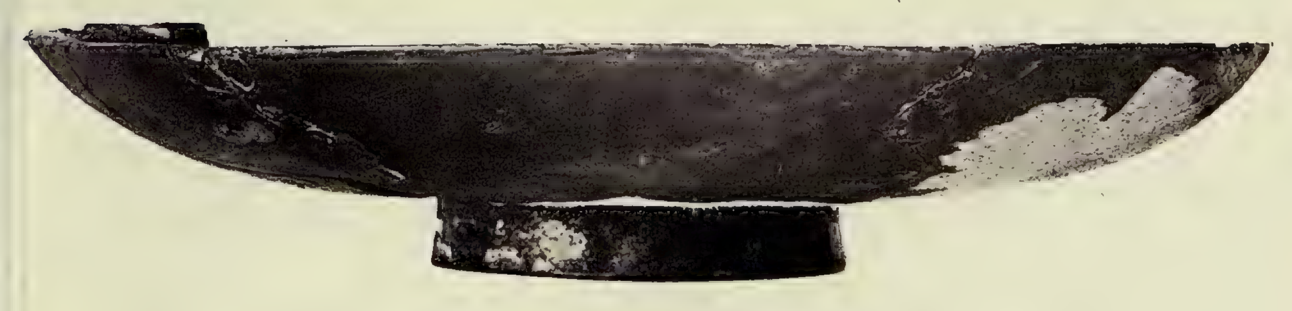
6) См. Latyschew, Inscr. Ponti, I, 22; ср. Pick-Regling, Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, 595. Тамъ и др. литература.

и отсюда-то, вѣроятнѣе всего, сердоликъ и былъ доставленъ кладоискателями одесскому торговцу древностями.

Теперь намъ остается только пожалѣть, что Императорскій Эрмитажъ не захотѣлъ пріобщить его къ своей коллекціи.

Л. Моисеевъ.

Гейдельбергъ, декабрь 1913.

($^3/_4$).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

Рис. 1.

Рис. 3.

Рис. 2.

Рис. 6.

Рис. 5.

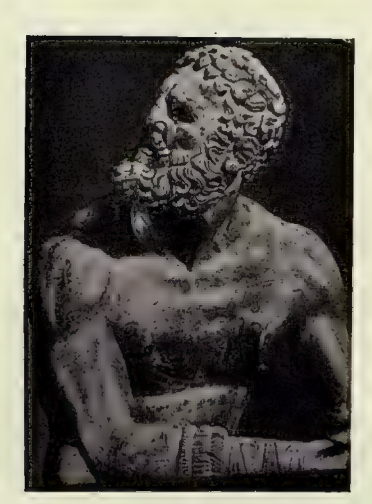

Рис. 4.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

Мраморныя скульптуры изъ Ольвіи.

I.

Мраморная голова.

При раскопкахъ Ольвіи въ 1907 г. Б. В. Фармаковскимъ найдена была у городской стѣны фрагментированная мраморная женская голова[1]), находящаяся теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ подъ инв. № 15806 (табл. I). Голова сдѣлана изъ пентелійскаго мрамора. Высота всей сохранившейся части головы 0,20 м., толщина—0,15 м. (отъ переносья до затылка). Длина лица — 0,13 м. (до волосъ) и 0,16 м. (вмѣстѣ съ волосами). Ширина лица—0,09 м. Разстояніе отъ угла рта до внутренняго угла глаза равняется разстоянію отсюда до верхушки лба, а именно 0,05 м. Разстояніе между внѣшними углами глазъ—0,08 м., между внутренними—0,02 м.

Голова сильно пострадала. Поверхность ея мѣстами покрыта характернымъ для пентелійскаго мрамора желтоватымъ налетомъ. Стесаны правая щека, часть носа, двѣ трети рта, подбородокъ и правая сторона головы и шеи. По всей вѣроятности, стесы эти были сдѣланы съ цѣлью употребить голову при кладкѣ стѣны. Судя по расположенію стесовъ, можно предположить, что голова должна была лечь подъ прямымъ угломъ: большой стесъ на головѣ,—чтобы положить голову горизонтально, меньшій на лицѣ,—чтобы прислонить ее къ вертикальной плоскости. У головы испорченъ, далѣе, весь носъ; уцѣлѣла только часть между глазами. Слегка стесана прическа надъ лѣвымъ ухомъ. Испорчены далѣе мягкая часть надъ глазами, особенно надъ лѣвымъ, и нижнія вѣки, главнымъ образомъ у праваго глаза. Слегка стесана еще нижняя часть лѣвой щеки у подбородка, и испорчено правое ухо. Вдоль

---

[1]) См. *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1907 г., стр. 57 сл., рис. 48[а], 49[в]; *Archäolog. Anz.*, XXIII (1908), стр. 183, рис. 17; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. XXXIII (1909), стр. 126, рис. 41 и 42; рис. 43 и 44 на этой же страницѣ даютъ изображеніе реконструкціи этой головы въ гипсѣ, сдѣланной художникомъ скульпторомъ Д. С. Стеллецкимъ. Оригиналъ работы г. Стеллецкаго находится въ Музеѣ Древностей и Искусствъ при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ.

шеи, затылка и верхней части головы идетъ широкая темная полоса, являющаяся, по всей вѣроятности, слѣдомъ огня. Возможно, что памятникъ, которому принадлежала голова, пострадалъ во время разгрома города гетами: третій слой, въ которомъ найдена была голова, является остатками города эллинистической эпохи, погибшаго при гетскомъ разгромѣ Ольвіи [1]) около 50 г. до Р. Х. [2]). Эпидерма мѣстами совершенно исчезла; болѣе или менѣе она сохранилась только на лбу. Особенно изъѣдена вся шея.

Судя по расположенію мускуловъ шеи, можно заключить, что голова была слегка поворочена влѣво. Это подтверждается еще тѣмъ, что проборъ приходится не по серединѣ, а слегка отодвинутъ вправо и что уцѣлѣвшая часть носа слегка отогнута направо: переходъ отъ переносья къ внутреннему углу праваго глаза сдѣланъ болѣе круто, вслѣдствіе чего тѣнь здѣсь получается болѣе темная и кажется, что правый глазъ сидитъ глубже. На дѣлѣ же оба глаза посажены одинаково глубоко.

Эти неправильности очень незначительны, но едва ли являются только случайностью [3]). Если бы этого не было, то, ввиду легкаго поворота головы влѣво, свѣтъ сильнѣе ударялъ бы во внутренній уголъ праваго глаза и получилось бы нѣкоторое несоотвѣтствіе между нимъ и лѣвымъ глазомъ.

О томъ, кого изображала фигура, которой принадлежала издаваемая голова, сказать опредѣленно трудно. Во всякомъ случаѣ голова представляетъ отвлеченный типъ, а не индивидуальный портретъ. Въ виду того, что голова была найдена у городской стѣны, «значитъ вблизи отъ области некрополя, начинавшагося вплоть у стѣны» [4]), весьма вѣроятно, что она является частью надгробнаго памятника.

Пропорціи лица—стройныя; ширина лица повторяется въ длинѣ его приблизительно полтора раза. Верхнія вѣки приподняты, горизонтальная ось зрѣнія представляетъ прямую линію, и взглядъ поэтому устремленъ прямо впередъ безъ всякаго опредѣленнаго выраженія. Глазныя яблоки трактованы совершенно плоско, выпуклая часть надъ гла-

---

1) Б. В. Фармаковскій, *Отчетъ Имп. Арх. К.* за 1907 г., стр. 57 сл. См. древнее свидѣтельство объ этомъ разгромѣ—Dionis or. XXXVI, стр. 2, строка 5 слл. (по изданію Арнима, II часть, Berlin, 1896).

2) В. В. Латышевъ, Изслѣд. объ ист. и гос. устр. города Ольвіи, Спб., 1887, стр. 149, и Ποντικά, СПБ., 1909, стр. 237 слл.

3) Ср. Curtius, Über einen weiblichen Kopf in Rom, *Jahrbuch des d. arch. Instituts*, XIX (1904), стр. 63 сл.; Ch. Waldstein, A head of Aphrodite of Holkham Hall, *Journ. of Hellenic studies*, XXXIII (1913), стр. 292 слл.

4) Б. В. Фармаковскій въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1907 г., стр. 59.

зомъ—сравнительно мягко, что особенно видно надъ внѣшнимъ угломъ лѣваго глаза. Отъ рта остался только лѣвый уголъ и то въ испорченномъ видѣ. Губы были, по всей вѣроятности, сжаты, что тоже содѣйствовало спокойному и строгому выраженію лица. Невысокій лобъ моделированъ совершенно ровнымъ и плоскимъ. Обрамляющіе его волосы придаютъ ему форму полукруга. Волосы образуютъ довольно пышную прическу; они раздѣлены проборомъ и спускаются волнистыми прядями на лобъ, но надъ глазами уже они зачесаны назадъ, причемъ покрываютъ большую половину уха. Позади волосы собраны въ небольшой и довольно плоскій валикъ. Прическа сдѣлана съ помощью только рѣзца; буравъ при обработкѣ мрамора не былъ употребленъ. Пряди волосъ не лежатъ на лбу волнистой линіей, что было бы вполнѣ естественно: вмѣсто этого мы видимъ довольно прямую линію, четко проведенную рѣзцомъ, которою здѣсь проводится граница между волосами и лбомъ. Въ мочкахъ ушей—отверстія для серегъ.

Отдѣлка лица и задней части головы неравномѣрна. Лицо сдѣлано очень тщательно, волосы же довольно суммарно, особенно позади, гдѣ, кромѣ того, имѣется выбоина, длиною въ 0,05 м., шириною въ 0,03 м., отдѣланная такъ же, какъ и вся эта часть головы вообще. Присутствіе выбоины можно объяснить себѣ только тѣмъ, что тутъ не хватило куска мрамора. Эта то выбоина вмѣстѣ съ обстоятельствами мѣстонахожденія даютъ отчасти возможность предполагать, какое значеніе имѣла издаваемая голова. Въ виду наличности выбоины въ задней части головы можно сказать, что голова принадлежала горельефу и, должно быть, большому. Очень возможно, что горельефъ этотъ, въ виду того, что голова найдена неподалеку отъ некрополя, представлялъ собою надгробный памятникъ, и голова принадлежала одной изъ фигуръ этого памятника. Это предположеніе подтверждается цѣлымъ рядомъ аттическихъ надгробныхъ рельефовъ, гдѣ мы встрѣчаемъ головы аналогичнаго типа и стиля.

По своимъ общимъ пропорціямъ издаваемая голова является откликомъ того типа, который довольно часто встрѣчается въ V вѣкѣ. Можетъ быть, она является отголоскомъ того стиля, начало которому было положено Кассельскимъ Аполлономъ [1]). Фуртвенглеръ приписываетъ статую Кассельскаго Аполлона Мирону и относитъ къ періоду времени отъ 475—460 гг. Отчасти по типу ольвійская голова представляетъ про-

[1]) Ср. ниже. Ср. Furtwängler, Meisterwerke der griech. Plastik, Leipzig-Berlin, 1893, стр. 371 слл.; Springer-Michaelis, Handbuch der Kunstgesch., I, Leipzig, 1911, стр. 235, рис. 430.

долженіе и типа статуи Аполлона Choiseul Gouffier [1]) и его репликъ въ Аѳинахъ [2]) и въ Луврѣ [3]). Тотъ же общій типъ мы встрѣчаемъ у мраморныхъ головъ школы Поликлета, найденныхъ при раскопкахъ Аргосскаго Герэона Американской школой (ср. рис. 1) [4]). Мы видимъ тѣ же общія очертанія лица, хотя пропорціи ихъ болѣе тяжелы,—а въ двухъ послѣднихъ случаяхъ ту же прическу: проборъ и ниспадающія на лобъ и затѣмъ зачесанныя назадъ пряди волосъ, которыя придаютъ лбу форму полукруга и закрываютъ половину уха. У одной изъ головъ, найденныхъ при раскопкахъ Герэона, мы видимъ также отверстія въ мочкахъ ушей. Головы Герэона относятся, по всей вѣроятности, къ концу, а можетъ быть, и къ послѣднимъ годамъ V вѣка [5]). Тотъ же общій типъ представляетъ, далѣе, каріатида Ватиканскаго музея, найденная при папѣĀkстѣ V на Аппіевой дорогѣ, близъ Рима [6]). Здѣсь мы видимъ тѣ же главныя очертанія лица, ту же прическу, хотя передѣлка измѣнила весь характеръ головы. Оригиналъ относился къ V в. до Р. Хр. и происходилъ, должно быть, изъ школы Фидія [7]). Этотъ же типъ лица и такую же прическу мы встрѣчаемъ еще у Ніобиды Національнаго музея въ Римѣ, гдѣ, несмотря на большія передѣлки, сохранилась древняя композиція V вѣка. Ал. делла Сета [8]) помѣщаетъ оригиналъ Ніобиды въ періодъ отъ 450 до 425 гг.

Рис. 1. По фотографіи Германскаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ.

Обращаясь теперь къ болѣе близкимъ аналогіямъ, надо, во-первыхъ, указать на головку, находящуюся въ Акропольскомъ музеѣ въ Аѳинахъ

[1]) Collignon, Histoire de la sculpture grecque, I, Paris, 1892 г., стр. 403, рис. 208; Springer-Michaelis, ук. соч., стр. 405, рис. 429.

[2]) Collignon, ук. соч., стр. 405, рис. 209.

[3]) *Mémoires et monuments de l'Académie des inscriptions et belles lettres*, fondation E. Piot, I (1894), табл. VIII и IX.

[4]) Charles Waldstein, The Argive Heraeum, Boston and New-York, 1902, табл. XXXVI, XXXII, 1—2 и 4.

[5]) Ср. Collignon, ук. соч., II, стр. 168.

[6]) W. Amelung, Die Sculpturen des Vatikanischen Museums, I, Berlin, 1903, табл. 7, № 47 (Braccio nuovo); Friedrichs-Wolters, Bausteine zur Gesch. der Plastik, № 1554; Collignon, ук. соч., II, стр. 638, рис. 334.

[7]) Ср. Amelung, ук. соч., I, стр. 66.

[8]) *Ausonia*, II (1907), табл. I—III, стр. 5 слл.

(рис. 2) и происходящую, можетъ быть, съ Парѳенона. Издаваемая фотографія головы была снята въ Аѳинахъ въ 1894 году Б. В. Фармаковскимъ. Голова эта, очевидно, принадлежала мужской фигурѣ. Несмотря на болѣе строгій стиль ея, у нея аналогично съ ольвійской

Рис. 3 (1/3). По фотографіи Романди.

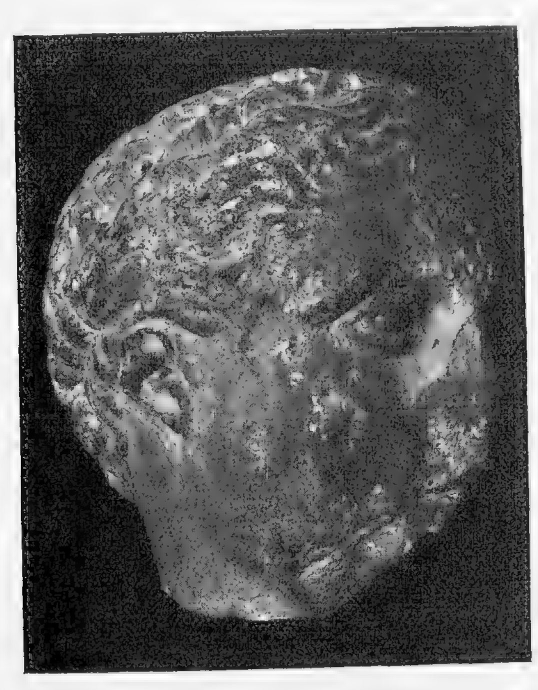

Рис. 2. По фотографіи Б. В. Фармаковскаго.

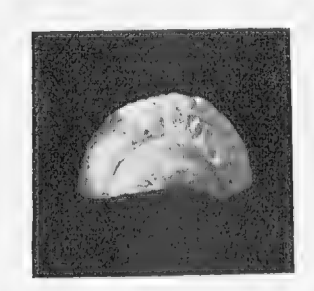

Рис. 4 (1/3). По фотографіи Романди.

головой трактованы лобъ съ его формой полукруга, переносье и глаза: почти что плоское яблоко, довольно тяжелыя вѣки и линія надъ внѣшнимъ угломъ глаза, отмѣчающая нависшую мягкую часть. Въ обоихъ случаяхъ эта линія какъ будто слегка опять заворачиваетъ наверхъ. Затѣмъ аналогичными по стилю ольвійской головѣ являются головки, принадлежавшія базѣ статуи Немесиды въ Рамнунтѣ [1]) работы Агоракрита [2]), ученика Фидія [3]) (ср. рис. 3 и 4). Вольтерсъ [4]) указываетъ на сходство головокъ на рамнунтской базѣ съ головками фриза Парѳенона, хотя онѣ и представляютъ собою уже дальнѣйшій шагъ въ стилистиче-

[1]) Brunn-Bruckmann, Denkm. d. griech. und röm. Skulptur, n⁰ 204 и 206.

[2]) А. фонъ Залисъ въ своей статьѣ Die Göttermutter des Agorakritos, въ *Jahrb. d. Inst.*, XXVIII (1913), стр. 1 слл., указываетъ на то, что этотъ рельефъ могъ и не быть произведеніемъ лично Агоракрита, но, во всякомъ случаѣ, исполненъ былъ по его рисункамъ.

[3]) Ср. Collignon, ук. соч., II, стр. 112 слл.

[4]) *Athen. Mitth.* XV (1890), стр. 349.

скомъ развитіи. У головки рис. 3 аналогичными нашей головѣ являются общія пропорціи лица, очертанія лба и постановка глазъ. У другой головки (рис. 4) мы видимъ ту же прическу и ту же форму лба, равно какъ и ту же также довольно рѣзкую линію, отмѣчающую границу волосъ на лбу.

Далѣе слѣдуетъ указать на голову, находящуюся въ Аоинскомъ Національномъ Музеѣ (рис. 5 и 6) [1]). Волосы, раздѣленные проборомъ, сначала положены на лобъ, затѣмъ постепенно зачесаны назадъ и прикрываютъ часть уха. Въ мочкахъ ушей — отверстія для серегъ. Носъ отбитъ. Позади отъ пробора внизъ идетъ вертикальный срѣзъ съ глубокимъ отверстіемъ для скрѣпа, сдерживавшаго прежде приставленную, теперь утерянную заднюю часть головы. Пропорціи лица, прическа, рисунокъ глазъ — все это соотвѣтствуетъ нашей головѣ. Арндтъ [2]) помѣщаетъ эту голову въ промежутокъ времени отъ 440 до 420 гг. и видитъ въ ней послѣдній отблескъ стиля Кассельскаго Аполлона.

Рис. 5 (ок. 1/2). По Arndt-Amelung, Einzelaufnahmen.

Обращаясь къ стеламъ, мы должны указать, какъ на довольно близкую аналогію, на стелу Мнесистраты, находящуюся въ Аоинскомъ Національномъ музеѣ [3]). Пышныя пряди волосъ, раздѣленныя проборомъ, невысокій ровный лобъ и глаза (см. рис. 7) здѣсь трактованы совершенно такъ же, какъ на нашей головѣ. Кромѣ того, мы видимъ здѣсь ту же довольно рѣзко проведенную рѣзцомъ линію, отмѣчающую рисунокъ волосъ на лбу, которую мы замѣтили и на нашей головѣ. Конце относитъ эту стелу къ концу V вѣка.

---

[1]) Arndt-Amelung, Einzelaufnahmen, № 650—651.
[2]) Einzelaufnahmen, Text, III, стр. 20.
[3]) Conze, Die attischen Grabreliefs, табл. CCXXII (1087).

Дальнѣйшей аналогіей является стела, найденная въ Аѳинахъ около Агіи Тріады, съ изображеніемъ идущей влѣво женщины, въ правой рукѣ у которой—ваза, а лѣвая молитвенно поднята [1]). Здѣсь мы видимъ (см. рис. 8) ту же прическу, прикрывающую половину уха, тѣ же очертанія лба, ту же линію переносья, тотъ же рисунокъ плоско трактованнаго глаза. Однако, у этой головы уже почти нѣтъ той рѣзко проведенной линіи волосъ на лбу, какъ у головы на предыдущей стелѣ. Волосы ложатся на лобъ мелкими отдѣльными прядями. Изъ этого можно заключить, что данная стела относится къ болѣе позднему времени, и Вольтерсъ, дѣйствительно, относитъ ее къ IV вѣку [2]).

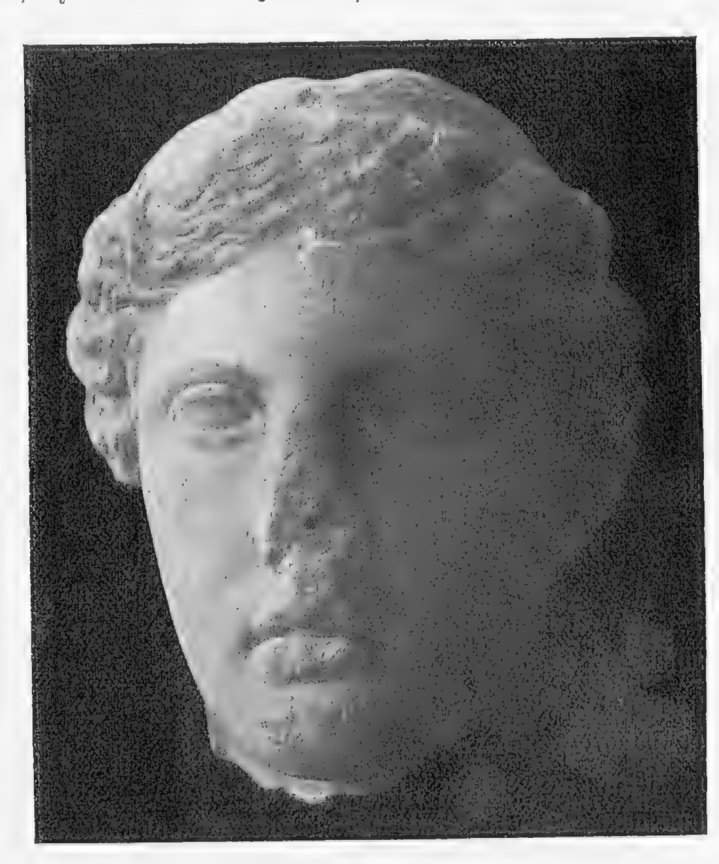

Рис. 6 (ок. 1/2). По фотографіи изъ колл. Музея древностей и искусствъ СПБ. университета.

Перехожу къ слѣдующей стелѣ, находящейся въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ [3]). Голова стоящей справа дѣвушки живо напоминаетъ разсматриваемую нами голову и по прическѣ, и по полукруглой формѣ лба, и по трактовкѣ глазъ. Рѣзкой линіи волосъ мы здѣсь не видимъ. Каввадіасъ [4]) относитъ ее къ IV в., а Вальдштейнъ [5]) правильно приписываетъ ее школѣ Фидія и указываетъ на ея сходство со скульптурами фриза Пароенона.

---

[1]) Conze, ук. соч., табл. CLII (805); Brunn-Bruckmann, Denkm., № 464.
[2]) *Athen. Mitth.*, XV (1890), стр. 346.
[3]) Conze, ук., соч., табл. LXXX (322).
[4]) Γλυπτὰ τοῦ ἐθνικοῦ μουσείου, ἐν Ἀθήναις, 1890—1892, № 717.
[5]) Essays on the art of Pheidias. Cambridge, 1885, стр. 313 слл.

Очень близка, далѣе, къ ольвійской головѣ по стилю стела Ѳеофилы [1]), находящаяся въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ, хотя она и представляетъ довольно грубое промышленное произведеніе. Овалъ лица, полукруглый лобъ, плоскія глазныя яблоки, переносье (см. рис. 9)—все это напоминаетъ намъ нашу голову. Только прическа здѣсь болѣе пышная, и волосы не раздѣлены проборомъ. На основаніи формы буквъ надписи стелу эту Конце относитъ къ IV в.

Рис. 7 (1/8). По Conze.

Рис. 8 (1/8). По Conze.

Аналогіей для головы изъ Ольвіи отчасти можетъ служить и голова, найденная въ Лернѣ и находящаяся въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ [2]). Задняя часть головы—совсѣмъ плоская и довольно гладко обтесанная, обстоятельство, которое наводитъ на мысль, что голова эта принадлежала монументальному надгробію [3]). Аналогичною здѣсь является прическа, хотя волосы трактованы нѣсколько иначе (болѣе волнисто и болѣе детально), затѣмъ небольшой полукруглый лобъ и глаза съ плоскими яблоками и вѣками. Иначе исполнены ротъ, который полуоткрытъ и линіи котораго довольно извилисты, и подбородокъ съ его «мягкимъ и широкимъ оваломъ» [4]). Каввадіасъ [5]) относитъ эту голову къ IV вѣку. Фуртвенглеръ же думаетъ, что она не старше III в., но указываетъ на ея сходство съ головой изъ Герэона (конца V вѣка) и съ аттической скульптурой IV вѣка, въ виду общей трактовки лба, глазъ и рта.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что мастеръ нашей ольвій-

---

1) Conze, ук. соч., табл. CLXIX (875).
2) Καββαδίας, ук. соч., № 188.
3) Ср. Furtwängler, *Athen. Mitth.*, VIII (1883), стр. 195; Καββαδίας, ук. м.
4) Ср. Milchhöfer, *Athen. Mitth.*, IV (1879), стр. 149 сл., № 484.
5) Ук. соч., № 188.

ской головы, несомнѣнно, работалъ подъ вліяніемъ скульптуръ школы Фидія. Особенно характерной является у него трактовка прически съ ея довольно короткимъ проборомъ и зачесанными назадъ волосами, и лба, очертанія котораго болѣе похожи на полукругъ, чѣмъ на треугольникъ [2]).

Что касается времени, къ которому нужно отнести голову изъ Ольвіи, то большая часть аналогій указываетъ на IV вѣкъ. На основаніи же рѣзко проведенной черты на лбу, отмѣчающей линію волосъ, которая встрѣчается во-первыхъ на метопахъ Пароенона [3]), а затѣмъ на стелѣ Мнесистраты и на фрагментѣ Агоракрита, очень заманчиво было бы опредѣлить время нашей головы концомъ V вѣка. Но если ольвійская голова принадлежала надгробной стелѣ, то относиться къ концу V в. она едва ли можетъ, такъ какъ въ это время рельефъ на стелахъ дѣлался сравнительно плоскимъ, между тѣмъ какъ наша голова принадлежала очень высокому горельефу, какой встрѣчается только на надгробныхъ памятникахъ IV вѣка. Ко второй половинѣ IV в. ольвійскую голову отнести нельзя на основаніи слѣдующихъ соображеній. Хотя голова богини съ калаѳомъ, изданная Фуртвенглеромъ [4]) и С. Рейнакомъ [5]), при бѣгломъ обзорѣ нѣсколько и напоминаетъ нашу голову, но разница между ними все же существенная. Лобъ здѣсь имѣетъ форму треугольника, ротъ пріоткрытъ, внутренній уголъ глаза очень углубленъ, а нижняя часть зрачка «presque noyée dans le vague» [6]), что напоминаетъ Праксителя. Фуртвенглеръ относитъ эту голову къ IV в., а Рейнакъ указываетъ на конецъ V или начало IV в. Первая дата Рейнака мнѣ кажется невозможной, а вторая — допустимой съ нѣкоторой оговоркой. Наша голова безспорно должна принадлежать болѣе раннему времени. Если Фуртвенглеръ относитъ голову съ калаѳомъ къ IV вѣку вообще, то ольвійскую голову мы имѣемъ полное право отнести къ первой половинѣ IV вѣка. За наше опредѣленіе го-

Рис. 9 (1/6). По Conze.

---

[1]) Ук. соч., стр. 198.

[2]) Ср. Furtwängler, Collection Sabouroff, ч. I, стр. 12 сл.

[3]) Collignon, Le Parthénon, табл. 26, I; табл. 30, VII 1—2; табл. 36, XXX, табл. 37, XXXI.

[4]) Collection Sabouroff, I, табл. VII.

[5]) Têtes antiques, табл. 129; Beschreib. d. Skulpt. zu Berlin, n° 614.

[6]) Furtwängler, ук. м.

воритъ и отсутствiе среди инструментовъ у автора ольвiйской головы бурава при моделировкѣ волосъ. Какъ извѣстно [1]), буравъ для этой цѣли впервые сталъ употреблять въ IV вѣкѣ Праксiтель.

Время ольвiйской головы можно опредѣлить еще точнѣе, если привлечь для сравненiя голову съ надгробной стелы, найденной въ некрополѣ Эретрiи на Евбеѣ [2]). Она издана Фуртвенглеромъ [3]) и С. Рейнакомъ [4]). При извѣстной долѣ сходства съ нашей головой, евбейскую голову все же отличаетъ треугольная форма лба и удлиненныя формы мало открытыхъ, какъ-бы прищуренныхъ глазъ. По Фуртвенглеру такая трактовка придаетъ взору влажность и выраженiе истомы. Фуртвенглеръ датируетъ голову изъ Эретрiи второй четвертью IV в. Ольвiйскую голову, такимъ образомъ, можно было бы отнести къ первой четверти IV в., а можетъ быть, даже къ самому началу IV в., въ виду наличности у нея въ стилѣ чертъ, представляющихъ пережитки стиля конца V в.

II.

Обломокъ мраморнаго рельефа.

Во время раскопокъ, производившихся въ Ольвiи въ 1908 г., былъ найденъ фрагментъ небольшой женской головы съ частью волосъ и глаза (табл. III, 1). Фрагментъ значится въ Императорской Археологической Коммиссiи въ описи находокъ въ Ольвiи 1908 г. подъ № 472 [5]). Матерiалъ обломка—тотъ же пентелiйскiй мраморъ, изъ котораго сдѣлана и выше описанная голова.

Длина обломка 0,15 м., ширина 0,12 м., толщина (въ самомъ толстомъ мѣстѣ)—0,06 м. Обломокъ этотъ сохранился очень хорошо. Поверхность покрыта мѣстами желтымъ налетомъ, образующимся на пентелiйскомъ мраморѣ и для него типичнымъ. Эпидерма лба надъ глазомъ уцѣлѣла почти цѣликомъ. Сохранились двѣ трети праваго глаза, часть лба и прическа, судя по которой обломокъ этотъ является частью женской головы. Слѣдовъ какого-либо предмета украшенiя на головѣ нѣтъ.

---

[1]) Ср. Furtwängler, Meisterwerke, стр. 532 слл.
[2]) V. Sybel, Catalog d. Sculpt. zu Athen, № 73.
[3]) Collection Sabouroff, I, табл. 12—14.
[4]) Têtes antiques, табл. 126—127.
[5]) Б. Вл. Фармаковскiй, въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1908 г., стр. 75, рис. 48; ср. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. XXXIII (1909), стр. 125, рис. 45.

Первое, что бросается въ глаза при видѣ фрагмента, это совершенно плоская трактовка глаза, главнымъ образомъ его яблока. Верхнее вѣко, довольно широкое и тяжелое, трактовано также очень плоско. Оно приподнято, и взглядъ былъ устремленъ поэтому прямо впередъ. Внутренняя, обращенная къ яблоку, часть нижняго вѣка трактована совсѣмъ плоско. Взоръ—неопредѣленный, спокойный.

Особенно тщательной и въ высшей степени благородной моделировкой отличается лобъ. Онъ трактованъ ровнымъ и гладкимъ; верхняя часть его покрыта волосами. Переходъ отъ нѣсколько выпуклой части лба надъ глазомъ къ этому послѣднему сдѣланъ широко и плоско, что замѣчается, главнымъ образомъ, надъ углами глаза. Средняя часть его нѣсколько уже и немного выпуклѣе. Надъ внѣшнимъ угломъ глаза эта мягкая часть точно слегка нависаетъ. Въ правомъ углу глаза, гдѣ сходятся верхнее и нижнее вѣко, чувствуется легкая выпуклость.

Рис. 10 (ок. 1/9). По фот. изъ колл. Куторги.

Волосы собраны въ пышную прическу, которая образуетъ надо лбомъ напускъ изъ крупныхъ прядей. Онѣ моделированы съ помощью только рѣзца.

Подобный же рисунокъ глаза и такую же трактовку волосъ мы находимъ на скульптурахъ Парѳенона, а именно на одной головѣ съ фронтоновъ [1]) и, главнымъ образомъ, на фризѣ (ср. рис. 10 и 11) [2]). Мы видимъ здѣсь столь же плоскую трактовку глазъ,—которые на фризѣ, правда, болѣе широко раскрыты, чѣмъ на нашемъ фрагментѣ, — плоскую трактовку широкихъ вѣкъ и мягкой части надъ глазомъ, съ ея расширеніемъ надъ внѣшнимъ угломъ, гдѣ она слегка нависаетъ, и такую же моделировку крупныхъ прядей волосъ.

Рис. 11 (ок. 1/9). По фотографіи изъ колл. Куторги.

Эти же общія черты мы находимъ и на нѣкоторыхъ аттическихъ

---

[1]) Collignon, Le Parthénon. Fronton ouest. Tète dite Weber-Laborde, табл. 62, Brunn-Bruckmann, Denkm., № 362; Collignon, Hist. de la sculpture. grecque; II, стр. 41, рис. 19; Br. Sauer, Der Weber-Labordesche Kopf. u. die Giebelfiguren des Parthenon, Berlin, 1903.

[2]) Collignon, Le Parthénon, frise face nord: табл. 117, VI (18); табл. 109, XXXI (97); табл. 103, XLII (13); face est: табл. 127, V (28); табл. 119, VI (42); табл. 128, VI (38, 39, 40); табл. 123, VIII (60); face sud: табл. 91, X (26); табл. 99, XL (114), табл. 100, XLIII (127); face ouest: табл. 85, II (2); Brunn-Bruckmann, Denkm., №№ 108, 194.

стелахъ, главнымъ образомъ, на одной, конца V в., по стилю очень близкой фризу Парѳенона, находящейся въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ (рис. 12)[1]. Арндтъ относитъ эту стелу даже ко времени работъ надъ фризомъ Парѳенона. Глаза всѣхъ трехъ фигуръ этой стелы трактованы аналогично трактовкѣ ихъ на нашемъ фрагментѣ. Моделировка волосъ мужчины, стоящаго справа, тоже до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ трактовкѣ волосъ на нашемъ обломкѣ. Прическа стоящей посерединѣ женщины сдѣлана нѣсколько иначе: а именно — схематично, пряди волосъ лежатъ на лбу параллельно другъ другу.

Рис. 12 (1/6). По Conze.

Аналогичную трактовку глазъ и волосъ мы находимъ еще на нѣкоторыхъ стелахъ болѣе поздняго времени. Сюда относятся, во-первыхъ, почти всѣ стелы, указанныя выше и представляющія аналогіи по стилю головѣ изъ Ольвіи, а, кромѣ того, еще нѣкоторыя другія, какъ напримѣръ, стела Аминоклеи, находящаяся въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ[2], которую Каввадіасъ[3] относитъ къ V в., а Фридрихсъ[4] къ IV в. У всѣхъ трехъ женскихъ фигуръ этой стелы глазъ трактованъ одинаково; особенное же сходство его съ глазомъ нашего фрагмента замѣчается на фигурѣ дѣвушки, стоящей слѣва (рис. 13).

Затѣмъ слѣдуетъ стела Коралліонъ[5], находящаяся въ некрополѣ

[1] Conze, ук. соч., табл. LXIX (293); Arndt-Amelung, ук. соч., № 658—660.
[2] Conze, ук. соч., табл. CLXXVII (901).
[3] Ук. соч., № 718.
[4] Friedrichs-Wolters, ук. соч., № 1032.
[5] Conze, ук. соч., табл. XCVIII (411).

около Агіи Тріады. На основаніи формы акротерія Брюкнеръ [1]) относитъ эту стелу къ серединѣ IV в. Глаза Кораллiонъ и окружающихъ ее фигуръ по трактовкѣ своей аналогичны глазу на нашемъ фрагментѣ. Наконецъ, этотъ рисунокъ глаза встрѣчается еще на стелѣ Фэнипны [2]), которая находится въ Аоинскомъ Національномъ музеѣ и которую Каввадіасъ [3]) относитъ къ IV в. Здѣсь рисунокъ глаза яснѣе всего у стоящаго въ центрѣ старика.

Рис. 13 (ок. 1/6). По Conze.

Въ виду сходства стиля нашего обломка со стилемъ фриза Пароенона, мы можемъ заключить, что обломокъ принадлежалъ изваянію, сдѣланному мастеромъ, который воспитался въ школѣ Фидія. А такъ какъ мы знаемъ цѣлый рядъ стелъ, аналогичныхъ по стилю нашему фрагменту, то можно предполагать, что и нашъ обломокъ принадлежалъ скорѣе всего надгробному памятнику. Мы знаемъ, что почти всѣ художники, дѣлавшіе въ IV в. надгробныя стелы, находились подъ вліяніемъ школы Фидія и вдохновлялись, главнымъ образомъ, фризомъ Пароенона [4]).

Ввиду того, что нашъ обломокъ по рисунку и трактовкѣ глаза отличается большей строгостью, чѣмъ выше описанная голова изъ Ольвіи, которую мы отнесли къ началу IV в., мы можемъ приблизительно датировать нашъ обломокъ временемъ не позже 400 г. Но такъ какъ самой близкой аналогіей нашему обломку является стела времени фриза Пароенона, и такъ какъ обломокъ нашъ отличается большимъ благородствомъ стиля и удивительнымъ искусствомъ въ передачѣ игры свѣтовъ и тѣней, то хочется отнести его ко времени болѣе близкому къ фризу Пароенона, приблизительно къ 430 году до Р. Хр.

III.

Обломокъ колоссальнаго мраморнаго рельефа.

Въ 1907 г. въ раскопѣ у городской стѣны былъ найденъ обломокъ огромнаго рельефа изъ пентелійскаго мрамора (табл. II) [5]).

---

[1]) Ornamentik u. Form der griechischen Grabstelen, Weimar, 1886, стр. 49.

[2]) Conze, ук. соч., табл. LXXXIX (359).

[3]) Ук. соч., № 719.

[4]) Ср. Collignon, Les statues funéraires, Paris, 1912, стр. 127.

[5]) Б. Вл. Фармаковскій, въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1907 г., стр. 52 сл., рис. 49; *Archäolog. Anz.*, XXIII (1908), ст. 183, рис. 18.

Въ настоящее время обломокъ находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ подъ инв. № 15865. На обломкѣ, частью покрытомъ желтоватымъ налетомъ, сохранилась часть одежды и лѣвая рука, очевидно, женской фигуры.

Длина обломка—0,35 м. Ширина въ верхней части плиты—0,17 м., въ нижней (она неровно разбита) — 0,20 м. Толщина плиты—0,11 м.

Обратная сторона вся почти покрыта довольно большими выбоинами, сдѣланными, должно быть, съ цѣлью самой суммарной обработки этой части, которая должна была примыкать, очевидно, къ стѣнѣ, и не была разсчитана на то, чтобы быть видимой. Съ правой стороны обломка сохранилась часть края рельефа (0,17 м.), но не на всемъ протяженіи обломка, такъ какъ съ этой стороны отбиты слегка верхняя часть и въ значительной степени нижняя. Уголъ первоначальнаго края былъ срѣзанъ. Слѣва плита обломана неровно, причемъ линія облома идетъ волнообразно, а мѣстами зазубринами. Справа, гдѣ сохранилась часть первоначальнаго края рельефа, видно обрамленіе рельефа, довольно слабо выступающее въ видѣ узкой полоски, которую мы замѣчаемъ только въ нижней части фрагмента, гдѣ кончалась рука фигуры.

Слѣва вдоль всей плиты идутъ складки, сначала двѣ параллельныя, причемъ вдоль правой, которая шире, но площе лѣвой, сдѣланъ неглубокій желобокъ. Эта правая, сначала плоская складка, становится понемногу все выпуклѣе (ширина ея внизу—0,02 м.). Уже подъ рукою, направо отъ этой складки, параллельно ей появляется третья, но менѣе широкая и менѣе выпуклая. Направо отъ этой новой складки намѣчена слѣдующая, но совсѣмъ уже плоско. Крайняя складка слѣва образуетъ ниже руки начало характернаго схематическаго расположенія группы складокъ, напоминающаго рисункомъ расположеніе перьевъ въ хвостѣ ласточки. Изъ-подъ этой группы складокъ продолжается книзу еще складка.

Рука сдѣлана слабо выступающимъ рельефомъ, причемъ правая сторона ея, лежащая на обрамленіи, нѣсколько выше лѣвой. Рука занимаетъ, начиная сверху, 0,22 м. длины обломка. Ширина ея наверху, у разбитаго края,—0,08 м., у начала кисти 0,05 м. Ширина большого пальца 0,03 м., длина его 0,07 м.

Рука изображена въ спокойномъ, висячемъ положеніи, причемъ большой и средній пальцы соприкасаются кончиками, а указательный палецъ покоится на среднемъ. Другіе пальцы не отмѣчены.

Рука слегка пострадала: мѣстами выбиты куски, какъ напримѣръ, у сустава запястья, затѣмъ на наружной сторонѣ кисти, на большомъ пальцѣ, кончикъ котораго отбитъ. Въ особенности же пострадалъ ука-

зательный палецъ, отъ котораго, начиная немного ниже второго сустава, сохранился только слѣдъ, до нѣкоторой степени дающій возможность судить о рисункѣ его.

По пропорціямъ своимъ—это длинная рука съ тонкими и съуживающимися къ концу пальцами. Большой палецъ въ средней части своей слегка утолщается. На немъ сохранилась верхняя половина тонко моделированнаго ногтя. Между большимъ и указательнымъ пальцами, въ мѣстѣ ихъ соединенія, идетъ мягкая складка кожи, которая выходитъ изъ-подъ большого пальца и продолжается еще на указательномъ, какъ-бы ложась на него. Находящаяся подъ нею вертикальная линія указательнаго пальца трактована очень мягко. Особенно тщательно и тонко моделированъ второй согнутый суставъ этого пальца: здѣсь чувствуется самая кость, строеніе ея въ этомъ сгибѣ; чувствуется легкое углубленіе въ самомъ началѣ второй фаланги. На среднемъ пальцѣ видна моделировка всѣхъ фалангъ и ихъ суставовъ; испорченъ только кончикъ съ ногтемъ.

Что касается рисунка руки, очень тонкаго и изящнаго, то на фотографіи онъ совсѣмъ не передается; фотографія не даетъ всего многообразія правой линіи руки съ ея отдѣльными оттѣнками. На оригиналѣ чаруетъ это богатство контуровъ: легкая выпуклость надъ запястьемъ, углубленіе въ мѣстѣ сустава, затѣмъ понемногу наростающая выпуклость линіи пясти, переходящая въ углубленіе ниже перваго сустава указательнаго пальца. Не менѣе богата и лѣвая линія руки съ ея поразительнымъ рисункомъ большого пальца.

Аналогію нашей рукѣ, до нѣкоторой степени, представляетъ рука одной изъ дѣвушекъ на фризѣ Парѳенона [1]). Сходными здѣсь является самое движеніе, общій рисунокъ руки и моделировка мягкихъ частей внутренней стороны указательнаго пальца.

Приблизительно тотъ же рисунокъ указательнаго пальца мы встрѣчаемъ еще у другой дѣвушки восточной части фриза [2]).

Аналогичной, но только до нѣкоторой степени, является рука женщины на стелѣ, которую относятъ ко времени фриза Парѳенона и о которой уже была рѣчь выше (рис. 12). Такъ какъ положеніе обѣихъ ея рукъ не соотвѣтствуетъ положенію нашей руки, то судить о томъ, имѣемъ ли мы дѣло въ томъ и другомъ случаѣ съ одинаковыми пропорціями, довольно трудно. Кисть руки у фигуры на стелѣ, во всякомъ случаѣ, кажется болѣе широкой, но пальцы, какъ и у руки на нашемъ

1) Collignon, Le Parthénon, табл. 120—frise face est, III, 13.
2) Тамъ же, табл. 123, VII (50).

обломкѣ, сравнительно тонкіе и съуживающіеся къ концу. Рисунокъ указательнаго пальца правой руки, главнымъ образомъ, внутренней стороны его, отчасти напоминаетъ намъ руку ольвійскаго рельефа.

Что касается складокъ, то на стелѣ нижняя часть складокъ гиматія мужчины [1]), до нѣкоторой степени, напоминаетъ намъ складки на нашемъ фрагментѣ. Расположеніе складокъ приблизительно одинаковое: посерединѣ широкая и выпуклая, направо отъ нея—болѣе плоская, а налѣво—болѣе широкая и менѣе плоская, на которую идущая сверху складка ложится «ласточкинымъ хвостомъ». Что касается моделировки складокъ, то и здѣсь есть общее: мягкость выпуклыхъ частей и четкость, съ которой разграничены отдѣльныя складки. Слишкомъ мало осталось отъ складокъ на нашемъ фрагментѣ, чтобы можно было сравнить ихъ со складками на фризѣ Пароенона, но своимъ строгимъ параллельнымъ расположеніемъ, своею четкостью и величавостью рисунка онѣ все же напоминаютъ хотя бы складки одеждъ дѣвушекъ съ восточной части фриза.

Судя по тому, что сохранилось, можно сказать, что на ольвійскомъ рельефѣ была изображена женщина, стоявшая, можетъ быть, en face, съ перекинутымъ черезъ лѣвое плечо гиматіемъ.

Въ виду того, что по рисунку и моделировкѣ есть точки соприкосновенія у нашего рельефа съ фризомъ Пароенона и съ надгробной стелой того же времени, можно было бы сказать, что ольвійскій рельефъ долженъ былъ быть сдѣланъ не раньше 435 г., т. е. времени окончанія фриза [2]).

Если мы обратимъ теперь вниманіе на размѣры руки на ольвійскомъ рельефѣ и постараемся на основаніи ихъ и нѣкоторыхъ аналогій, представляемыхъ сходными памятниками, возстановить размѣры рельефа, то получится слѣдующее. Длина кисти руки на нашемъ рельефѣ 0,23 м. На извѣстномъ большомъ элевсинскомъ рельефѣ [3]) кисть руки повторяется во всей фигурѣ девять разъ. Значитъ высота фигуры на ольвійскомъ рельефѣ была, можетъ быть, въ 2,11 метра. Если у нашего рельефа обрамленіе было такое же, какъ у элевсинскаго, то общая высота всей плиты могла быть до 2,30 м. Высота плиты элевсинскаго рельефа—2,18 м. Что касается ширины, то, если нашъ рельефъ по пропорціямъ своимъ соотвѣтствовалъ элевсинскому, ширина его была бы приблизительно

---

[1]) См. Conze, Grabreliefs, табл. LXIX (293).

[2]) Ср. Frickenhaus, *Jahrb. d. Instituts*, XXVIII (1913), стр. 351.

[3]) См. Svoronos, Das Athener Nationalmuseum, I, Athen, 1908, табл. XXIV и XXV, стр. 106 слл.; Brunn-Bruckmann, Denkm., № 7; Collignon., Hist. de la sculpture grecque., II, стр. 141, рис. 68; Springer-Michaelis, ук. соч., стр. 265, рис. 471.

1,60 м.; значитъ, онъ былъ и шире элевсинскаго (1,52 м.). Отсюда можно было бы заключить, что на нашемъ рельефѣ, какъ на элевсинскомъ, могли быть изображены три фигуры, изъ которыхъ правая, стоящая, представляла женщину, судя по формамъ руки, молодую.

Возвращаясь къ размѣрамъ рельефа, хочется указать еще на то, что, если у нашего рельефа были фронтонъ и акротерій, то высота его была бы еще гораздо больше 2,30 метровъ.

Размѣры аттическихъ стелъ IV в. колеблются между однимъ и двумя метрами. Стелы высотою свыше двухъ метровъ тогда, повидимому, не дѣлались. Что же касается стелъ V вѣка, то стела Мнесистраты имѣетъ 2,05 м. въ высоту и 1,20 м. въ ширину. Фактъ этотъ является лишнимъ доказательствомъ въ пользу того, что нашъ рельефъ не можетъ относиться къ IV в. Такимъ образомъ у насъ получается для него время отъ 435 до 400 г. Но если обратить вниманіе на то, что стела Мнесистраты, которую относятъ къ концу V вѣка, сдѣлана гораздо большимъ рельефомъ, чѣмъ на нашемъ фрагментѣ, и что въ этомъ отношеніи нашъ обломокъ очень близокъ къ стелѣ, датируемой временемъ фриза Пареенона, то можно было бы сказать, что нашъ рельефъ явился скорѣе всего около 435—420 г. до Р. Хр.

Можно предполагать, что ольвійскій рельефъ, превосходящій размѣрами всѣ извѣстные рельефы V вѣка и приближающійся только къ элевсинскому, не былъ надгробіемъ, а представлялъ, подобно элевсинскому рельефу, скорѣе всего украшеніе храма [1]) и, очевидно, храма, отличавшагося большими размѣрами.

Итакъ, разсмотрѣнные нами три скульптурныхъ фрагмента изъ Ольвіи, по всей вѣроятности, относятся ко времени приблизительно отъ 435 до 385 года до Р. Хр. Всѣ они принадлежали памятникамъ, вышедшимъ изъ аттическихъ мастерскихъ школы Фидія.

IV.

Обломокъ мраморной головы изъ Ольвіи въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

Къ описаннымъ ольвійскимъ фрагментамъ интересно присоединить еще одинъ, находящійся въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ [2]). Этотъ обломокъ представляетъ только часть лба, вѣки, переносье и волосы, лежащіе надо лбомъ небольшимъ напускомъ

[1]) Ср. Svoronos, Das Athener National-Museum, стр. 107.

[2]) Зала Б, витрина 1, изъ коллекціи Бурачкова (№ 17).

(табл. III, 2). Поперекъ лба, ближе къ волосамъ, идетъ довольно глубокая складка. При обзорѣ музея весною 1913 года мнѣ показалось, что фрагментъ по стилю является аналогичнымъ второму изъ описанныхъ выше фрагментовъ изъ Ольвіи (табл. III, 1). Но фотографія, любезно присланная мнѣ А. В. Орѣшниковымъ, убѣждаетъ меня, что лобъ на московскомъ обломкѣ трактованъ не такъ, какъ на обломкѣ, изображенномъ на табл. III, 1. На московскомъ обломкѣ очень опредѣленно моделированы надбровныя дуги и болѣе детально трактованы волосы. Все это признаки, напоминающіе уже формы статуй Праксителя и заставляющіе относить московскій фрагментъ къ болѣе позднему времени, скорѣе всего къ эпохѣ не раньше второй половины или даже конца IV вѣка до Р. Хр.

Разсмотрѣнныя ольвійскія мраморныя скульптуры указываютъ во-первыхъ на то, что Ольвія въ концѣ V и въ началѣ IV вѣковъ въ художественномъ отношеніи, очевидно, была тѣсно связана съ Аѳинами. На связи съ Аѳинами давно уже указывали и другія находки въ Ольвіи и, главнымъ образомъ, многочисленные обломки краснофигурныхъ вазъ стилей развитого «прекраснаго» и «роскошнаго» [1]). Оживленнымъ сношеніямъ Ольвіи съ Аѳинами могло содѣйствовать, между прочимъ, то, что Ольвія въ это время, можетъ быть, входила въ составъ аѳинскаго морского союза [2]).

Далѣе, если фрагментъ съ рукою (табл. II) дѣйствительно принадлежалъ архитектоническому рельефу, то онъ даетъ весьма любопытное указаніе на существованіе въ Ольвіи въ концѣ V вѣка монументальнаго, можетъ быть даже мраморнаго храма.

Издаваемые фрагменты скульптуръ лишній разъ свидѣтельствуютъ о томъ огромномъ значеніи, которое имѣла въ V—IV в. школа Фидія въ древнемъ мірѣ. Искусство Фидія завоевало себѣ области вплоть до уединенныхъ и далекихъ сѣверныхъ побережій Чернаго моря [3]).

Московскій фрагментъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Ольвіи нашла себѣ откликъ и позднѣйшая аттическая скульптура Праксителя [4]).

Камилла Треверъ.

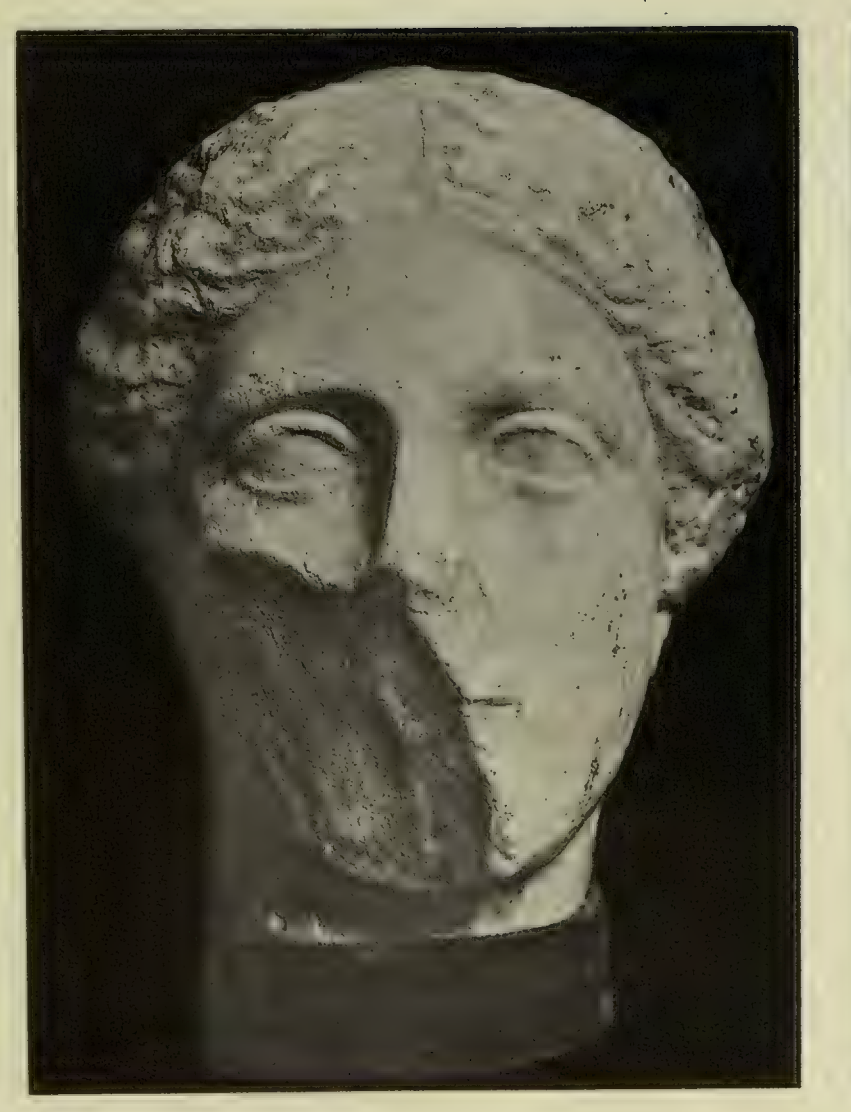
---

[1]) Ср. Б. Вл. Фармаковскій, въ Энц. Словарѣ Брокгауза-Ефрона, II доп. т., стр. 339; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. XXXIII (1909), стр. 118 сл.

[2]) Б. Вл. Фармаковскій, тамъ же, стр. 339.

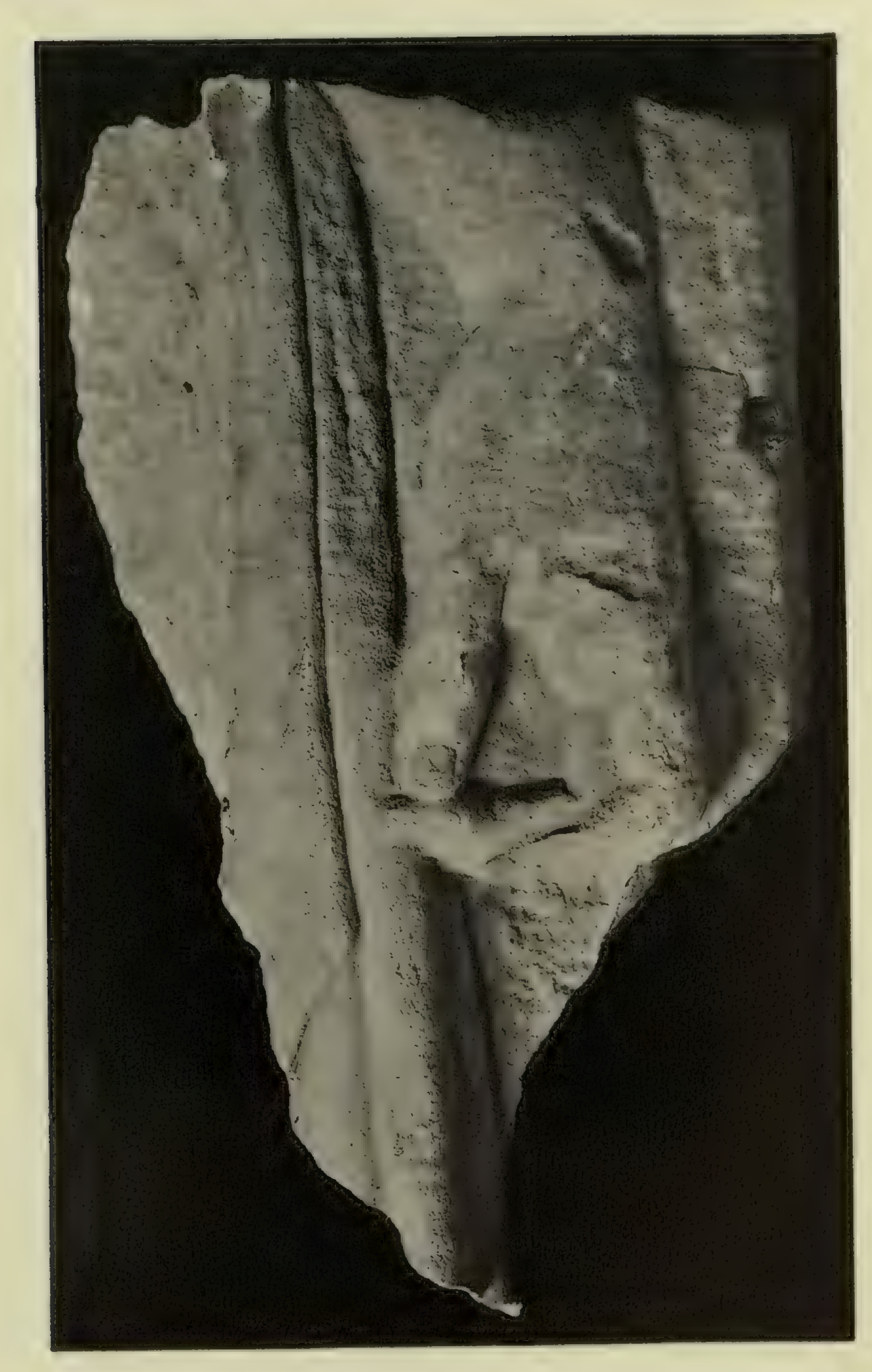
[3]) Ср. замѣчанія Б. В. Фармаковскаго по поводу ольвійской статуэтки Аѳины въ *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. XIV (1905), стр. 93.

[4]) Ср. Pharmakowsky въ *Journal of Hellenic Studies*, XVI (1896), стр. 345. О вліяніи въ Ольвіи Скопаса ср. О. Ф. Вальдгауеръ, въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, XXIII (1907), стр. 101 сл.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПб.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

Къ ст. К. В. Треверъ. Табл. III.

1 (1/2).

2 (3/4).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

Боспорскія надписи, найденныя въ 1913 году.

1. Два обломка одной плиты изъ крупнозернистаго известняка, (рис. 1), въ которомъ тамъ и сямъ попадаются бѣлыя продолговатыя раковинки.

а) Верхній обломокъ съ сохранившейся частью верхняго обрѣза, выс. 0,60 м., шир. 0,56, толщ. 0,22. На сильно поврежденной поверхности камня виднѣются вверху двѣ глубокихъ вырѣзки (глуб. приблизительно 0,12 м., шир. 0,09), между которыми, по всей вѣроятности, возвышалась крыша фронтона. Ниже уцѣлѣла нижняя часть всадника, сидящаго на спокойно стоящемъ осѣдланномъ и взнузданномъ конѣ, головою вправо, съ длиннымъ до земли хвостомъ. Всадникъ держитъ въ одной рукѣ поводья, въ другой—длинное копье на-перевѣсъ; одѣтъ онъ въ длинный подпоясанный хитонъ, нижняя кайма котораго выкрашена въ красный цвѣтъ. Оба края рельефа и оба боковыхъ обрѣза плиты украшены лавровыми вѣтками.

б) Нижній обломокъ выс. 0,42 м., шир. 0,57, толщ. 0,215. Вверху сохранилась нижняя

а

б

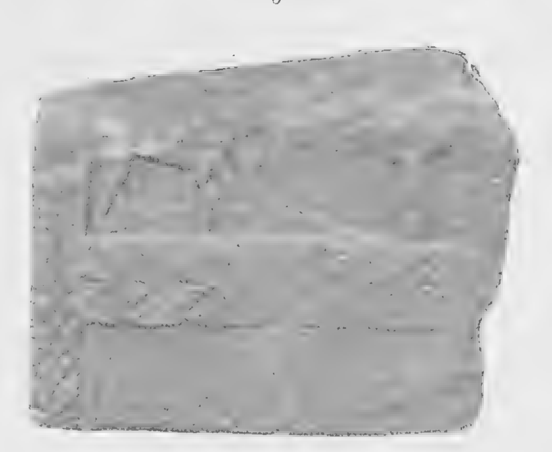
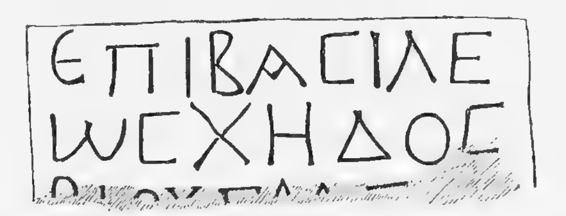

Рис. 1.

часть рельефа, изображающаго животное, обращенное вправо, и переднюю часть лошади, выступающей влѣво изъ правой рамки рельефа. Рельефъ представлялъ, повидимому, медвѣдя (звѣрь напоминаетъ своей позой медвѣдя Стасовской катакомбы), собирающагося броситься на коня. Подъ углубленіемъ находится горизонтальная полоска шир. 0,11 м., украшенная въ серединѣ кружкомъ (діам. 0,10 м.), отъ котораго въ обѣ стороны тянутся стилизованныя лавровыя вѣтки, подобныя тѣмъ, которыми украшены боковыя рамки углубленія и боковые обрѣзы камня. Въ кружкѣ сохранились слѣды какого-то знака или орнамента. Подъ полоской сдѣлано другое углубленіе шир. 0,44 м., въ которомъ уцѣлѣли двѣ строки надписи полностью и верхушки нѣсколькихъ буквъ третьей строки. Въ углубленіяхъ буквъ (выс. 0,04—0,06 м.) замѣтны обильные слѣды красной краски. Надпись представляется въ снимкѣ съ эстампажа въ $^1/_6$ н. в.

Оба обломка найдены 2 августа въ разоренной въ недавнее время гробницѣ, обнаруженной при съемкѣ земли во 2-мъ Русско-татарскомъ переулкѣ, противъ боковыхъ воротъ новой еврейской больницы.

Ἐπὶ βασιλέ-
ως Χηδοσ-
βίου κτλ.

Судя по сохранившимся на камнѣ верхушкамъ буквъ третьей строки, имя неизвѣстнаго доселѣ царя было Χηδόσβιος. Возникаетъ вопросъ, когда этотъ царь занималъ боспорскій престолъ. Если мы сравнимъ характеръ письма новой надписи съ датированною надписью 307 г. по Р. Хр. (IosPE., II, № 363) и примемъ въ разсчетъ колебаніе въ начертаніи буквъ Ε и C, какое замѣчается также въ надписи Сога 306 года (*Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 26 сл., № 21), то мы должны будемъ помѣстить царя Хедосбія на конецъ III вѣка, а именно въ тѣ годы, которые до сихъ поръ неправильно удѣлялись царю Θоθорсу. Дѣло въ томъ, что нѣтъ монетъ Θоθорса съ обозначеніемъ годовъ ϛΟΦ, ΖΟΦ, ΗΟΦ и ΘΟΦ, и что нумизматы, издавшіе монеты съ этими годами, принимали стертую верхнюю часть цифры ϙ за Ο [1]).

[1]) На это явленіе любезно указалъ намъ извѣстный керченскій нумизматъ И. А. Терлецкій. Это мнѣніе подтверждается особенно Таракташскимъ кладомъ (*Изв. Тавр. уч. арх. комм.*, № 43, стр. 99 сл.), гдѣ среди 134 монетъ Θоθорса не оказалось ни одного экземпляра съ обозначеніемъ 576—579 годовъ боспорской эры. Ни

Итакъ, въ этотъ-то промежутокъ времени, обнимающій 280—283 годы по Р. Хр., слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, помѣстить царствованіе Хедосбія. Не скроемъ, что при этомъ предположеніи останется непонятнымъ тотъ фактъ, что Хедосбій не чеканилъ монетъ съ своимъ именемъ, тогда какъ и предшественники, и преемники его пользовались этимъ правомъ. Страннымъ является также столь позднее возрожденіе хотя бы неудачной скульптуры, существованіе которой прекратилось на Боспорѣ еще до наступленія третьяго столѣтія христіанской эры. Новыми явленіями нужно считать изображеніе однихъ звѣрей (во второмъ рельефѣ) и совершенно новый орнаментъ въ видѣ стилизованной лавровой вѣтки.

---

2. Плита изъ мелкозернистаго известняка выш. 0,90 м., наибольшая шир. 0,97 м., толщ. 0,15 — 0,19 м. Вверху и внизу обрамлена карнизами шир. 0,075 м., выдающимися надъ гладкой поверхностью плиты на 0,025 м. Между карнизами вырѣзаны красивыми буквами два столбца собственныхъ именъ съ отчествами; въ первомъ столбцѣ отбиты имена лицъ и остались почти только отчества, а во-второмъ — уничтожены или повреждены отчества. Первый столбецъ состоитъ изъ 22 строкъ (выс. буквъ 0,02—0,03 м.; разстояніе между строкъ 0,01—0,018 м.), а во второмъ на такомъ же пространствѣ вырѣзано только 17 строкъ (выс. буквъ 0,025—0,035 м.; разстояніе между строкъ 0,01—0,036 м.). Углубленія буквъ закрашены красной краской. На правомъ краю плиты виднѣется красноватое пятно, происшедшее отъ огня. Если мы примемъ въ разсчетъ 11-ю строку перваго столбца, гдѣ, по всей вѣроятности, было вырѣзано имя [Ἀρχέδ]ημος, и 18-ю, гдѣ, почти безъ сомнѣнія, стояло имя [Θεογε]νίδης, то для насъ станетъ очевиднымъ, что въ первомъ столбцѣ отбита часть плиты приблизительно въ 0,13—0,16 м., причемъ пропало въ каждой строкѣ около пяти, шести буквъ. Во второмъ столбцѣ, гдѣ въ нижней части сохранились оба имени цѣликомъ, правый край камня отбитъ или выкрошился отъ дѣйствія огня на ширину приблизительно 0,08 м. (внизу и 0,30 м. (вверху). Не исключена, конечно, возможность, что плита была первоначально гораздо шире и что на ней былъ вырѣзанъ еще одинъ или нѣсколько столбцовъ собственныхъ именъ съ заглавіемъ, указывающимъ, для какой цѣли былъ составленъ этотъ списокъ. Найдена въ концѣ

въ богатой коллекціи г. Терлецкаго, ни въ собраніи Керченскаго музея не имѣется монетъ этихъ годовъ. Ср. также Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова (стр. 118 сл.) и другія сочиненія и статьи, гдѣ описываются монеты Θоθорса только съ обозначеніемъ годовъ ΠΦ — ΔΧ.

января 1913 г. въ западной части Таманской станицы, во дворѣ казака Михаила Корецкаго, недалеко отъ обрывистаго берега бухты. Списокъ съ фотографіи [1]).

. . . . . ων Φαινίππο(υ)
. . . . . ος Φαινίππο(υ)
. . . . . ος Βάτωνος
[Θεόδ]ωρος Θεογενίδεω
5. [ὁ δεῖνα] Θεογνήτο(υ)

Ἀπολλώνι[ος τοῦ δεῖνος]
Ἀπολλᾶς Τ . . . .
Πυθόνικος Ἀπο[λλωνίου?]
Ἐπίχαρμος Πολ . . . . .
5. Εὐφάνης Θεοδώ[ρου]

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ списокъ вкрались двѣ ошибки: въ стр. 4-й столбца 2-го 5-я буква, неясно читающаяся на фотографіи, принята рисовальщикомъ за Λ, тогда какъ это несомнѣнно Α, и въ стр. 6-й того же столбца 8-я буква, также видимая неясно, принята за Ο вмѣсто Ω.

[ὁ δεῖνα] Θεογενίδεω
[. . . μ]αχος Τιμησιάνακτος
[. . . κ]λῆς Νεομηνίο(υ)
. . . . . ων Ἄττεω
. . . . . ς Ἀναξίλεω
[Ἀρχέδ]ημος Ἀρχεδήμο(υ)
[Κτέ]ατος Ἀρτέμωνος
. . . . . . ς Παοσιμάχο(υ)
. . . . . . ος Δόμεω
[. . . ιπ]πος Ἀναξίλεω
[ὁ δεῖνα] Ληναίο(υ)
[ὁ δεῖνα] Διασίο(υ)
[Θεογε]νίδης Ἀρισταγόρεω
. . . . . ρης Ἀρτεμιδώρυ(υ)
[Ἀπολ]λᾶς Καβαθάξεω
[Κτέα]τος Ἀγυαίο(υ)
. . . . . ς Ἀγαθοκλέος

Ἀρτεμίδωρος Ε[ὐφάνεος?]
Δῖος Ἀρχεδήμο(υ)
Ἱπποκράτης Δημη[τρίου]
Ἁγνίων Ἀγα[θο]κλέ[ος]
Ἀρτέμων Ἀ[ν]αξί[λεω]
Δημήτριος Ἀγυαίο(υ)
Θεογ[έ]νης Διονυσοδ[ώρου]
Ἀρτέμων Ἑρμαγόρεω
Κτέατος Κράτεω
Νίκων Θίβρωνος
Διονύσιος Ἁγυαίο(υ)
Πάταικος Ἀστυδή[μου].

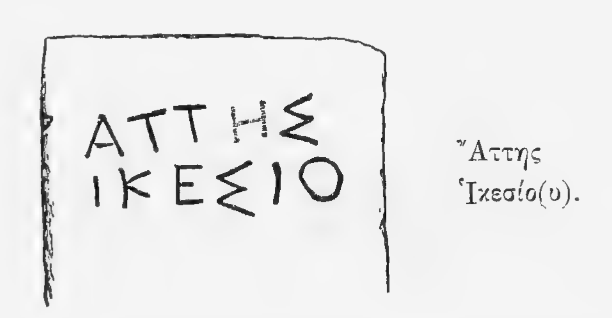
Издаваемый списокъ гражданъ весьма похожъ на списокъ, найденный въ 1896 году въ Эльтегенѣ (IosPE. IV, 205). Такъ какъ въ обоихъ случаяхъ начало надписей не сохранилось, то трудно рѣшить вопросъ, для какой цѣли эти списки были составлены. Вѣроятнѣе всего, это перечень θіасотовъ, почитавшихъ какое-нибудь божество (ср. IosPE. II, 19), или списокъ θеоровъ (ср. F. Bechtel, Die ionischen Inschriften, №№ 5465—5482), или, вообще, надпись, имѣющая какое-нибудь отношеніе къ храму. Тотъ фактъ, что только правая сторона камня пострадала отъ дѣйствія пламени, указываетъ на то, что надпись была вставлена въ стѣну и этой стороной примыкала къ деревянной части зданія, вѣроятно, къ дверямъ храма, сожженнаго во время нашествія враговъ. Надпись представляетъ собою весьма интересный образчикъ іонической рѣчи, ясно доказывающій, что древній городъ, занимавшій мѣсто теперешней Тамани, былъ заселенъ выходцами изъ Милета: особенно обращаютъ на себя вниманіе имена, сложныя съ Θεο-, затѣмъ Εὐφάνης, Νεομήνιος, Παοσίμαχος и окончаніе род. падежа на εω. Замѣчательно также то, что почти всѣ имена—чисто греческаго происхожденія; если исключить фригійское имя Ἄττης, которое подъ вліяніемъ культа Кибелы рано является въ боспорскихъ надписяхъ, то среди 38 греческихъ именъ встрѣчается только одно туземное Καβαθάξης (см. также № 8). Кромѣ 14 именъ, неизвѣстныхъ доселѣ въ боспорской

эпиграфикѣ (Ἀναξίλεως, Βάτων, Εὐφάνης, Ἐπίχαρμος, Ἑρμαγόρης, Θεογένης, Θεογενίδης, Θεόγνητος, Θίβρων, Κράτης, Ληναῖος, Παοσίμαχος, Πυθόνικος и Τιμησιάναξ) [1]), въ надписи встрѣчается нѣсколько новыхъ именъ, не вошедшихъ въ извѣстные сборники греческихъ собственныхъ именъ: Ἁγνίων, Ἀστύδημος, Διάσιος (ср. τὰ Διάσια), Δόμης и упомянутое уже варварское имя Καβαθάξης. Имя Κτέατος было до сихъ поръ извѣстно только изъ миѳологіи. По характеру письма и по діалектическимъ особенностямъ надпись относится къ IV вѣку до Р. Хр. Тотъ фактъ, что имена лицъ и ихъ отцовъ нигдѣ не встрѣчаются въ обратномъ порядкѣ, свидѣтельствуетъ, что въ надписи читаются имена сверстниковъ (встрѣчается, повидимому, нѣсколько родныхъ братьевъ) и что вся надпись вырѣзана не постепенно, а почти въ одно и то же время.

---

3. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, безъ всякихъ украшеній, съ сильно утолщеннымъ нижнимъ концомъ, предназначеннымъ для вставки въ землю. Высота стелы 1,82 м., шир. 0,54 (вверху) и 0,62 (внизу), толщ. 0,16. Надпись вырѣзана на разстояніи около 0,11 м. отъ верхняго края; въ глубокихъ буквахъ (выш. 0,05—0,08 м.) кое-гдѣ сохранились слѣды красной краски.

Найдено 21 іюня надъ разоренной гробницей, открытой во время раскопокъ Имп. Арх. Коммиссіи возлѣ мыса Тузлы на Таманскомъ полуостровѣ, недалеко отъ ю.-в. угла Южнаго кордона. Списокъ съ фотографіи.

Ἄττης
Ἱκεσίο(υ).

По характеру письма и по формѣ стелы надпись не позже второй половины V вѣка до Р. Хр. Ἄττης—іоническій варіантъ болѣе извѣстнаго на Боспорѣ имени Ἄττας.

---

[1]) Имена Ἐπίχαρμος, Θεόγνητος и Ληναῖος извѣстны изъ керамическихъ надписей происходящихъ, по нашему убѣжденію, изъ Ѳеодосіи.

4. Обломанное сверху надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, наиб. выс. 0,60 м., шир. 0,34 — 0,36, толщ. 0,12. Внизу, но только съ лѣвой стороны, срѣзана часть плиты какъ бы для вставки въ постаментъ. Въ четырехугольномъ углубленіи между антами виднѣется сильно стертая фигура стоящаго мужчины, закутаннаго въ длинный гиматій, и влѣво отъ него фигурка стоящаго мальчика (ср. сборникъ Кизерицкаго и Вацингера, №№ 505, 520 и 522). Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзана еле замѣтная надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м.). Въ началѣ и въ концѣ третьей строки замѣтны слѣды стесанной прежней надписи.

Куплено 17 января у керченскаго мѣщанина Л. Демиденко, по словамъ котораго найдено на Глинищѣ. Копія съ эстампажа ($^1/_6$ н. в.).

Μαστοῦ
Μοιροδώρου,
χαῖρε.

Оба имени уже извѣстны въ боспорской эпиграфикѣ.

---

5. Разбитое на три части надгробіе (рис. 2) изъ плотнаго и мелкозернистаго известняка выш. 2,99 м., шир. 0,58, толщ. 0,15 — 0,16 (внизу плита толще). Вверху украшено грубо сдѣланнымъ анѳеміемъ, ажурныя верхушки котораго обломаны (подобный анѳемій изображенъ у Вацингера подъ № 134); основаніемъ этого украшенія служитъ узкій карнизъ, изъ котораго вырастаютъ семь большихъ и шесть маленькихъ листьевъ аканѳа. Подъ карнизомъ изваяны три, а на обоихъ обрѣзахъ, на томъ же уровнѣ, двѣ розетки изъ четырехъ лепестковъ. Непосредственно подъ розетками вырѣзана по линейкамъ одна строка надписи *a* римскаго времени (выс. буквъ 0,038 м.) [1]. На разстояніи 0,013 м. отъ этой надписи, въ почти квадратномъ углубленіи (0,40 × 0,41 м.) изваянъ мужчина, стоящій лицомъ къ зрителю, закутанный въ длинный гиматій и обутый въ мягкіе сапоги. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ свитокъ; четыре такихъ же свертка лежатъ рядомъ на столѣ (вправо отъ зрителя), доска котораго покоится на ножкѣ, имѣющей видъ низкой колонны. Влѣво отъ мужчины стоитъ

---

[1]) Факсимиле надписей см. ниже.

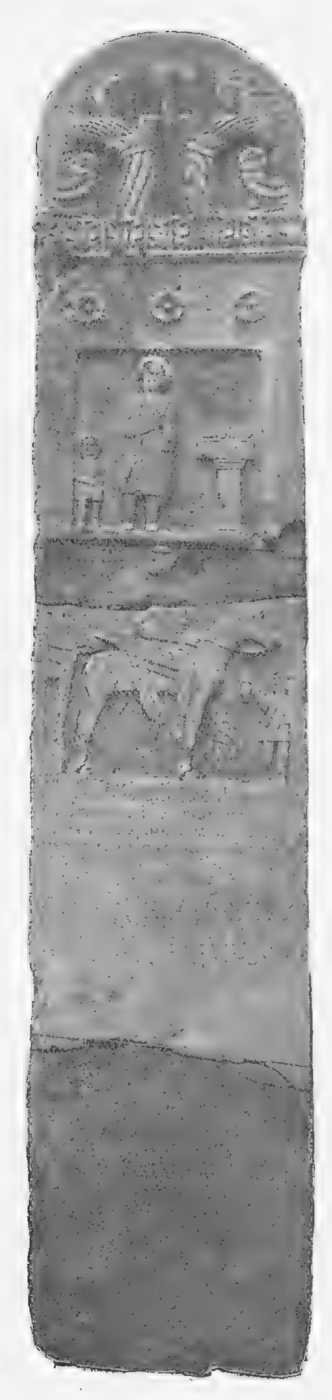

Рис. 2.

слуга съ полотенцемъ, переброшеннымъ черезъ лѣвое плечо. Обѣ фигуры изображены съ кудрявыми волосами, безъ головныхъ уборовъ. Непосредственно подъ этимъ изображеніемъ, въ болѣе широкомъ углубленіи (0,52 × 0,51 м.) изваянъ другой рельефъ. Въ центрѣ сидитъ всадникъ на спокойно стоящемъ конѣ, головою вправо. Всадникъ одѣтъ въ обычный плащъ, въ лѣвой рукѣ держитъ сосудъ, въ правой — поводья. На бедрѣ правой ноги изображенъ низкимъ рельефомъ кинжалъ съ большимъ кольцомъ на концѣ рукоятки. На правомъ боку [1]) виситъ горитъ съ лукомъ. Отъ задней части сѣдла свѣшиваются четыре короткихъ ремешка; надъ гривою коня виднѣются три четырехугольныхъ выступа неизвѣстнаго назначенія. За всадникомъ изображенъ конный прислужникъ, сидящій на спокойно стоящей лошади, обращенной головою тоже вправо и выдающейся только половиной корпуса изъ лѣвой рамки рельефа; этотъ всадникъ стоитъ немного выше, чѣмъ первый, на низкомъ пьедесталѣ. Впереди перваго всадника стоитъ мальчикъ съ полотенцемъ черезъ лѣвое плечо, держащій въ обѣихъ рукахъ по одноручному сосуду. Между мальчикомъ и всадникомъ виднѣется подпрыгивающая собака, изображенная очень низкимъ рельефомъ. На разстояніи 0,03 м. отъ нижняго рельефа тщательно вырѣзаны четыре строки метрической надписи *б* (выс. буквъ 0,015 м.; Ф — 0,034; разстояніе между строкъ 0,02 м.). Ниже этой эпитафіи, на разстояніи 0,105 м., вырѣзана третья надпись *в* болѣе крупными буквами (выс. 0,022 м.).

Найдено 20 августа во дворѣ керченской станціи Индоевропейскаго телеграфа, на Стро-

---

[1]) Гориты носились обыкновенно на лѣвомъ боку (Ellis H. Minns, Scythians and Greeks, стр. 67). Съ горитомъ на правомъ боку изображены еще всадники на

гановской улицѣ, д. № 7, при рытьѣ выгребной ямы, на глубинѣ 3 метровъ, приблизительно на $1^1/_2$ м. подъ уровнемъ подпочвенной воды. Обломки стелы лежали рельефами внизъ. Находится въ садикѣ телеграфной станціи [1]). Надписи представляются въ снимкахъ съ эстампажей ($^2/_9$ н. в.).

а

ΣΤΡΑΤΟΝΗΚΕΥΙΕΖΗΝΩΝΟΣΧΑΙΡΕ

Στρατόν(ι)κε υἱὲ Ζήνωνος, χαῖρε.

б

ΚΑΙΠΙΝΥΤΗΝΣΤΡΑΤΟΝΕΙΚΕΚΑΙΗΘΕΑΚΕΔΝΑΦΥΛΑΣΣΩΝ
ΩΛΕΟΤΩΙΛΥΓΡΩΙΠΑΤΡΙΛΙΠΩΝΔΑΚΡΥΑ
ΘΕΙΕΦΙΛΕΠΡΟΤΕΡΟΙΣΕΝΑΡΙΘΜΙΕΜΥΡΙΑΔΑΙΩΝ
ΠΕΥΣΕΤΑΙΕΚΒΙΒΛΩΝΣΗΝΣΟΦΙΗΝΕΡΑΤΗΝ

Καὶ πινυτήν, Στρατόνεικε, καὶ ἤθεα κεδνὰ φυλάσσων
ὤλεο, τῶι λυγρῶι πατρὶ λιπὼν δάκρυα.
θεῖε φίλε, προτέροις ἐναρίθμιε, μυριάδ' αἰὼν
πεύσεται ἐκ βίβλων σὴν σοφίην ἐρατήν.

Переводъ. Храня и мудрость, и дивный характеръ, ты погибъ, Стратоникъ, оставивъ слезы печальному отцу. Божественный другъ, дорогой прежнимъ, будущіе вѣка узнàютъ изъ (твоихъ) книгъ твою неизмѣримую прелестную мудрость.

рельефахъ у Watzinger, №№ 574, 591, 626, 627 и др. Подъ № 650 издано надгробіе съ двумя всадниками, изъ коихъ одинъ имѣетъ горитъ на лѣвомъ боку, а другой—на правомъ. См. надгробіе, издаваемое здѣсь подъ № 6.

[1]) Считаю пріятнымъ долгомъ высказать здѣсь глубокую благодарность начальнику станціи К. В. Робертсу и механику В. Г. Валлингу за любезное разрѣшеніе издать надгробіе и за просвѣщенное содѣйствіе, оказанное мнѣ при развѣдочныхъ работахъ, предпринятыхъ во дворѣ станціи, съ цѣлью найти другіе эпиграфическіе памятники (см. слѣд. №).

в

ΣΤΡΑΤΟΝΕΙΚΩΙΖΗΝΩΝΟΣΤΩΙ
ΙΔΙΩΙΔΕΣΠΟΣΥΝΩΙ ΑΝΕΣΤΗ
ΣΕΤΗΝΣΤΗΛΗΝ ΣΩΣΙΑΣ
ΑΠΕΛΕΥΘΕΡΟΣΜΝΗΜΗΣΧΑΡΙΝ

Στρατονείκωι Ζήνωνος τῶι
ἰδίωι δεσποσύνωι ἀνέστη-
σε τὴν στήλην Σωσίας
ἀπελεύθερος μνήμης χάριν.

По характеру письма и по достоинству скульптурной работы надгробіе можно датировать I-мъ вѣкомъ по Р. Хр. Надписи составлены и вырѣзаны съ замѣчательной тщательностью и точностью (кромѣ описки Н вм. ΕΙ въ первой надписи), дѣлающими честь вольноотпущеннику Сосію, игравшему, по всей вѣроятности, въ жизни Стратоника роль, подобную той, какую игралъ Тиронъ въ жизни Цицерона. О частностяхъ надписей приходится говорить мало. Въ первой надписи буквы Α и Ε имѣютъ другой видъ, чѣмъ въ прочихъ двухъ надписяхъ, а нѣкоторыя буквы (Ε, Ι, Η, Ν, Ο) гораздо у̍же, чѣмъ въ прочихъ строкахъ, что объясняется недостаткомъ мѣста и необходимостью ограничиться одной строкой (ср. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 27, стр. 48, прим. къ № 6). Языкъ эпитафіи обнаруживаетъ большую начитанность автора въ эпическихъ стихотвореніяхъ: καὶ πινυτήν Hom. Il. VII, 289 и Od. XX, 71; ἤθεα κεδνά Hes. Op. 697; πατρὶ λιπὼν δάκρυα Kaibel, Epigrammata, №№ 207, 222, 224, 256 и др.; ἐναρίθμιος Hom. Il. II, 202; Kaibel № 272 и др. Слова μυριὰς [1]) σοφίη равняются σοφίη ἀπείρων въ эпитафіи Демокрита (Anth. Pal. VII, 56). Къ слѣдующимъ словамъ ср. οὗ κλέος οὐδ᾽ αἰὼν ἐπιλήσεται: Kaibel, Epigr. № 858; οὐ γὰρ ἀοιδὰς | ἀμβλύνειν αἰών, κἢν ἐθέλῃ, δύναται: Anth. Pal. VII, 225. Рѣдкое слово δεσπόσυνος = δεσπότης встрѣчается въ отрывкѣ Тиртэя у Paus. 4, 14, 5. Имя Σωσίας нерѣдко да-

[1]) Прилаг. μυριάς извѣстно изъ трагиковъ, напр. Aesch. Pers. 907: φῶτες μυριὰς ἀνδρῶν. [Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ чтеніе μυρία δ᾽αἰὼν и, соотвѣтственно ему, переводъ: „неисчислимые вѣка узна́ютъ изъ (твоихъ) книгъ твою прелестную мудрость“. *В. Л.*].

валось рабамъ: см. M. Lambertz, Die griechischen Sklavennamen I, стр. 5, прим. 5 и II, стр. 21. Въ заключеніе добавимъ, что родственникъ (быть можетъ, отецъ) похороненнаго подъ этимъ надгробіемъ пантикапейца проживалъ временно въ Ольвіи (IosPE. I, 117: Ζήνων Στρατονείκου Βοσπορανός).

---

6. Надгробная стела изъ плотнаго мелкозернистаго известняка, внизу стесанная для вставки въ постаментъ, выш. 2,34 м., шир. 0,53, толщ. 0,19. Вверху украшена рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя розетками, изъ коихъ двѣ, изваянныя надъ крышей фронтона, раздѣлены на четыре лепестка, между тѣмъ какъ розетка, находящаяся въ треугольникѣ фронтона, имѣетъ гладкую поверхность и похожа на щитъ. Подъ фронтономъ на передней сторонѣ плиты изваяны три розетки, расположенныя въ рядъ, а на обоихъ боковыхъ обрѣзахъ, на той же высотѣ, двѣ. Немного ниже розетокъ, въ квадратномъ углубленіи (0,46 × 0,46 м.) изображенъ всадникъ, сидящій на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ головою вправо. Туловище всадника обращено впрямь къ зрителю, кудрявая голова не покрыта. Одѣтъ онъ въ хитонъ и плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ, обутъ въ мягкіе сапоги съ высокими голенищами. Въ правой рукѣ всадникъ держитъ поводья лошади, пристегнутые къ кольцамъ удилъ, въ лѣвой — сосудъ въ формѣ бокала. На правомъ боку виситъ длинный горитъ съ выдающимися изъ него концами лука и съ карманомъ, наполненнымъ стрѣлами. Изъ-подъ сѣдла свѣшиваются три ремешка. Странно изваяны копыта лошади въ видѣ какъ бы шаровъ, обхваченныхъ сверху полукружіями. Впереди всадника стоитъ мальчикъ въ короткомъ хитонѣ (голова отбита), держащій въ обѣихъ рукахъ по одноручному сосуду съ двумя перехватами; правая рука съ сосудомъ поднята къ всаднику. На ногахъ мальчика сапоги съ широкими голенищами. На разстояніи 0,075 м. отъ нижняго края рельефа вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,035—0,05 м.). Средняя часть надписи пострадала отъ сырости, подъ вліяніемъ которой искрошилась болѣе мягкая и непрочная часть камня. Подъ надписью вырѣзаны двѣ монограммы (выс. 0,093 и 0,03 м.), заключающія въ себѣ имена погребеннаго и его отца.

Найдено мною 25 сентября тамъ же, гдѣ № 5 [1]). Обѣ стелы ле-

---

[1]) Правленіе Индо-европейской телеграфной компаніи подарило это надгробіе Керченскому музею древностей. [Впослѣдствіи было передано туда же и надгробіе Стратоника. *Ред.*].

жали на глубинѣ 3 м. среди другихъ плитъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ ними или набережную, или мостовую. Такъ какъ уровень недалекаго моря значительно выше мѣста, гдѣ лежали плиты, то можно также предположить, что тутъ былъ когда-то каменный полъ какого-нибудь бассейна, предназначеннаго для купанья или для продажи рыбы. Въ слоѣ насыпи, находившейся надъ плитами, не найдено ни древнихъ монетъ, ни черепковъ, такъ что кажется весьма вѣроятнымъ предположеніе, что эта мостовая (или полъ) была устроена во время турецкаго владычества, а затѣмъ при устройствѣ Строгановской улицы въ началѣ прошлаго столѣтія засыпана[1]). Копія съ эстампажа ($^1/_6$ н. в.).

Α ΟΛΛΩΝΙΔΗ
ΑΠΑΤΟΥΡΙΟΥΦΑΡΝΑ
ΚΗΑΔΕ ΦΩΠΡΕϹ
ΒΥΤЄΡΩ ΝΗΜΗϹ
ΧΑΡΙΝ

'Α[π]ολλωνίδη[ς]
'Απατουρίου Φαρνά-
κῃ ἀδε[λ]φῷ πρεσ-
βυτέρῳ μνήμης
χάριν.

Φαρ(νάκης) 'Απ(ατουρίου).

Неумѣлая работа скульптора, выразившаяся особенно въ изображеніи коня, а также характеръ нѣкоторыхъ буквъ (є, c и ω) свидѣтельствуютъ, что надгробіе Фарнака было сдѣлано значительно позже, чѣмъ надгробіе Стратоника.

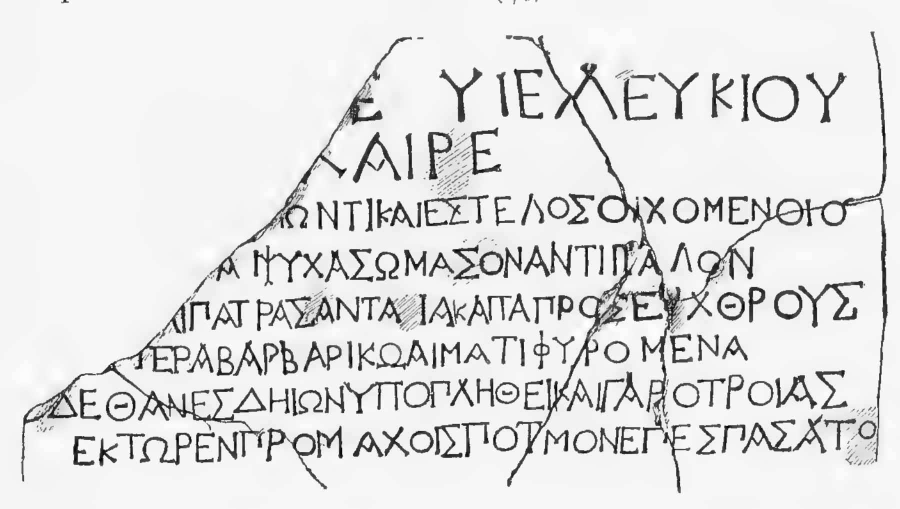
---

7. Разбитая на шесть частей и обломанная почти со всѣхъ сторонъ плита изъ крупнозернистаго известняка, изобилующаго мелкими раковинами (сохранились только части верхняго и боковыхъ обрѣзовъ; весь лѣвый верхній уголъ отбитъ). Высота камня 0,63 м., шир. 0,64, толщ. 0,45. На камнѣ нѣтъ ни рельефа, ни другихъ украшеній. Верхняя половина лицевой поверхности плиты заполнена надписью ранняго римскаго времени, заключающею въ себѣ имя погребеннаго съ обыч-

[1]) Зданіе теперешней Индо-европейской станціи построено до Крымской кампаніи; на топографической картѣ гор. Керчи, начерченной въ 1837 году, оно уже отмѣчено.

нымъ привѣтствіемъ (выс. буквъ 0,03 — 0,34 м.) и шесть строкъ метрической надписи, мелкія буквы которой разбираются лишь съ трудомъ и только при благопріятномъ освѣщеніи (выс. буквъ около 0,02 м.; О и Θ нѣсколько меньше; разстояніе между строкъ 0,015 м.).

Куплена 20 іюля у керченскаго мѣщанина С. Князева, по словамъ котораго найдена въ степи между Керчью и дер. Булганакомъ, надъ гробницею. Копія съ эстампажа (²/₉).

. . . . . ε υἱὲ Λευκίου,
χαῖρε.
– ⏑ ⏑ – – – ⏑ ωντι καὶ ἐς τέλος οἰχομένοιο
– – αι ψυχὰ σῶμα σὸν ἀντίπαλον
– ⏑ ⏑ κα]ὶ πάτρας ἀντάξια καὶ τὰ πρὸς ἐ(χ)χθροὺς
[ἔν]τερα βαρβαρικῷ αἵματι φυρόμενα.
[ὧ]δ' ἔθανες δηίων ὑπὸ πλήθει· καὶ γὰρ ὁ Τροίας
Ἕκτωρ ἐν προμάχοις πότμον ἐπεσπάσατο.

Сознаюсь, что не въ состояніи уловить смыслъ начала перваго стиха. Въ началѣ 2-го стиха стоялъ, по всей вѣроятности, (въ perf.) глаголъ, составляющій сказуемое къ ψυχά, съ значеніемъ «оставила», или «покинула». Слова αἵματι βαρβαρικῷ встрѣчаются въ стихотвореніи, изданномъ у Th. Preger, Inscriptiones Graecae metricae, № 282. Съ выраженіемъ πότμον ἐπεσπάσατο можно сравнить слова ἀΐδην ἐπεσπάσατο въ Anthol. Pal. VII, 106.

---

8. Плита изъ крупнозернистаго известняка шир. 0,53 м., выс. 0,279—0,29, толщ. 0,11—0,135. На ней сохранились четыре строки

метрической надписи, вырѣзанной крупными и глубокими буквами (выс. 0,02—0,04 м.; разстояніе между строками 0,01 м.).

Плита найдена нѣсколько лѣтъ тому назадъ казакомъ Стеблеевской станицы Аникіемъ Грядой на с.-зап. берегу Кизыльташскаго лимана (у Герца эта часть залива названа Кубанскимъ лиманомъ), на такъ называемой батарейкѣ, надъ гробницей, устроенной въ полѣ кургана. Нынѣ перевезена изъ Стеблеевки въ Тамань и помѣщена на храненіе возлѣ Покровской церкви. Снимокъ съ фотографіи.

Κπηεθύρη, φθίμενό(ν) σε χυτὴ κατὰ γαῖα κέκευθεν,
ἔγγονον Καβαθάξεω ὀκτωκαιδεκέτην.

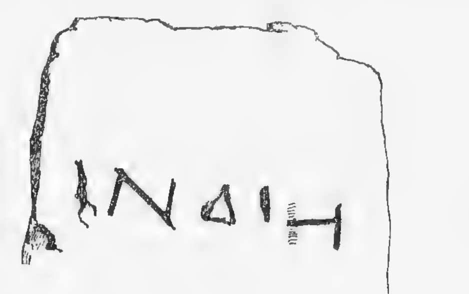
Надпись, относящаяся по характеру письма и по діалектическимъ особенностямъ къ IV вѣку до Р. Хр., состоитъ изъ элегическаго дистиха. Первыя 8 буквъ первой строки составляютъ неизвѣстное доселѣ собственное имя въ звательномъ падежѣ. Хотя оно весьма странно по звуковому составу, но читается такъ ясно, что не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ. Другое личное имя Καβαθάξης подтверждается надписью, издаваемою выше подъ № 2 (A, 20). Вмѣсто обычнаго въ эпической поэзіи выраженія χυτὴ κατὰ γαῖα καλύπτει (Hom. Il. VII, 464; XIV, 114) поставлено здѣсь χυτὴ κατὰ γαῖα κέκευθεν [1]).

9. Небольшая стела изъ крупнозернистаго известняка съ отбитой верхушкой, изображавшей, судя по излому камня, гранатовое яблоко. Высота уцѣлѣвшей части 0,42 м., шир. 0,19—0,23, толщ. 0,10—0,15

[1]) [Пентаметръ имѣетъ двѣ метрическія неправильности, состоящія въ томъ, что а) въ словѣ ἔγγονον третій слогъ считается короткимъ, хотя онъ долгъ по положенію, и б) во 2-й половинѣ стиха есть спондей. Вторая неправильность устранилась бы, если бы мы переставили двѣ половины стиха одну на мѣсто другой и читали: ὀκτωκαιδεκέτην, ἔγγονον Καβαθάξεω. Быть можетъ, поэтъ такъ и написалъ этотъ стихъ, но рѣзчикъ по ошибкѣ поставилъ вторую половину стиха на первое мѣсто. *В. Л.*].

(камень книзу постепенно расширяется и утолщается). Надпись вырѣзана на разстояніи 0,05 м. отъ верхняго края; въ углубленіяхъ буквъ (выс. 0,03—0,04 м.) сохранились слѣды красной краски.

Найдена 2 іюля въ дромосѣ земляного склепа, открытаго во время раскопокъ Имп. Арх. Коммиссіи недалеко отъ мѣста, гдѣ было найдено надгробіе № 3. Въ томъ же дромосѣ оказались другіе два камня безъ надписей, вверху украшенные грубымъ изображеніемъ гранатоваго яблока. Всѣ три камня служили подпорками досокъ, которыми съ наружной стороны былъ закрытъ входъ въ склепъ. Снимокъ съ фотографіи.

Ἰνδίη.

По характеру письма памятникъ можетъ быть отнесенъ къ V вѣку до Р. Хр. Одно женское имя безъ имени отца или мужа свидѣтельствуетъ, что стела была надгробіемъ рабыни или вольноотпущенницы (ср. IosPE. II, 129; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 75 сл., № 84, а также выше, № 5). Ἰνδίη встрѣчается здѣсь впервые въ видѣ личнаго имени; оно принадлежитъ къ разряду именъ, происшедшихъ отъ географическихъ названій, каковы напр. Ἀσία, Εὐρώπη, Ἰταλία, Λυκίη, Φρυγία и др. [1]).

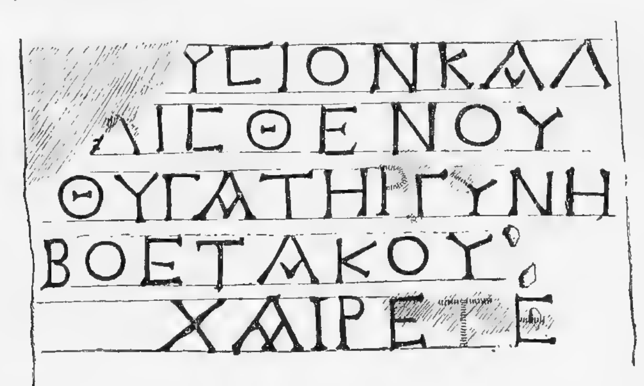
---

10. Обломанное сверху и разбитое на двѣ части надгробіе изъ плотнаго мелкозернистаго известняка, внизу стесанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,64 м., шир. 0,52—0,54, толщ. 0,13—0,17 (внизу стела шире и толще). Обычный фронтонъ съ акротеріями и розетками не сохранился. Въ четырехугольномъ углубленіи (0,50 × 0,47 м.) изваяны три фигуры: слѣва въ креслѣ съ точеными ножками, низкой прямой спинкой и поручнями, лежащими на короткихъ точеныхъ балясинкахъ, сидитъ женщина въ обычной позѣ, одѣтая въ длинный хитонъ и гиматій, наброшенный на голову. Подъ ногами у нея высокая скамеечка. Возлѣ задней правой ножки кресла стоитъ обычная фигурка при-

1) Ср. Bechtel-Fick, Die griech. Personennamen, стр. 344 сл., Bechtel, Die attischen Frauennamen, стр. 59 сл., и Lambertz, Die griech. Sklavennamen, I, стр. 18 слл.

служницы съ урной или пиксидой въ рукахъ. Впереди кресла изображенъ воинъ на спокойно стоящемъ осѣдланномъ и взнузданномъ конѣ, обращенномъ головою влѣво. Всадникъ въ обычной одеждѣ. У лѣваго бока его виситъ горитъ съ лукомъ и стрѣлами; тутъ же виднѣется длинный мечъ съ шарообразнымъ набалдашникомъ на концѣ рукояти. Между кресломъ и передними ногами коня выдается низкая подставка, на которой, судя по излому на фонѣ, стояла прежде фигурка мальчика. Вообще, весь рельефъ сильно поврежденъ: лица людей и голова лошади стесаны острымъ орудіемъ, рамки рельефа обломаны. На разстояніи 0,025 м. отъ нижняго края рельефа вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,03 — 0,045 м.); начало и конецъ ея стерты.

Найдено въ первыхъ числахъ сентября въ Эльтегенѣ [1]), надъ гробницей, открытой рабочими А. В. Новикова. Снимокъ съ эстампажа ($^1/_6$ н. в.).

[Χρ]ύσιον Καλ-
λισθένου
θυγάτηρ, γυνὴ
Βο(σ)τάκου.
Χαίρετε.

Имя Βόστακος (ср. Βάστακος въ IosPE. II, 443 и IV, 239) встрѣчается въ надписи, неправильно изданной мною въ *Запискахъ Одесскаго Общества*, т. XXII, стр. 106, № 18 (= IosPE. IV, 222 = = Kieseritzky-Watzinger, № 224). Надпись слѣдуетъ читать такъ:

[Θ]υνὲ⟨ι⟩ Μασταρ[οῦ]
[κ]αὶ υἱοὶ Βόστ[α]κε [2]),
Δοκίων, χαίρετε.

Множественное число χαίρετε при одномъ имени (ср. *Зап. Одесск. Общ.*, т. XXVII, Протоколы, стр. 17) слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что

[1]) Кромѣ 21 экз. надгробій, перечисленныхъ Ю. Ю. Марти (*Зап. Од. Общ.*, XXXI, Протоколы, стр. 35 сл.) и И. Е. Миннзомъ (Scythians and Greeks, стр. 560, прим. 3), въ Эльтегенѣ найдены еще слѣдующіе три эпиграфическихъ памятника: IosPE. IV, 205; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 25, № 20, и вып. 37, стр. 15.

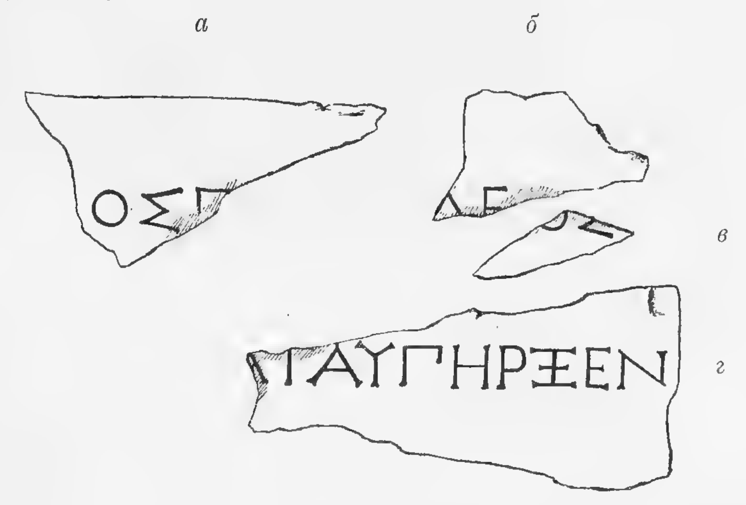
[2]) Подобный пропускъ союза мы видимъ въ надписи IosPE. II, 81.

привѣтствіе относится къ прохожимъ, читающимъ надгробную надпись (ср. τοῖς παράγουσι χαίρειν).

---

11. Четыре обломка одной и той же плиты изъ синеватаго мрамора, безъ всякихъ украшеній. а) Обломокъ съ сохранившимся верхнимъ обрѣзомъ, наиб. шир. 0,24 м., наиб. выс. 0,12, наиб. толщ. 0,25. На разстояніи 0,055 м. отъ верхняго края сохранились три буквы первой строки надписи. — б) Смежный обломокъ (края верхняго обрѣза обоихъ обломковъ сходятся въ одномъ мѣстѣ) съ уцѣлѣвшимъ верхнимъ и боковымъ (правымъ) обрѣзами, наиб. шир. 0,13 м., наиб. выс. 0,08, наиб. толщ. 0,14. На томъ же разстояніи отъ верхняго края сохранились остатки двухъ буквъ. — в) Обломокъ наиб. шир. 0,10 м., наиб. выс. 0,025, наиб. толщ. 0,085; на гладкой сторонѣ осколка сохранились слѣды двухъ буквъ.— г) Большой обломокъ съ сохранившимся правымъ боковымъ обрѣзомъ, наиб. шир. 0,34 м., наиб. выс. 0,11, наиб. толщ. 0,21. На гладкой лицевой поверхности сохранился конецъ надписи: . . . ατ]α ὑπῆρξεν. Красивыя буквы времени Александра В. имѣютъ въ высоту 0,023 м.

Всѣ четыре обломка найдены 25 іюня въ одномъ и томъ же мѣстѣ, на подошвѣ кургана, отчасти разрытаго въ прошломъ столѣтіи, на Глинищѣ, на 2-ой Продольной улицѣ, во дворѣ № 4. Снимки съ эстампажей (1/4 н. в.).

Судя по остатку буквы Λ на первомъ обломкѣ [1]), можно высказать предположеніе, что въ первой строкѣ надписи, къ которой принадлежатъ

[1]) [На эстампажѣ, съ котораго сдѣлано факсимиле, этотъ остатокъ почти совершенно сливается съ линіей излома передъ буквой О—*В. Л.*].

первые три осколка, находились имена [Εὔμη]λος Π[αιρισά]δεος. Надпись заканчивалась глаголомъ ὑπῆρξεν, хотя не исключена возможность, что одно или нѣсколько словъ были вырѣзаны въ слѣдующей строкѣ, не доходившей до праваго края камня.

---

12. Два обломка надгробнаго креста изъ крупнозернистаго известняка, наиб. выс. 0,34 м., наиб. шир. 0,32, толщ. 0,08. На сохранившихся верхнемъ и лѣвомъ перекрестьяхъ вырѣзаны крестикъ и часть надписи (выс. буквъ 0,022—0,047 м.) позднихъ временъ.

Обломки найдены 7 іюля въ Керчи, на вершинѣ Митридатовой горы, на площадкѣ недалеко отъ памятника Стемпковскаго, при рытьѣ ямокъ для деревьевъ. Снимокъ съ эстампажа ($^{1}/_{6}$ н. в.).

В. Шкорпилъ.

Коринеские арибаллы съ растительнымъ орнаментомъ изъ Ольвіи.

Изъ всѣхъ вазъ кориноскаго стиля, найденныхъ въ Ольвіи, первое мѣсто по числу находокъ занимаютъ арибаллы съ растительнымъ орнаментомъ, исполненнымъ однимъ лакомъ безъ врѣзыванія и состоящимъ чаще всего изъ четырехъ бутоновъ, расположенныхъ въ видѣ андреевскаго креста и разъединенныхъ въ вертикальномъ направленіи листочками, испещренными пересѣкающимися линіями[1]). По Потье[2]) такіе сосуды относятся къ III группѣ кориноскихъ вазъ: «коринoскій стиль съ растительнымъ орнаментомъ и фигурами, безъ врѣзыванія». Если не считать малозначащихъ фрагментовъ[3]), то мы располагаемъ пятнадцатью цѣлыми экземплярами, извлеченными въ разное время изъ некрополя Ольвіи. Перечислимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ по времени находки[4]).

1 (см. рис. 1). 1909 г., № 782. Выс. 0,055 м.; діам. шляпки 0,034; діам. туловища 0,05. Глина желтоватаго цвѣта. Лакъ коричневый, кое-гдѣ стертъ. Ободки лакомъ по шляпкѣ и по борту. На туловищѣ орнаментъ: четыре бутона лотоса крестъ-на-крестъ и рѣшетчатые листочки. Арибаллъ склеенъ изъ обломковъ.

2 (рис. 2). 1909 г., № 1736. Выс. 0,053; діам. шл. 0,044; діам. тул. 0,055. Глина желтоватаго цвѣта. Лакъ коричневый, на шляпкѣ и кое-гдѣ по туловищу переходящій въ красный цвѣтъ. На шляпкѣ и по борту пояса, сдѣланные лакомъ. Ручка снаружи лакирована. На туловищѣ орнаментъ, аналогичный орнаменту предыдущаго арибалла (центральная часть нѣсколько тѣснѣе). На донышкѣ большое пятно лака. Контуры сосудика очень грубы: шейка короткая и кривая, туловище съ одной стороны вдавлено.

---

[1]) Для формы ихъ и орнамента ср. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, в. 9, стр. 95, рис. 16. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, IX, стр. 619, рис. 331; Sieveking und Hackl, Beschreibung d. Vasensammlung zu München, Taf. 9, 298a.

[2]) Pottier, Catalogue des vases antiques, II, стр. 432 слл.

[3]) Часть ихъ изслѣдована Б. В. Фармаковскимъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, в. 13, стр. 226.

[4]) Всѣ рисунки даны въ натур. величину.

*

3 (рис. 3). 1910 г., № 55В. Выс. 0,055, діам. тул. 0,058. Часть ручки и шляпки отбита. Сѣрая глина. Лакъ слабо сохранился на шляпкѣ и на ручкахъ; на туловищѣ лакъ черный съ лиловымъ оттѣнкомъ. По туловищу орнаментъ, аналогичный № 2.

4 (рис. 4). 1910 г., № 65В. Выс. 0,055, діам. шл. 0,038, діам. тул. 0,058. Глина желтоватая. Лакъ черный, по кое-гдѣ переходитъ въ красно-желтый цвѣтъ. Шляпка сплошь лакирована; по ручкѣ полосы лака. По туловищу орнаментъ, почти аналогичный № 2; орнаментъ помѣщенъ не прямо на сторонѣ туловища, противоположной ручкѣ, какъ на предыдущихъ арибаллахъ. Контуры сосудика не изящны; донышко совсѣмъ кривое.

5 (рис. 5). 1910 г., № 154В. Выс. 0,055, діам. шл. 0,037, діам. тул. 0,057. Глина свѣтложелтая съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Лакъ сѣраго цвѣта съ красноватыми пятнами. На шляпкѣ лакъ почти весь стерся. На туловищѣ часть орнамента отбита: 4 бутона крестъ-накрестъ безъ рѣшетчатыхъ листочковъ. Орнаментъ помѣщенъ на туловищѣ, какъ у № 4.

6 (рис. 6). 1911 г., № 178В. Выс. 0,05, діам. шл. 0,045, діам. тул. 0,06. Глина свѣтложелтая. Лакъ свѣтлокоричневый; кое-гдѣ черныя пятна. На шляпкѣ лиловые пояса. На туловищѣ орнаментъ, аналогичный № 5.

7 (рис. 7). 1911 г., № 219В. Выс. 0,048, діам. шл. 0,045, діам. тул. 0,06. Глина свѣтложелтая; лакъ коричневый съ черными пятнами. На шляпкѣ и по борту лаковые пояса; по туловищу орнаментъ, аналогичный № 5.

8 (рис. 8). 1911 г., № 327В. Арибаллъ съ плоскимъ донышкомъ; выс. 0,065, діам. шл. 0,042; діам. тул. 0,07; діам. донышка 0,045. Глина свѣтложелтая. Лакъ почти весь сошелъ; остатки желтаго цвѣта. По туловищу орнаментъ, почти аналогичный № 2.

9 (рис. 9). 1913 г., № 16В. Выс. 0,06, діам. шл. 0,04, діам. тул. 0,06. Арибаллъ посрединѣ немного сдавленъ, книзу расширяется. Красная глина съ облицовкой свѣтложелтой глиной. Лакъ почти вездѣ краснаго цвѣта. По шляпкѣ и по борту лаковые ободки. По туловищу орнаментъ, почти аналогичный № 2. На донышкѣ три концентрическихъ кружка царапиной.

10 (рис. 10). 1913 г., № 251В. Выс. 0,055, діам. шл. 0,036, діам. тул. 0,05. Глина свѣтложелтая. Лакъ коричневаго цвѣта съ красными пятнами. По шляпкѣ и по борту лаковые ободки (на шляпкѣ одинъ широкій). На туловищѣ орнаментъ, аналогичный № 1. На донышкѣ царапина въ формѣ спирали.

Рис. 1.

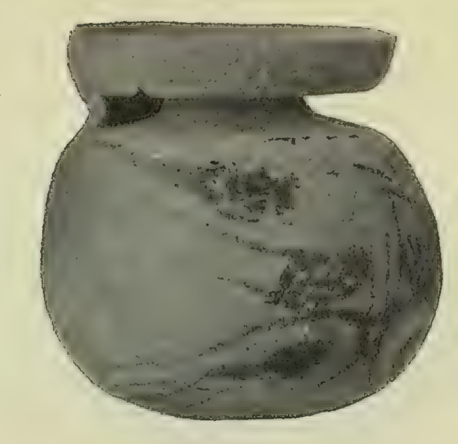

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

11 (рис. 11). 1913 г., № 413В. Выс. 0,058, діам. шл. 0,04, діам. тул. 0,062. Глина свѣтложелтая. Лакъ коричневый; по шляпкѣ и по борту лаковые ободки. По туловищу орнаментъ, аналогичный № 1.

12 (рис. 12). 1913 г., № 464В. Выс. 0,057, діам. шл. 0,04, діам. тул. 0,06. Глина свѣтложелтая. Лакъ почти весь сошелъ; сохранившіяся части желтаго цвѣта. На шляпкѣ слѣды лака. На туловищѣ слѣды орнамента, аналогичнаго № 2.

13 (рис. 13). 1913 г., № 465В. Выс. 0,055, діам. шл. 0,042, діам. тул. 0,06. Глина желтая. Лакъ принялъ краснобурый цвѣтъ. Рисунокъ постерся и пообитъ. По шляпкѣ три лаковые ободка; по борту одинъ лаковый ободокъ. По туловищу орнаментъ, аналогичный № 1.

14 (рис. 14). 1913 г., № 531В. Выс. 0,052, діам. шл. 0,041, діам. тул. 0,053. Глина снаружи свѣтложелтая, почти бѣлая. Лакъ свѣтлокоричневый. На шляпкѣ лакъ стерся. По борту два лаковые ободка. По туловищу орнаментъ, аналогичный № 5; по шляпкѣ круглыя царапины.

15 (рис. 15). 1913 г., № 560В. Выс. 0,062, діам. шл. 0,042, діам. тул. 0,06. Глина снаружи свѣтложелтая, почти бѣлая. Лакъ желтаго цвѣта (кое-гдѣ черныя пятна). На шляпкѣ и по борту лаковые ободки, по туловищу орнаментъ, аналогичный № 5. На донышкѣ царапина спиралью.

Изъ приведеннаго описанія слѣдуетъ, что на нашихъ арибаллахъ отмѣчаются слѣдующія особенности техники и стиля: во-первыхъ, они всѣ характеризуются сравнительно небольшими размѣрами (выс. отъ 0,048 до 0,065; діам. туловища отъ 0,05 до 0,07), причемъ у нѣкоторыхъ наблюдаются весьма неправильные контуры (№№ 2 и 4), да и вообще формы ихъ скорѣе грубыя, чѣмъ изящныя; во-вторыхъ, цвѣтъ и яркость лака далеко не отличаются особенными достоинствами: лакъ значительно худшаго сорта, чѣмъ на многихъ образцахъ архаическихъ стилей; на разныхъ сосудахъ онъ имѣетъ разные оттѣнки, чаще всего коричневый, нерѣдко съ красными пятнами; сохранность его очень слабая (ср. №№ 1, 3, 5, 8, 12, 13, 14).

Уже эти двѣ особенности указываютъ, что наши арибаллы представляютъ собой заурядный продуктъ керамической фабрикаціи. Пожалуй, на то же указываетъ и качество глины арибалловъ: только немногіе изъ нихъ (№№ 3 и 5) сдѣланы изъ глины сравнительно хорошей, большинство же изъ грубой свѣтложелтой глины, иногда красной, съ облицовкой сверху изъ свѣтлой глины.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Чрезвычайно типична и характерна роспись на арибаллахъ [1]). Она состоитъ изъ простыхъ лаковыхъ ободковъ по шляпкѣ и по борту ея и изъ растительнаго орнамента, обыкновенно помѣщающагося какъ разъ на сторонѣ, противоположной ручкѣ (на ольвійскихъ экземплярахъ встрѣчается и здѣсь нѣкоторая неаккуратность, ср. №№ 4 и 5). Кромѣ этого орнамента, на нѣкоторыхъ экземплярахъ этой группы имѣется рядъ стилизованныхъ листочковъ по плечику и орнаментъ въ формѣ креста (иногда въ кружкѣ) подъ ручкой; никакихъ заполнительныхъ орнаментовъ на этихъ арибаллахъ никогда не было замѣчено.

Несомнѣнно, что самой существенной частью росписи, характеризующей всю эту группу арибалловъ, является растительный орнаментъ на туловищѣ. Этотъ орнаментъ, его значеніе и стиль, мнѣ кажется, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшимъ критеріемъ для выясненія вопроса о происхожденіи и назначеніи нашихъ арибалловъ.

Разсматривая этотъ орнаментъ съ точки зрѣнія стиля, мы отмѣтимъ, что онъ исполненъ не въ силуэтной техникѣ, не въ техникѣ гравировки, но въ техникѣ настоящаго контурнаго рисунка: всѣ края бутоновъ и листиковъ обведены тонкой контурной линіей; внутреннія клѣтки листиковъ между бутонами исполнены лаковыми линіями; внѣшніе края бутоновъ отдѣляются нелакированной полоской отъ центральной, плотной части бутона; самая центральная часть, гдѣ, повидимому,

---

[1]) Ср. *Annali dell'Inst.* 1877. T. A. B. 21—Сиракузы; *Monumenti ant.* XVIII, столб. 632, f. 447—Гела; *Jahrbuch d. Kais. Deutsch. Arch. Inst.* I, стр. 144; Furtwängler, Beschreibung d. Vasensammlung im Antiquarium, №№ 1038, 1039, 1044, 1045; Kinch, Fouilles de Vroulia (Rhodes), pl. 28, 13 и стр. 157—Родосъ (быть можетъ, съ Родоса происходитъ арибаллъ Имп. Эрмитажа № 115 по новой нумераціи); *The Annual of the British School at Athen, XIV*; стр. 252, 259, 268, 273, 283, 288, 298; *Journal of hellen. Studies*, XXIX, стр. 313, 318, 323; XXX, стр. 353 (f. 14, № 29); Ἐφημ. Ἀρχαιολογ. 1912, стр. 114 слл., τάφ. 3, №№ 10—43, τάφ. 5, №№ 13—14. Микалессъ (Беотія); *Bull. de corresp. Hellén.*, 1895, стр. 198 — Орхоменъ; Спб. музей бар. Штиглица, №№ по инв. 7420, 7528, 7536, 7537, 7538, 7563, 7564, 7565, 7566 (не изданы) — Иліонъ; Dragendorff, Thera, II, стр. 23, № 34. Abb. 48 и *Athen. Mitt.* 1903, стр. 205 — Өера; Furtwängler, op. c. № 1034—Коринөъ; №№ 1040—1041—Вульчи; № 1037—Аөины; *Mon. Ant. I*, Orsi, Megara Hyblaea, sep. IV, XVI (рис.), LXXXVIII, CXVI, CXXXI, CLIII, CCX, CCXIX (рис.), CCXX, CCCXII—Мегары Гибл.; *Journal of hell. St.* XII, стр. 312, мог. №№ 29 и 53—Кипръ; Pottier et Reinach, La nécropole de Myrina, I, стр. 587, № 571—Мирина; *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 9, стр. 94—Керчь (ср. также экземпляръ, пріобрѣтенный Имп. Арх. Коммиссіей и отмѣченный въ рап. отъ 21 іюля 1910 за № 100—не изданъ). Много экземпляровъ найдено на Березани, ср. напр. Имп. Эрмитажъ, №№ 13254, 13261, 13255, 13238, 13224, 13245, 13249, 13226, 13268, 13246 (раск. Скадовскаго въ 1900—01 гг.). Кромѣ того, на Тамани были найдены 3 экземпляра въ 1910 г.: №№ 94, 94₂ и 94[II]; они находятся въ Имп. Арх. Коммиссіи (всѣ арибаллы съ Березани и Тамани не изданы). Изъ южной Россіи, вѣроятно, происходитъ арибаллъ коллекціи Имп. Археолог. института въ Спб. (инв. № 2).

Рис. 11.

Рис. 12.

Рис. 13.

Рис. 14.

Рис. 15.

не требовались никакія детали, напротивъ, лакируется сплошь (иногда поверхъ лака налагается пурпуръ, ср. СПБ. Имп. Эрмитажъ №№ 13261, 13224); наконецъ, внутренняя часть орнамента: переплетъ листковъ и пр. изображается опять-таки отдѣльными лаковыми линіями безъ всякой гравировки. Словомъ, видно, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ детали не составляютъ интереса, вазовый мастеръ рисуетъ силуэтомъ, а гдѣ онѣ важны, то,—употребляя терминъ Потье,—въ техникѣ au trait reservé (т. е. въ техникѣ сохраненія незакрашенными деталей контурнаго рисунка).

Такого рода стиль мы совершенно не встрѣтимъ на завѣдомо кориноскихъ вазахъ, т. е. на вазахъ, удостовѣренныхъ надписями въ кориноскомъ алфавитѣ и совпадающихъ по своей техникѣ, характеру росписи и пр. съ кориноскими пинаками. Мало того, эта группа вазъ, будучи помѣщена въ каталогѣ Потье [1]) между группой вазъ въ техникѣ полихромнаго рисунка съ гравировкой по черному фону [2]) («кориноскій стиль съ врѣзаннымъ черепицевиднымъ орнаментомъ» [3]) и группой вазъ, расписанныхъ въ той же техникѣ лишь съ болѣе развитымъ сюжетомъ («кориноскій стиль съ растительнымъ орнаментомъ и фигурами, исполненными при помощи гравировки» [4]), несомнѣнно нарушаетъ послѣдовательность въ развитіи стиля. Въ самомъ дѣлѣ, переходъ отъ вазъ группы B къ группѣ D Потье не представляетъ никакихъ особенно рѣзкихъ скачковъ: тотъ же силуэтный рисунокъ, та же гравировка деталей, но помѣщеніе между этими группами разсматриваемыхъ нами сосудиковъ, расписанныхъ не силуэтомъ и безъ врѣзыванія,—огромный скачекъ въ сторону. Правда, въ эту группу каталога Потье вошли еще и другія вазы, но, всматриваясь въ нихъ, мы увидимъ, что онѣ въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ «протокориноскому» стилю [5]): Потье, вѣрный своему пониманію «протокориноскаго стиля» [6]), вставляетъ ихъ и сюда. Что же касается до меньшинства, то онѣ все-же, по словамъ самого Потье [7]), употребляютъ гравировку и даютъ силуэтный рисунокъ [8]), т. е., собственно говоря, относятся къ слѣдующей

[1]) Группа C, Catalogue, II, стр. 432 слл. (№№ 350—417).

[2]) Такъ называемая schwarzbunte Technik по Böhlau, Aus jonischen u. italischen Necropolen, стр. 89 слл.

[3]) Pottier, ук. соч. стр. 429 слл., гр. B.

[4]) Pottier, ук. с. стр. 434 слл., гр. Д.

[5]) Ср. напр. Pottier, Vases antiques du Louvre, pl. 40, E 390—396.

[6]) Catalogue, II, стр. 425—426.

[7]) Catalogue, II, стр. 434.

[8]) Ср. напр. Pottier, Vases ant. du Louvre, pl. 40. E 361.

группѣ Потье [1]). Исключеніе составляютъ пиксиды съ вертикальными ручками (стамны—по терминологіи Орси), украшенныя узкой гирляндой изъ бутоновъ лотоса и т. п. [2]); но, во-первыхъ, на нихъ растительный орнаментъ занимаетъ довольно незначительное мѣсто сравнительно съ другими линейными орнаментами [3]) и, во-вторыхъ, всетаки этотъ орнаментъ исполненъ не въ контурномъ рисункѣ, но въ силуэтѣ.

Съ другой стороны, наши арибаллы, не являясь звеномъ въ стилистическомъ отношеніи между группами B и D Потье, оказываются совершенно одинокими на общемъ фонѣ коринѳскихъ вазъ: никакихъ отраженій ни на вазахъ, ни на пинакахъ этотъ стиль не далъ. Напомнимъ, наконецъ, и о той особенности нашихъ арибалловъ, что на нихъ никогда не были замѣчены заполнительные орнаменты, между тѣмъ какъ на чисто коринѳскихъ продуктахъ они засвидѣтельствованы для каждой категоріи вазъ [4]). Словомъ въ результатѣ получается то впечатлѣніе, что наша группа вазъ отнюдь не принадлежитъ коринѳскому стилю ни по своей техникѣ, ни по общему характеру рисунка.

Между тѣмъ эта техника, т. е. контурный рисунокъ и рисунокъ au trait reservé, является какъ разъ типичной для ранне-милетскаго стиля [5]): такъ именно, обрисовывая контуромъ конечности и оставляя внутри рисунка не покрытыя лакомъ полоски для обозначенія деталей, рисуетъ милетскій мастеръ животныхъ, фантастическихъ чудовищъ [6]); такъ именно,—что для насъ чрезвычайно важно,—рисуетъ онъ и лотосы [7]). Сходство между этими «милетскими» лотосами и бутонами нашихъ арибалловъ несомнѣнно: тотъ же силуэтъ ядрышка цвѣтка, такъ же обводится тонкой линіей лака контуръ и такъ же всѣ детали исполнены простыми лаковыми линіями безъ всякой гравировки; тѣ же, наконецъ, хвостики на крайнихъ остріяхъ цвѣтка, словомъ—главные—принципы техники тѣ же.

Къ тому же, кажется мнѣ, приведетъ и анализъ самого орнамента,

---

1) Catalogue, II, стр. 437.

2) Ср. напр. *Mon. ant.* XVII, f. 101. Въ Ольвіи были найдены два такихъ сосуда: №№ 213 B (1911 г.) и 623 B (1913 г.). Оба они еще не изданы.

3) Если же лотосная гирлянда занимаетъ на вазѣ такой же формы все туловище, то она уже имѣетъ врѣзываніе; ср. Имп. Эрмитажъ № 12057 (Ольвія 1899 г.); *Mon. ant.* I, стр. 868.

4) Ср. Pottier, Catalogue II, стр. 435.

5) Ср. Böhlau, ук. с. стр. 79 и passim; Perrot et Chipiez, t. IX, стр. 444.

6) Ср. напр. Perrot et Chipiez, t. IX, стр. 213.

7) Ср. нижнія части милетскихъ энохой Лувра, Pottier, Vases ant. du Louvre, pl. 15, 314 слл. или *Mon. ant.* XVII, стр. 250, f. 188. Ср. также Flinders Petrie, Naucratis, II, pl. V 6: ἐπίσημα щита.

какъ таковаго. Бёрроусъ (Burrous) и Юръ (Ure), которымъ посчастливилось найти въ некрополѣ Микалесса (Беотія) нѣсколько сотенъ такихъ арибалловъ, послѣ тщательной работы сумѣли вполнѣ опредѣленно установить первичный типъ нашего орнамента и послѣдующія стадіи его развитія[1]). Орнаментъ, состоящій изъ четырехъ бутоновъ крестъ-накрестъ и съ двумя рѣшетчатыми листочками—схема А четырехлиственная[2])—оказался самымъ раннимъ въ хронологическомъ отношеніи; далѣе идетъ орнаментъ переходнаго типа: тѣ же 4 бутона, но безъ рѣшетчатыхъ листочковъ[3]). За этими схемами изъ 4-хъ бутоновъ идутъ еще двѣ схемы изъ пяти бутоновъ: схема А пятилиственная и В пятилиственная; на обѣихъ схемахъ внизу появляется еще одинъ бутонъ, причемъ въ схемѣ А пятилиственной внутренняя часть орнамента остается прежней[4]), тогда какъ въ схемѣ В она обыкновенно представляетъ собой кружокъ, вокругъ котораго сомкнулись всѣ бутоны[5]). Между схемами А и В пятилиственными Юръ также намѣчаетъ переходный типъ схемы[6]).

Этимъ установленіемъ хронологической послѣдовательности этихъ четырехъ стилистически несомнѣнно связанныхъ типовъ орнамента[7]) и датировкой каждаго изъ нихъ, въ сущности, и ограничилась работа Бёрроуса и Юра. Мнѣ кажется, можно идти дальше: во-первыхъ, попытаться намѣтить не только хронологическую, но и стилистическую послѣдовательность орнамента, т. е. указать тѣ принципы, въ силу которыхъ первичная схема пришла къ схемѣ В, и, во-вторыхъ, опредѣлить, откуда вообще взята эта схема, съ какого прототипа?

Рѣшеніе первой задачи, мнѣ думается, тѣмъ важно, что, зная стилистическій принципъ замѣны однимъ типомъ орнамента другого, мы всегда сможемъ указать мѣсто тому типу, хронологическая датировка котораго (по совокупности находокъ въ могилѣ) почему-либо ускользаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же руководился мастеръ при замѣнѣ схемы А четырехлиственной схемою А пятилиственною и схемою В?

---

[1]) Ср. *Journal of hell. Stud.* XXIX, стр. 309 и 'Εφ. 'Αρχ. 1912, стр. 113.

[2]) Ср. 'Εφημ. 'Αρχ. 1912, стр. 113, εἰκ. 10—11, №№ 1—3; ср. наши арибаллы №№ 1—4 и 8—13.

[3]) Ср. 'Εφ. 'Αρχ. 1912, стр. 113, εἰκ. 10—11, № 4; наши арибаллы №№ 5, 6, 7, 14, 15.

[4]) Ср. 'Εφ. 'Αρχ. 1912, стр. 114, εἰκ. 12—13, № 1.

[5]) Тамъ же, εἰκ. 12—13, № 2.

[6]) Тамъ же, № 3.

[7]) Бёрроусъ и Юръ, повидимому, опустили еще и шестой типъ: орнаментъ—схема В шестилиственная; ср. № 21 мог. 2 (*Ann. of the Brit. Sch.* XIV, стр. 298); ср. также неизданный арибаллъ изъ Керчи (рап. 21 іюля 1910, № 100).

Вглядѣвшись попристальнѣе въ схему А четырехлиственную и схему В—конечные пункты эволюціи, — мы увидимъ, что онѣ рѣзко отличаются формой занимаемой ими площади: схема А четырехлиственная есть схема квадратная, — достаточно перевести ее на плоскость, чтобы убѣдиться въ этомъ,—а схема В есть кругъ. Теперь, зная, что форма нашихъ арибалловъ представляетъ собой шаръ, хотя и нѣсколько сплюснутый на донышкѣ (рѣже на бокахъ), ясно, что изъ всѣхъ типовъ орнамента естественнѣе всего приспособляется къ этой формѣ схема В, какъ круглая: между тѣмъ она же какъ разъ является и завершеніемъ всей эволюціи орнамента. Схема А четырехлиственная, напротивъ, въ силу тѣхъ же соображеній представляется несвойственною формѣ сосуда: это доказывается уже неловкостью и неизящностью въ размѣщеніи частей схемы (ср. ниже). Отсюда, слѣдовательно, самый принципъ стилистической эволюціи схемы долженъ быть формулированъ именно какъ *приспособленіе орнамента къ формѣ сосуда.* Руководствуясь этимъ принципомъ, мы могли бы установить для ольвійскаго матеріала, къ сожалѣнію, слишкомъ однообразнаго (представлены въ сущности, двѣ схемы: схема А четырехлиственная и схема переходная), слѣдующую приблизительную градацію: I группа №№ 1, 10, 11, 13 (?): прямоугольная форма выражена наиболѣе рѣзко (см. рис. 1, 10, 11, 13); II группа №№ 2, 3, 4, 8 (?), 9, 12 (?): рѣшетчатые листочки стремятся къ исчезновенію, размѣры ихъ значительно уменьшаются особенно въ сравненіи съ бутонами (см. рис. 2, 3, 4, 9); III группа №№ 6 и 15: рѣшетчатые листочки исчезли, но центральная часть орнамента сохраняетъ прежнюю прямоугольную форму (см. рис. 6 и 15); IV группа №№ 5, 7, 14: центральная часть орнамента значительно сокращается и принимаетъ видъ почти круглаго завитка (см. рис. 5, 7, 14).

Но наиболѣе важнымъ и интереснымъ результатомъ такого освѣщенія выводовъ Берроуса и Юра представляются намъ два положенія: во-первыхъ, лишь схема А четырехлиственная есть схема первичная, а всѣ остальныя имѣютъ уже вторичное значеніе, и во-вторыхъ, схема А, какъ схема прямоугольной, не круглой формы, должна быть заимствованной, но не созданной спеціально для арибалла.

А если это такъ, то мы вправѣ согласиться съ Риддеромъ, который дѣйствительно нашелъ цѣлый рядъ прецедентовъ этой схемы и въ хронологическомъ, и въ стилистическомъ отношеніи [1]). Ближайшими по

[1]) *Bull. de corr. Hell.* 1895, стр. 198[3].

времени и, пожалуй, по мѣсту происхожденія предшественниками этой схемы явятся монеты Лидіи и Галикарнасса [1]); съ ними свяжется орнаментъ на пластинкѣ съ пояса, найденнаго на Кипрѣ [2]), и орнаментъ на алебастровой плитѣ изъ Библоса [3]), и все въ общемъ взойдетъ къ скульптурному орнаменту дверного порога Куюнджика [4]).

Однако, мнѣ кажется, можно пойти дальше Риддера, а именно, въ качествѣ перваго прецедента привлечь не монетныя клейма Лидіи и Галикарнасса, въ сущности, не вполнѣ передающія общій характеръ схемы [5]), но *орнаментъ на реверсѣ монетъ Милета*, чрезвычайно типичный для нихъ и сохраняющійся безъ измѣненія и на электровыхъ и на серебряныхъ монетахъ [6]).

Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить схему А четырехлиственную на арибаллахъ съ реверсомъ милетскихъ монетъ, то связь ихъ будетъ очевидна: прежде всего въ обоихъ случаяхъ схема прямоугольна; вездѣ имѣются четыре бутона крестъ-на-крестъ; наконецъ слѣды лотосовыхъ цвѣтковъ, переданныхъ на монетахъ въ видѣ продолговатыхъ листочковъ, отразились на выпуклой поверхности сосуда въ видѣ короткихъ

---

[1]) *Bull. de corr. Hell.* 1894, стр. 111, f. 30.

[2]) *Jahrbuch d. Inst.* 1887, Taf. 8, стр. 89.

[3]) Perrot et Chipiez, III, f. 77 и 79. Прямыя реплики ея орнаментаціи представлены стелой изъ *Λαμπτραί*, изданной въ *Ath. Mitt.* 1887, Taf. II, и архитектурнымъ обломкомъ, найденнымъ на аѳинскомъ акрополѣ, ср. *Ath. Mitt.* 1887, стр. 115, рис. 2; ср. также ibid. 1888, стр. 131, прим. 3.

[4]) Perrot et Chipiez, II, f. 131—2; Riegl, Stilfragen, Fig. 34. Сопоставленіе этихъ двухъ послѣднихъ памятниковъ между собой и сопоставленіе ихъ съ орнаментомъ нашихъ арибалловъ, впрочемъ, сдѣлано еще Винтеромъ (*Ath. Mitt.* 1887, стр. 114 сл. и 1888, стр. 132, прим. 2), который возвелъ всю эту схему къ Египту.

[5]) Что касается до другихъ примѣровъ Риддера, то самыми интересными въ этомъ отношеніи явились бы беотійская ваза въ формѣ ситулы (ср. *Jahrbuch d. Instituts*, III, стр. 341, f. 24), беотійская терракоттовая статуэтка (*Bull. de corr. Hell.* 1890, стр. 215, f. 5) и клазоменскій саркофагъ (*Mon.* XI 14), но относительно первыхъ двухъ памятниковъ раскопки въ Микалессѣ показали, что, наоборотъ, коринѳскія вазы оказываются для нихъ прецедентомъ (ср. *Ann. of the Br. Sch.* XIV, стр. 315); ссылка же на саркофагъ (*Mon.* XI 14), повидимому, неправильна.

[6]) Ср. Babelon, Traité sur les monnaies grecques et romaines, табл. II 16 и XI 2 и слл. и Description, стр. 50. Сопоставляя монеты Милета съ Куюнджикскимъ рельефомъ и устанавливая между ними несомнѣнную связь, мы тѣмъ самымъ уклоняемся отъ обычнаго объясненія этого орнамента на монетахъ (ср. Gardner, Floral pattern in the antic coins. *Num. Chron.*, III s. I v. 1880). Къ какому выводу это сопоставленіе можетъ повести, — дѣло нумизматовъ: мы ограничимся лишь утвержденіемъ, что эта схема несомнѣнно восточнаго происхожденія, и если согласиться съ Goodyear'омъ (*Amer. Journ. of Arch.*, III, стр. 294 слл.), то ассирійскаго, причемъ лепестки, расположенные косо крестъ-на-крестъ, должны быть признаны за бутоны лотоса (ср. Riegl, Stilfragen, стр. 95) или, скорѣе, за плоды „священнаго дерева" ассиро-вавилонянъ (Goodyear, ук. м.), а лепестки, расположенные прямо,—за цвѣтки лотоса.

стебельковъ между двумя верхними бутонами и широкихъ лепестковъ по донышку, гдѣ пространство между двумя нижними бутонами оказалось черезчуръ большимъ: форма вазы такимъ образомъ послужила причиной неточности передачи этихъ элементовъ схемы. Единственно, что составляетъ для насъ загадку, это—замѣна боковыхъ цвѣтковъ лотоса рѣшетчатыми листочками[1]), но все же, если мы правы, соединяя вмѣстѣ съ Риддеромъ схему А четырехлиственную съ Куюнджикскимъ рельефомъ, то ближайшимъ посредникомъ въ этой связи будетъ Милетъ съ его монетами.

Однако, утверждать даже при такихъ двухъ основаніяхъ, что эти арибаллы—не только «милетскаго» стиля, но и милетской фабрикаціи, я не могу. Дѣло въ томъ, что въ 1899 г. Лувромъ былъ пріобрѣтенъ экземпляръ арибалла, найденный въ Беотіи, со схемой А четырехлиственной, на которомъ лакомъ была сдѣлана надпись на древне-кориноскомъ алфавитѣ αἰσχλῖνος πεταλᾶ[2]). Итакъ, надпись ясно указываетъ на ихъ кориноское происхожденіе. Какъ же теперь сопоставить этотъ фактъ съ той характеристикой стиля, которую мы выше дали? Мнѣ кажется, что отвѣтъ на это даетъ съ одной стороны общая картина распространенія стиля, а съ другой—цвѣтъ глины.

Всматриваясь въ перечень мѣстъ нахожденія арибалловъ съ этимъ орнаментомъ, мы прямо удивимся, что они окажутся сравнительно плохо представленными на Западѣ, гдѣ, какъ извѣстно, кориноскій стиль имѣлъ свой главный сбытъ. Находки въ такихъ богатыхъ и типичныхъ для кориноскаго стиля некрополяхъ, какъ некрополи Сиракузъ, Вульчи, Гелы, Мегаръ Гиблейскихъ, прямо единичны[3]). Но на Востокѣ, гдѣ

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что существуетъ и полная репродукція этой монетной схемы въ керамикѣ и притомъ,—что особенно интересно,—на „милетскихъ“ же блюдахъ (ср. Pottier, Vases ant. du Luvre, pl. 12. A 309; ср. также Riegl, Stilfragen, Fig. 72).

[2]) Изд. въ *Revue Arch.* 1899, p. 6—7; ср. Perrot et Chipiez, IX, стр. 618, f. 331. Аналогичные арибаллы съ надписями, но, повидимому, съ болѣе сложной орнаментаціей, имѣются въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ: ср. Collignon-Couve, Musée Nat. d'Athènes, №№ 496 и 497.

[3]) Изъ некрополя del Fusco около Сиракузъ опредѣленно можно указать лишь на 2—3 примѣра: *Annali dell'Inst.* 1877. t. A B 21 и *Not. d. scavi* 1895, стр. 139, sep. CCXLI. Некрополь Гелы, давшій находки VII, VI, V и слл. вѣковъ, представилъ самое большее два примѣра (*Mon. Ant.* XVII, sep. 312 и 446, если только описаніе Орси безъ иллюстрацій и безъ ссылокъ относится именно къ нашимъ арибалламъ, а не къ такимъ, какъ напр., Pottier, Vases ant. du Louvre I, pl. 40, E 361, или Sieveking und Hackl, ук. с. Taf. 9, №№ 296, 297, Taf. 10, № 318 и т. п.) Упомянутые на ст. 632 арибаллы всѣ найдены при раскопкахъ святилищъ. Для Вульчи Гзелль не приводитъ въ своихъ Fouilles de Vulci ни одного примѣра; въ Берлинскомъ антикваріи, впрочемъ, есть два арибалла, №№ 1040 и 1041, происходящіе оттуда. Только Мегары Гиблейскія дали около десяти находокъ.

этотъ стиль вообще не столь часто встрѣчается, они, наоборотъ, прекрасно представлены: Родосъ, Ѳера, Мирина, Иліонъ, въ особенности Югъ Россіи (Ольвія, Березань, гдѣ ихъ особенно много, и Керчь съ Таманью) и даже Кипръ, гдѣ вообще коринѳскій стиль рѣдокъ[1]), дали рядъ находокъ. Изъ этого сопоставленія явствуетъ, что наши арибаллы фабриковались для сбыта не столько на Западъ, сколько на Востокъ. А въ такомъ случаѣ естественнѣе всего думать, что фабрикація этихъ арибалловъ была предназначена Коринѳомъ именно для конкурренціи съ Милетомъ, обслуживавшимъ своими фабрикатами какъ разъ Востокъ, въ частности припонтійскія свои колоніи. Если же это такъ, то намъ вполнѣ понятно, почему на коринѳскихъ продуктахъ внезапно появилось такое явное воспроизведеніе милетскаго стиля и милетской росписи: вазы, расписанныя въ милетскомъ стилѣ и, въ качествѣ какъ бы торговой марки, украшенныя милетскимъ оффиціальнымъ знакомъ,—по скольку монетный знакъ могъ имѣть такое значеніе,—конечно могли легко циркулировать вмѣстѣ съ милетскими монетами и вазами и, какъ показываютъ находки, съ успѣхомъ конкуррировать съ этими послѣдними.

Къ тому же, если не къ большему результату приведетъ насъ наблюденіе надъ цвѣтомъ глины[2]). На арибаллахъ со схемой А четырехлиственной, т. е. основной, мы рядомъ съ обычной коринѳской свѣтлой глиной встрѣтимъ и красноватую, а иногда даже съ обмазкой свѣтлой глиной (ср. № 9), т. е. какъ разъ то, что характеризуетъ «милетскій» стиль.

Напротивъ группа со схемой В, вторичной, возникшей изъ схемы А, обыкновенно имѣетъ типичную коринѳскую глину, отличаясь вообще тонкостью отдѣлки и большей изящностью формы[3]). Слѣдовательно, весьма возможно, что въ I группѣ мы имѣемъ не только имитацію, но, быть можетъ, настоящіе милетскіе продукты[4]). Но какъ бы то ни было, арибаллы схемы А четырехлиственной во всякомъ случаѣ настолько явно отражаютъ на себѣ милетскій стиль и даже иногда технику, что всегда могутъ быть сочтены, по крайней мѣрѣ, за поддѣлку подъ милетскій стиль. Наконецъ, думается, то обстоятельство, что орнаментъ все-таки не является точнымъ воспроизведеніемъ монетнаго клейма и что вообще арибаллы со схемой А четырехлиственной носятъ характеръ

---

[1]) Pottier, Catalogue, I, стр. 100.

[2]) Къ сожалѣнію, мнѣ здѣсь придется быть очень осторожнымъ, такъ какъ громадное большинство находокъ не описано именно съ этой стороны.

[3]) Ср. *Journ. of hell. St.* XXIX, стр. 309.

[4]) Были ли найдены арибаллы съ этимъ орнаментомъ въ Милетѣ, мнѣ неизвѣстно. Въ краткихъ Vorläufige Berichte Wiegand'a о нихъ никакого упоминанія нѣтъ.

довольно небрежной, фабричной работы, еще разъ говоритъ именно за такую имитацію.

Обращаясь къ датировкѣ нашихъ арибалловъ, отмѣтимъ, что находки Бёрроуса и Юра въ Микалессѣ въ значительной степени облегчили разрѣшеніе этого вопроса; по крайней мѣрѣ terminus ante quem установленъ опредѣленно: его даетъ краснофигурный киликъ строгаго стиля, вмѣстѣ съ которымъ были найдены одинъ арибаллъ со схемой А и 16 арибалловъ со схемой В [1]). Опредѣляя краснофигурный киликъ приблизительно 500-мъ годомъ [2]), мы тѣмъ самымъ устанавливаемъ terminus ante quem для нашихъ арибалловъ [3]). Труднѣе опредѣлить terminus post quem, тѣмъ болѣе, что отсутствіе арибалловъ въ нѣкоторыхъ некрополяхъ объясняется инымъ направленіемъ ихъ распространенія, а не хронологическими соображеніями. Но во всякомъ случаѣ мы располагаемъ тремя данными для опредѣленія terminus post quem:

1. Три такихъ арибалла были найдены среди остатковъ жилыхъ помѣщеній Вруліи на Родосѣ [4]). Кинхъ относитъ все это поселеніе къ 690—$5^{70}/_{60}$ годамъ [5]). Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 560 годъ, которымъ — приблизительно — Кинхъ датируетъ аттическіе килики на низкой подставкѣ [6]), есть самая поздняя дата для арибалловъ Вруліи.

2. Съ этимъ выводомъ прекрасно согласуется дата, къ которой приводятъ наблюденія Бёрроуса и Юра надъ беотійскими киликами [7]): они опредѣляютъ беотійскіе килики, какъ мѣстную фабрикацію, развивающуюся, начиная съ 1-й половины VI в., подъ вліяніемъ кориноскаго стиля, въ частности арибалловъ съ растительнымъ орнаментомъ [8]). Это послѣднее наблюденіе, кромѣ стилистическихъ соображеній, подтверждается и хронологическими данными: могилы Микалесса №№ 49, 50, 51, 18, 22, 31, 26 [9]), гдѣ засвидѣтельствованы беотійскіе килики, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и множество нашихъ арибалловъ. Но могила № 14 [10]), несомнѣнно болѣе ранняя по совокупности находокъ [11]), уже не даетъ беотійскихъ

---

1) Ср. *The Annual of the Br. Sch.* XIV, стр. 287 слл., мог. № 18.
2) Ср. тамъ же, стр. 305.
3) Аналогіи такимъ позднимъ находкамъ приведены у Бёрроуса и Юра въ прим. 1 на стр. 300.
4) Ср. Kinch, Fouilles de Vroulia. 1914, стр. 157 и pl. 28,13.
5) Ук. с. стр. 89.
6) Ук. с. Pl. 25, 4.
7) *Annual* XIV, стр. 308 слл.
8) Тамъ же, стр. 315; ср. также *Journ. of hell. St.* XXX, стр. 339.
9) Ср. *Annual* XIV, стр. 250 слл.
10) *Journ. of hell. St.* XXX, стр. 350.
11) Тамъ же, стр. 337.

киликовъ, хотя арибаллъ съ тѣмъ же растительнымъ орнаментомъ (схема А четырехлиственная) въ ней засвидѣтельствованъ [1]). Въ виду всего этого мы опять приходимъ къ датѣ для начала фабрикаціи этихъ арибалловъ не позже, чѣмъ первая половина VI вѣка.

3. Наконецъ, нахожденіе этихъ арибалловъ въ некрополѣ Өеры [2]), обслѣдованномъ Драгендорфомъ, заставляетъ насъ высказаться за самое начало VI в., какъ за terminus post quem для нашихъ арибалловъ, такъ какъ вся группа сосудовъ той массовой находки вазъ [3]), въ которой были найдены наши арибаллы и которая представляется Драгендорфу одной изъ самыхъ позднихъ находокъ въ томъ некрополѣ [4]), не дала ничего, что съ увѣренностью можно было бы отнести къ серединѣ VI вѣка и позднѣе.

Такимъ образомъ, въ итогѣ получается для этихъ арибалловъ весь VI вѣкъ,—какъ разъ дата древнѣйшихъ могилъ Ольвіи [5]). Какъ далеко уходитъ начало стиля въ VII в.,—большой вопросъ. Отсутствіе арибалловъ въ микалесскихъ могилахъ №№ 6, 75, 13 [6]), предшествующихъ по времени могилѣ № 14 (см. выше), а съ другой стороны, ненахожденіе ихъ въ некрополѣ Вруліи, инвентарь котораго лишь немногимъ древнѣе инвентаря жилыхъ строеній [7]), какъ будто-бы, не говоритъ за то, чтобы можно было отодвинуть начало этого стиля далеко въ VII вѣкъ. Во всякомъ случаѣ дата Вольтерса для нашихъ арибалловъ—700—650 гг. [8]) безусловно неправильна: уже однѣ находки Микалесса и Ольвіи рѣшительно говорятъ противъ нея, и во всякомъ случаѣ главныя массы находокъ относятся къ VII вѣку и притомъ скорѣе ко второй его половинѣ. А если это такъ, то у насъ лишній аргументъ въ пользу того, что эта группа вазъ коринөской фабрикаціи никакъ не могла предшествовать обычнымъ типамъ коринөскаго стиля ни въ стилистическомъ, ни въ хронологическомъ отношеніяхъ.

И. Малевъ.

---

1) Тамъ же, стр. 353, № 29, f. 14.

2) Ср. Thera, II, стр. 23.

3) Ср. тамъ же, стр. 19 слл.

4) Ср. тамъ же, стр. 232.

5) О могилахъ самаго ранняго періода существованія Ольвіи—вторая половина VII в.—ср. *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1908 г., стр. 68—69. (Упоминанія о находкѣ коринөскихъ арибалловъ нѣтъ).

6) *Journal of hell. St.* XXX, стр. 336 слл.

7) Ср. Kinch, ук. с. стр. 89.

8) Walters, History of the ancient pottery, v. I, стр. 311.

Отчетъ о раскопкахъ въ Кіевской губерніи въ 1912 году.

I. Раскопки въ Черкасскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Смѣлы.

Курганъ DXXII [1]).

Курганъ расположенъ на «экономическомъ» полѣ, на вершинѣ «Юрьевой горы», въ разстояніи 3-хъ верстъ къ З. отъ мѣстечка, у опушки лѣса. Рядомъ находятся раскопанные мною майданъ № VI и курганъ № VII [2]). Къ В. отъ нынѣ изслѣдуемаго кургана расположенъ другой курганъ на крестьянской землѣ. Далѣе къ В., на разстояніи $^1/_2$ версты, имѣются двѣ пары кургановъ, поставленныя въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой.

Изслѣдуемый курганъ утратилъ свою первоначальную форму и, благодаря вспашкамъ, сильно расплюснутъ; вершина же его срѣзана. Отвѣсная высота кургана 1,80 м., окружность — около 146 м. Курганъ изслѣдованъ колодцемъ около 10 м. ширины.

Въ насыпи, сверху, попался заостренный кремень (по описи № 1). Это орудіе, быть можетъ, принадлежало кому-либо изъ рабочихъ, насыпавшихъ курганъ, или, что вѣроятнѣе, принесено сюда вмѣстѣ съ землею при насыпкѣ надмогильнаго холма. Въ центрѣ насыпи оказались остатки трехъ или четырехъ деревянныхъ столбовъ.

На глубинѣ $1^1/_2$ м. встрѣчены слои глины, выкинутой изъ могильной ямы при ея сооруженіи. На этой выкидной глинѣ установлена была крыша изъ нетолстыхъ деревянныхъ досокъ, покрывавшихъ могилу и заходившихъ далеко за предѣлы ямы. Дерево совершенно истлѣло и представляло тонкій бурый слой, лежащій поверхъ бѣлой глины.

На уровнѣ грунта въ серединѣ кургана обрисовалась большая могильная яма. Построеніе ея нижеслѣдующее: въ грунтѣ выкопана почти квадратная камера, длиною 3,28 м. (С.-Ю.), шир. 3,02 м. и глуб. 1,59 м. Съ ю.-з. стороны устроенъ былъ входъ въ могилу въ видѣ покатаго про-

---

[1]) Счетъ кургановъ ведется отъ начала раскопокъ.

[2]) См. Кург. и случ. нах. бл. м. Смѣлы, т. I, стр. 24 и 39.

хода шир. 1,53 м., наклоннымъ спускомъ доходившаго до могилы и примыкавшаго къ ней. Вся могила сверху покрыта была, какъ уже сказано, тонкой деревянной крышей. Подъ этой верхней крышей устроено второе весьма толстое покрытіе, размѣрами соотвѣтствующее могильной ямѣ. Оно состоитъ изъ толстыхъ стволовъ, положенныхъ накрестъ и сохранившихъ еще сучья и кору. Деревья принадлежатъ къ породамъ дуба, липы и береста. Боковыя стѣнки могилы обставлены были тонкими деревянными досками, установленными въ грунтѣ посредствомъ небольшихъ канавокъ, выкопанныхъ на днѣ ямы, по всѣмъ ея сторонамъ. Крыша могилы поддерживалась девятью дубовыми столбами, расположенными симметрично по угламъ могилы, а также по срединѣ каждой стороны и въ центрѣ (см. рис. 1). Деревянные брусья въ мѣстахъ прикрѣпленія одинъ къ другому носятъ слѣды искусственной обработки. Размѣры канавокъ: шир. 0,23 м., глуб. 0,10 м. Діаметръ столбовъ 0,2 м.; они вкопаны въ грунтовое дно могилы на глубину 0,57 м., за исключеніемъ средняго, который вкопанъ только на 0,27 м.

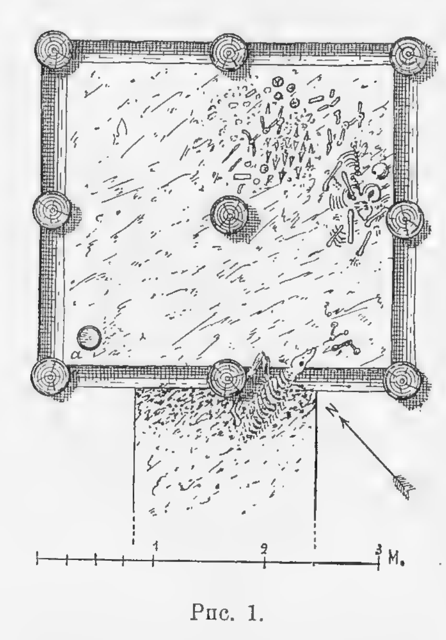

Рис. 1.

Упомянутый покатый проходъ въ могилу засыпанъ густыми слоями обгорѣлаго и обуглившагося дерева (липы и береста). Все это дерево составляло, вѣроятно, пепелище огромнаго костра, зажженнаго послѣ погребенія у входа въ могилу.

Могильная яма оказалась разграбленной. Бывшее здѣсь человѣческое погребеніе потревожено и кости разбросаны по разнымъ мѣстамъ въ могилѣ. Кое-гдѣ, при разрозненныхъ и поломанныхъ человѣческихъ костяхъ, подобраны кое-какіе предметы, какъ то: двѣ пары поломанныхъ желѣзныхъ удилъ съ желѣзными же псаліями (оп. №№ 2, 11, 12); 20 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, сильно пострадавшихъ отъ времени (оп. № 3), въ томъ числѣ одна стрѣлка трехгранная, закругленная, со втулкой и съ боковымъ шипомъ, и 19 трехгранныхъ безъ втулокъ; при нѣкоторыхъ наконечникахъ еще сохранились остатки древковъ (деревянныхъ или тростниковыхъ). Далѣе девять ромбовидныхъ бронзовыхъ привѣсокъ отъ конской сбруи (фалары), изъ коихъ двѣ немного больше

другихъ; при нѣкоторыхъ изъ нихъ еще сохранились остатки кожаныхъ ремней (оп. №№ 4, 5 и 6); бронзовое кольцо (оп. № 13); три бронзовыя ворворки, изъ коихъ одна побольше (оп. №№ 14 и 15); бронзовая привѣска въ видѣ львиной головки тонкой выдѣлки (оп. № 16, рис. 2); двѣ бронзовыя привѣски въ видѣ лежащихъ козловъ художественнаго исполненія (оп. №№ 17 и 18, рис. 3); остатки кожанаго предмета (оп. № 7), можетъ быть колчана, къ которому было прибито нѣчто (можетъ быть золотая доска?) при помощи большого количества микроскопиче-

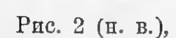

Рис. 2 (н. в.),

Рис. 3 (н. в.).

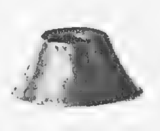

Рис. 5 (н. в.).

скихъ бронзовыхъ гвоздиковъ. Попадались и обломки тонкихъ бронзовыхъ пластинокъ и дерева, которые относятся, повидимому, къ тому же колчану (?). Обломки различнаго желѣзнаго оружія, въ томъ числѣ скипѣвшіяся пластинки отъ брони (оп. № 8), обломки кинжала и другого орудія (оп. № 9) и, наконецъ, очень маленькое отточенное кремневое остріе (оп. № 10), быть можетъ, случайно принесенное съ землею при засыпкѣ могилы. Всѣ перечисленные предметы лежали въ густыхъ слояхъ дерева, представляющаго остатки обвалившейся крыши склепа. На этихъ остаткахъ дерева хорошо замѣтно расположеніе брусьевъ или стволовъ, положенныхъ крестообразно и свалившихся во внутрь могилы.

Въ ю.-з. части могилы у мѣста, гдѣ къ могилѣ примыкаетъ покатый входный корридоръ, съ обѣихъ сторонъ входа также были сдѣланы находки. Справа, въ ю.-в. углу могилы былъ найденъ остовъ

Рис. 4 (2/3).

лошади, занимавшій также и часть входного корридора и положенный головою по направленію ко внутренности склепа. Ноги лошади, повидимому, были связаны. Въ зубахъ лошади была желѣзная уздечка съ двумя бронзовыми псаліями (оп. №№ 19—23), съ изображеніями жи-

вотныхъ (рис. 4). Всѣ эти вещи покрыты были густымъ слоемъ истлѣвшаго дерева и угля. Слѣва отъ входа, въ ю.-з. углу могилы, найдена распавшаяся на части бронзовая чаша (*а* на рис. 1) съ типичнымъ золотистымъ блескомъ. Сосудъ былъ раздавленъ при обвалѣ склепа и разбитъ на мелкіе кусочки (оп. № 24). Въ бронзовую чашу вставлена была деревянная чашка такихъ же размѣровъ, мелкіе обломки коей попадаются вмѣстѣ съ кусками бронзы. Всѣ эти обломки завалены густыми слоями распавшагося дерева и угля. Ясно еще видны большіе стволы дерева съ сохранившеюся на нихъ корой; нѣкоторые изъ стволовъ сильно обуглены.

Вдоль по ю.-в. стѣнкѣ склепа оказались остатки человѣческаго остова, потревоженнаго при разграбленіи могилы. Это была, повидимому, молодая женщина, опущенная въ могилу вмѣстѣ съ разными драгоцѣнностями, которыя были забраны грабителями. При расхищеніи обронены и оказались на днѣ могилы три узорчатыя золотыя бусы (оп. № 25) и небольшая золотая ворворка (оп. № 26, рис. 5). Въ области черепа замѣтны слѣды предмета (ткани?) розоваго цвѣта. При женскихъ костяхъ оказалось и нѣсколько дѣтскихъ косточекъ.

II. Раскопки у села Жаботина.

Въ окрестностяхъ села Жаботина произведены были нѣсколько лѣтъ тому назадъ раскопки В. В. Хвойкой, вскрывшимъ рядъ ограбленныхъ кургановъ, давшихъ, однако, нѣсколько цѣнныхъ предметовъ. Описаніе этихъ раскопокъ помѣщено въ сборникѣ Б. И. Ханенка [1]). Мною изслѣдованъ одинъ курганъ къ сѣверу отъ села.

Курганъ № DXXIII.

Расположенъ на возвышенности, у которой съ трехъ сторонъ имѣются крутые склоны, а съ четвертой (сѣверной) стороны тянется возвышенная гряда. Здѣсь въ небольшомъ разстояніи отъ нынѣ описываемаго кургана расположенъ другой невысокій курганъ и еще далѣе курганъ большихъ размѣровъ.

Отвѣсная высота 2,12 м. На уровнѣ грунта обрисовалась большая прямоугольная могильная яма длиною (С.-Ю.) 4,10 м., шир. 3,60 м., глуб. 2,18 м.

Въ могильной ямѣ съ самаго верху стали показываться слѣды раз-

---

[1]) Древности Приднѣпровья. Выпускъ III, Кіевъ 1900 г. Приложеніе, стр. 5—6.

грабленія; встрѣтились разбитый человѣческій черепъ и черепки отъ простого глинянаго сосуда, а также отъ расписного сосуда греческаго дѣла (оп. № 27). Разграбленіе совершено было, повидимому, сверху. Подземныхъ грабительскихъ ходовъ не обнаружено. Скелетъ и прилегающіе къ нему предметы вытащены были наружу и затѣмъ частью разбросаны сверху могилы, частью же кинуты обратно въ яму.

Могильная яма сооружена была безъ входного корридора, безъ столбовъ и канавокъ. Однако стѣнки могилы извнутри обложены были деревянными досками. Сверху настлана была тонкая деревянная крыша; можетъ быть, настланъ былъ и полъ изъ тонкихъ досокъ, хотя затруднительно опредѣлить, принадлежитъ ли истлѣвшее дерево, оказавшееся на днѣ могилы, такому полу, или это слѣды крыши, провалившейся на дно ямы.

Грабители оставили на днѣ могилы только отдѣльныя разбросанныя кости человѣческія, лошадиныя (въ томъ числѣ челюсть) и бараньи. Подобрано также нѣсколько черепковъ отъ вышеупомянутаго греческаго терракоттоваго сосуда и другого грубаго глинянаго сосуда и 9 сильно окислившихся бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (оп. № 28). Это обычныя трехгранныя стрѣлки весьма тщательной выдѣлки съ короткими втулками; на одной стрѣлкѣ былъ боковой шипъ, нынѣ отломившійся.

III. Случайныя пріобрѣтенія [1]).

I. Предметы золотые.

1) Шестигранный перстень съ чернью (рис. 6).—2) Серьга грушевидная, дутая, съ колечками (раздавленная).—3) Сережка съ тремя шариками (рис. 7).—4) Двѣ буски сплюснутыя.

II. Предметы серебряные.

5) Пластинка отъ перстня съ человѣческой фигурой (рис. 8).—6) Перстень съ зеленымъ стекломъ.—7) Большое кольцо (сережка) поломанное, съ завитками.—8) Большая буса съ шишечками, поломанная.—9) Привѣска въ видѣ лунницы, съ крестомъ (рис. 9).—10) Римская монета императора Антонина.—11) Римская монета императрицы Фаустины.—12) Римская императорская монета (найдена въ южной части Кіев-

[1]) Всѣ предметы, при которыхъ не указано мѣсто происхожденія, пріобрѣтены въ с. Грищенцахъ, Каневскаго уѣзда.

Рис. 6 (н. в.).

Рис. 7 (н. в.).

Рис. 8 (н. в.).

Рис. 9 (н. в.).

Рис. 12 (1/2).

Рис. 10 (1/2).

Рис. 13 (1/2).

Рис. 14 (1/2).

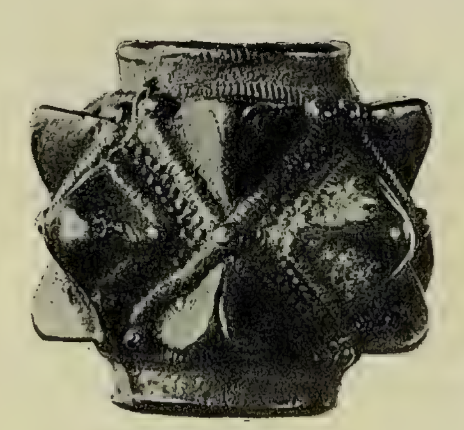

Рис. 11 (н. в.).

Рис. 15 (1/2).

Рис. 16 (н. в.).

Рис. 18 (н. в.).

Рис. 17 (²/з).

Рис. 19 (н. в.).

Рис. 20 (н. в.).

Рис. 21 (н. в.).

Рис. 22 (н. в.).

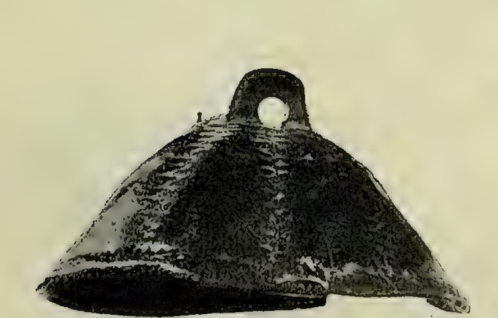

Рис. 23 (н. в.).

Рис. 25 (н. в.).

Рис. 24 (²/з).

Рис. 26*а* (²/з).

Рис. 26*б* (²/з).

Рис. 27 (ок. ¹/₈).

ской губ.).—13) Кольцо тонкое, неспаянное.—14) Кольцо реброватое.—15) Кольцо спаянное, витое.

III. Предметы мѣдные и бронзовые.

16) Кельтъ.—17) Наконечникъ копья (рис. 10).—18) Наконечникъ шестопера (рис. 11, Васильк. у.).—19) Наконечникъ копья (? оттуда же, рис. 12).—20) Кинжалъ (найденъ въ южной части Кіевской губ., рис. 13).—21 и 22) Наконечники копья ланцетовидные (рис. 14 и 15).—23) Часть браслета.—24) Неспаянный браслетъ (Васильк. у.).—26) Пряжка небольшая.—26) Фибула (безъ иглы).—27) Наконечникъ пряжки.—28) Фибула (южная часть Кіевской губ.).—29) Обломокъ (головного?) украшенія со спиралями (рис. 16).—30) Кольцо большое съ шишечками (рис. 17).—31) Кольцо неспаянное, витое, толстое (рис. 18).—32 и 33) Два кольца неспаянныя.—34) Кольцо орнаментированное, плоское.—35) Кольцо витое (можетъ быть серебряное; сережка?).—36) Кольцо калачикомъ (можетъ быть серебряное; сережка? Рис. 19).—37) Медальонъ (брактеатъ) съ изображеніемъ Божіей Матери.—38) Привѣска (въ видѣ корзины?).—39) Привѣска въ видѣ головы льва (рис. 20).—40) Привѣска съ шестью оконечностями (рис. 21).—41) Плоскій современный медальонъ съ австрійскимъ орломъ.—42) Медальонъ.—43) Византійскій медальонъ съ двумя святыми.—44) Привѣска съ крестомъ (южная часть Кіевской губ.), рис. 22.—45) Бубенчикъ.—46) Колокольчикъ (рис. 23).—47) Ворворка.—48) Игла съ кольцомъ и бусой (шило?).—49 и 50) Двѣ гвоздеобразныя иглы.—51) Зеркало поломанное.—52) Кнопка испорченная.—53 и 54) Двѣ кнопки узорчатыя.—55) Часть псалія.—56) 18 наконечниковъ стрѣлъ, частью поломанныхъ.—57) Ключъ узорчатый (Васильк. у.), рис. 24.—58) Нижняя оправа ноженъ кинжала (южная часть Кіевской губ.), рис. 25.—59) Крестикъ.—60) Крестъ тѣльный.—61) Створка большого энколпіона.—62) Крестъ маленькій.—63) Крестикъ, украшенный эмалью.—64 и 65) Два крестика.—66) Створчатый образокъ (южная часть Кіевской губ.), рис. 26 *а* и *б*.—67 и 68) Двѣ створки отъ креста-энколпіона (оттуда же).—69) Крестикъ (оттуда же).—70 и 71) Два обломка креста-энколпіона (оттуда же).

IV. Предметы желѣзные.

72) Мечъ или кинжалъ.—73) Большой мечъ съ бронзовой рукояткой (рис. 27).—74) Большая сѣкира.—75) Часть большой стрѣлы.—76)

Большая стрѣла.—77—79) Три наконечника дротиковъ (Васильк. у.).—80—85) Шесть большихъ круглыхъ вогнутыхъ слитковъ (первобытный способъ распространенія желѣза и торговли имъ? оттуда же).

V. Каменные предметы.

86 и 87) Два молота просверленныхъ.—88) Пестель (или молотъ?)—89) Тоже (для растиранія зерна, красокъ).—90) Закругленный отбойникъ.—91) Долото малое бѣлое.—92) Долото кремневое (Васильк. у.).—93) Долото (оттуда же).—94) Точилка.—95) Привѣска прямоугольная.—96) Привѣска многогранная.—97) Буса крупная.—98) Буса.—99) Часть крестика съ гнѣздами для эмали.—100) Связка изъ 14 пряслицъ каменныхъ и глиняныхъ, разныхъ формъ и величинъ.

VI. Предметы глиняные.

101) Стаканъ (рис. 28).—102) Горшечекъ черный весьма грубой выдѣлки.—103) Сосудъ (Васильк. у., рис. 29).—104) Нить, на которую нанизано около 50 мелкихъ бусинъ разныхъ составовъ и цвѣтовъ.—105) Буска съ бѣлыми глазками (Васильк. у.).

Рис. 28 (1/2).

Рис. 29 (1/4).

VII. Предметы стеклянные и костяные.

106) Кружокъ стеклянный съ крестомъ (печать?)—107) Костяной круглый рѣзной медальонъ воина (образокъ? изъ южной части Кіевской губ., рис. 30).

Опись вещей, добытыхъ при раскопкахъ въ 1912 году.

Курганъ № 522.

1) Кремень отбивной, заостренный.—2) Уздечка съ двумя псаліями желѣзная.—3) Двадцать бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ.—4) Двѣ бронзовыя привѣски.—5) Четыре бронзовыя привѣски.—6) Три бронзовыя привѣски.—7) Обломки кожанаго колчана (?) съ микроскопическими бронзовыми гвоздиками, частицами бронзовыхъ пластинокъ и дерева.—8) Обломки желѣзнаго оружія и брони.—9) Обломки желѣзнаго кинжала и другого орудія.—10) Мелкій отточенный кремень.—11) Часть уздечки и желѣзнаго псалія.—12) Часть уздечки желѣзной.—13) Бронзовое кольцо.—14) Двѣ маленькія бронзовыя ворворки.—15) Одна бронзовая ворворка.—16) Бронзовая привѣска въ видѣ львиной головки.—17 и 18) Двѣ бронзовыя привѣски въ видѣ козла.—19) Желѣзныя удила (часть) и бронзовый псалій.—20—22) Части желѣзныхъ удилъ.—23) Бронзовый псалій.—24) Обломки бронзовой чаши.—25) Три золотыя бусы.—26) Золотая ворворка.

Курганъ № 523.

27) Черепки греческаго терракоттоваго сосуда.—28) Девять бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ.

Графъ А. Бобринской.

Рис. 30 (н. в.).

Замѣтки по археологіи Крыма.

I.

Каменные ящики на горѣ Малбѣ.

На всемъ протяженіи южнаго берега Крыма, отъ Севастополя до Судака, разбросаны такъ называемые «дольмены» Крыма, а также «каменные ящики» — могилы неизвѣстнаго народа, хоронившаго своихъ покойниковъ на вершинахъ высокихъ холмовъ. Какъ «дольмены», такъ и «каменные ящики» состоятъ изъ четырехъ плитъ, вкопанныхъ въ землю вертикально въ видѣ ящика и покрытыхъ пятой плитой. Большинство изслѣдователей называютъ дольменами тѣ изъ этихъ могильныхъ памятниковъ, которые больше по величинѣ и, кромѣ того, выдаются надъ поверхностью земли. Каменные же ящики находятся въ землѣ и выдаются на поверхность лишь плитами покрытія или верхними краями стѣнокъ.

Наиболѣе исчерпывающія изслѣдованія каменныхъ ящиковъ произведены Н. И. Рѣпниковымъ. Въ № 44 «Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи» (1910) имъ помѣщена статья «О такъ называемыхъ «дольменахъ» Крыма», въ которой приведена литература вопроса и изложены результаты его собственныхъ раскопокъ 26 каменныхъ ящиковъ въ Байдарской долинѣ. Къ статьѣ приложена также карта южнаго берега Крыма; на протяженіи отъ Севастополя до дер. Токлукъ г. Рѣпниковымъ указаны 22 мѣста нахожденія группъ каменныхъ ящиковъ.

Въ отличіе отъ другихъ изслѣдователей, напр. графа А. С. Уварова [1]), различающихъ дольмены отъ каменныхъ ящиковъ, г. Рѣпниковъ находитъ, что въ Крыму нѣтъ настоящихъ дольменовъ, что всѣ памятники этого рода въ Крыму находятся въ землѣ, не выдаваясь надъ поверхностью, и потому должны называться не дольменами, а каменными ящиками. Это мнѣніе, впрочемъ, спорно, такъ какъ многія лица видѣли въ Крыму настоящіе дольмены.

---

[1]) Каталогъ собранія древностей графа Уварова. Москва 1887.

Подробное описаніе вскрытыхъ г. Рѣпниковымъ каменныхъ ящиковъ помѣщено въ 30-мъ выпускѣ «Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи» (1909), въ статьѣ: «Каменные ящики Байдарской долины», иллюстрированной фотографіями раскопанныхъ г. Рѣпниковымъ ящиковъ и рисунками предметнаго инвентаря. Большинство ящиковъ, раскопанныхъ г. Рѣпниковымъ, не имѣли никакихъ оградъ, но нѣкоторые изъ нихъ находились какъ-бы въ оградѣ изъ отдѣльно уложенныхъ или разбросанныхъ камней. Кромѣ того, было вскрыто нѣсколько каменныхъ ящиковъ подъ курганною насыпью. Всѣ вскрытые ящики состояли изъ впущенныхъ въ землю и образующихъ ящикъ четырехъ грубо-отесанныхъ сланцевыхъ камней-дикарей, толщиною отъ 0,15 до 0,48 м., накрытыхъ одной массивной плитой дикаря. Внутренній размѣръ ящиковъ, въ которыхъ покойниковъ хоронили въ сидячемъ или скорченномъ положеніи, слѣдующій: длина отъ 1,06 до 1,77 м., ширина отъ 0,85 до 1,27 м., глубина отъ 0,45 до 1,27 м. Ящики оріентированы съ сѣвера на югъ; большинство ихъ найдено потревоженными; въ наполняющей ихъ землѣ встрѣчаются только обломки истлѣвшихъ костей и вещи, случайно не взятыя грабителями. Предметный инвентарь ящиковъ довольно бѣденъ. Предметы украшенія мѣдные; лишь единичные предметы — оружіе, топоры и удила — желѣзные. Изъ разсмотрѣнія предметовъ инвентаря, носящаго на себѣ «слѣды глубокаго архаизма» и, можетъ быть, «имѣющаго своимъ источникомъ Гальштадтскую культуру», г. Рѣпниковъ приходитъ къ заключенію, что каменные ящики съ ихъ древностями относятся ко времени до прихода грековъ въ Тавриду, т. е. къ концу бронзоваго или къ началу желѣзнаго вѣка.

Однако, болѣе или менѣе точное опредѣленіе времени, къ которому должны быть отнесены каменные ящики, пока невозможно. Поэтому продолженіе вскрытія каменныхъ ящиковъ въ разныхъ мѣстахъ Крыма представляетъ нѣкоторый интересъ.

Ниже приведены результаты вскрытія нѣсколькихъ каменныхъ ящиковъ близъ Алушты. Въ этой мѣстности мнѣ извѣстны три мѣста нахожденія каменныхъ ящиковъ, не отмѣченныя на картѣ г. Рѣпникова:

1) въ 8 верстахъ отъ Алушты по Косьмодемьянской дорогѣ, близъ имѣнія «Караманъ» (А. Кашина),

2) на горѣ Малбѣ или Малбанынъ-Хыры, лежащей между горою Демерджи и моремъ, и

3) на заброшенномъ шоссе, между долиной рѣчки Аянъ-Дере и 11-ой верстой Алушто-Судакскаго шоссе. Въ первыхъ двухъ мѣстахъ находится большое число могилъ, не менѣе сорока, а въ послѣднемъ — лишь одна.

Мною и А. М. Храповицкой были раскопаны 10 каменныхъ ящиковъ на горѣ Малбѣ на высотѣ около 1.500 футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь имѣется всего около 30 могилъ, изъ коихъ нѣкоторыя хотя и разграблены, но еще покрыты большими камнями. Большинство же могилъ замѣтны лишь потому, что верхнія грани четырехъ камней, образующихъ ящикъ, выходятъ на поверхность земли и, такъ сказать, очерчиваютъ контуръ могилы. Никакихъ оградъ изъ камней вокругъ ящиковъ не имѣется. Внутренняя длина ящиковъ колеблется между 1,43 и 1,60 м.,

Рис. 1.

Рис. 2.

внутренняя ширина—между 0,80 и 1,04 м. и глубина между 0,84 и 1,11 м. Ящики, оріентированные съ сѣвера на югъ, составлены изъ четырехъ каменныхъ плитъ сланца, толщиною около 0,10 м., т. е. гораздо болѣе тонкихъ, чѣмъ плиты ящиковъ Байдарской долины. Камни, покрывающіе ящики, значительно толще (до 0,50 м.) и грубо обтесаны или вовсе не обтесаны. Они не сланцевые, какъ стѣнки ящиковъ, а состоятъ изъ конгломерата, имѣющаго видъ бетона изъ голыша и не встрѣчающагося по близости. Повидимому, эти камни были привезены на Малбу издалека. Видъ каменныхъ ящиковъ ясенъ изъ рис. 1—3, а покрывающихъ ихъ камней—изъ рис. 4. Размѣры каменныхъ ящиковъ указываютъ на то, что покойниковъ хоронили въ нихъ въ скорченномъ или сидячемъ положеніи. За послѣднее говоритъ слѣдующее: въ одной могилѣ кости были найдены въ нѣсколько лучшей сохранности, чѣмъ въ другихъ, и можно

было установить, что кости черепа лежали въ болѣе высокомъ слоѣ, чѣмъ кости ступней. Всѣ раскопанныя могилы были раньше ограблены, и въ нихъ найдено сравнительно малое число предметовъ, фотографическіе снимки съ коихъ помѣщены на рис. 5. Изъ числа найденныхъ предметовъ нѣкоторые вполнѣ совпадаютъ съ предметами, найденными г. Рѣпниковымъ и представленными на рис. 28 (стр. 147) упомянутой статьи его «Каменные ящики Байдарской долины». Такъ, напр., мѣдный наконечникъ стрѣлы съ отверстіемъ у основанія (фиг. 2) тожественъ съ такимъ же наконечникомъ на рис. 27 г. Рѣпникова. Кусокъ желтой вполнѣ прозрачной стеклянной бусы (фиг. 3) и непрозрачная стеклянная буса съ бородавками (фиг. 4) напоминаютъ собою такія-же бусы на фиг. 10-й и 8-й г. Рѣпникова, но основаніе бородавокъ бусы фиг. 4 чернаго цвѣта, а остріе—краснаго, тогда какъ бусы г. Рѣпникова расцвѣчены иначе. Мѣдная пронизь фиг. 11, согнутая изъ тонкой пластинки, и серьги изъ плоской (фиг. 9) и изъ тонкой круглой мѣдной проволоки (фиг. 8) вполнѣ сходны съ пронизью и серьгами г. Рѣпникова рис. 47 и 10. Мѣдная спиральная пронизь изъ плоской ленты (фиг. 7) сходна съ пронизью рис. 39 г. Рѣпникова, а мѣдный кусокъ браслета (фиг. 12)—съ браслетами на рис. 36 г. Рѣпникова. Остальные предметы, представленные на фиг. 1, 5, 6, 10 и 14—17, не имѣются въ предметномъ инвентарѣ, собранномъ г. Рѣпниковымъ. На фиг. 5-й представлены мѣдныя бусы, а на фиг. 10—мѣдныя кольца, найденныя въ могилахъ Малбы въ довольно значительномъ числѣ. Представленные на фиг. 6 мѣдное 4-гранное шило и на фиг. 1 мѣдный наконечникъ стрѣлы съ крючкомъ совершенны идентичны съ такими же наконечникомъ стрѣлы и шильями,

Рис. 3.

найденными Ѳ. А. Брауномъ въ курганѣ № III близъ села Нижнихъ Сѣрогозъ [1]). Мѣдный наконечникъ стрѣлы съ крючкомъ также идентиченъ съ такими же накопечниками, найденными въ 1913 году въ гробницѣ на западномъ берегу Цукура или Стеблеевскаго лимана на Таманскомъ полуостровѣ, вмѣстѣ съ вазою, происходившею, по словамъ продавца, изъ одного и того же погребенія. Ваза, по опредѣленію Б. В. Фармаковскаго,—первой половины VI-го в. до Р. Х. Такіе же наконечники описаны графомъ А. А. Бобринскимъ въ его трудѣ: Курганы и случ. археолог. находки въ окр. м. Смѣлы. III. С.-Пбургъ, 1902.

На ф. 17 представленъ кремневый скребокъ или ножъ, совершенно сходный съ кремневыми орудіями, найденными К. С. Мережковскимъ въ большомъ числѣ въ доисторической фабрикѣ кремневыхъ издѣлій на склонѣ Яйлы близъ д. Кизилъ-Коба [2]). Н. И. Рѣпниковъ также находилъ въ каменныхъ ящикахъ обломки кремней, служившихъ орудіями.

Рис. 4.

Фиг. 13—16 представляютъ куски желѣзныхъ псалій (баранчиковъ), найденныхъ въ одной изъ могилъ; они имѣли форму съ двумя отверстіями, сходную съ формой псалій, найденныхъ въ богатыхъ конскихъ погребеніяхъ такъ называемой Чмыревой могилы близъ села Большой Бѣлозерки Мелитопольскаго уѣзда [3]).

На рис. 6 представлены снимки съ найденнаго въ одной изъ могилъ на Малбѣ каменнаго (не кремневаго) орудія.

Кромѣ указанныхъ выше предметовъ, въ одной изъ гробницъ были найдены два куска прозрачнаго стекла толщиною 0,6 миллиметра, съ

[1]) См. *Извѣстія Имп. Археолог. Комм.*, вып. 19 (1906). Ѳ. А. Браунъ. Отчетъ о раскопкахъ въ Тавр. губ. въ 1898 году, рис. 22 на стр. 87 и рис. 7 на стр. 85.

[2]) Отчетъ о предварит. изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму. *Извѣстія И. Р. Географ. Об-ва* 1880, вып. II, стр. 106—146.

[3]) См. Ѳ. А. Брауна ук. ст., стр. 108, рис. 54.

хорошей иризаціей; судя по формѣ кусковъ, они были отбиты отъ сосуда или чашки большого діаметра.

Рис. 5.

Изъ изложеннаго видно, что въ раскопанныхъ каменныхъ ящикахъ одновременно встрѣчаются кремневыя орудія, мѣдныя украшенія и стрѣлы, прозрачное стекло и желѣзный конскій уборъ—удила и псаліи. Кремневыя орудія и архаическій характеръ мѣдныхъ украшеній, сход-

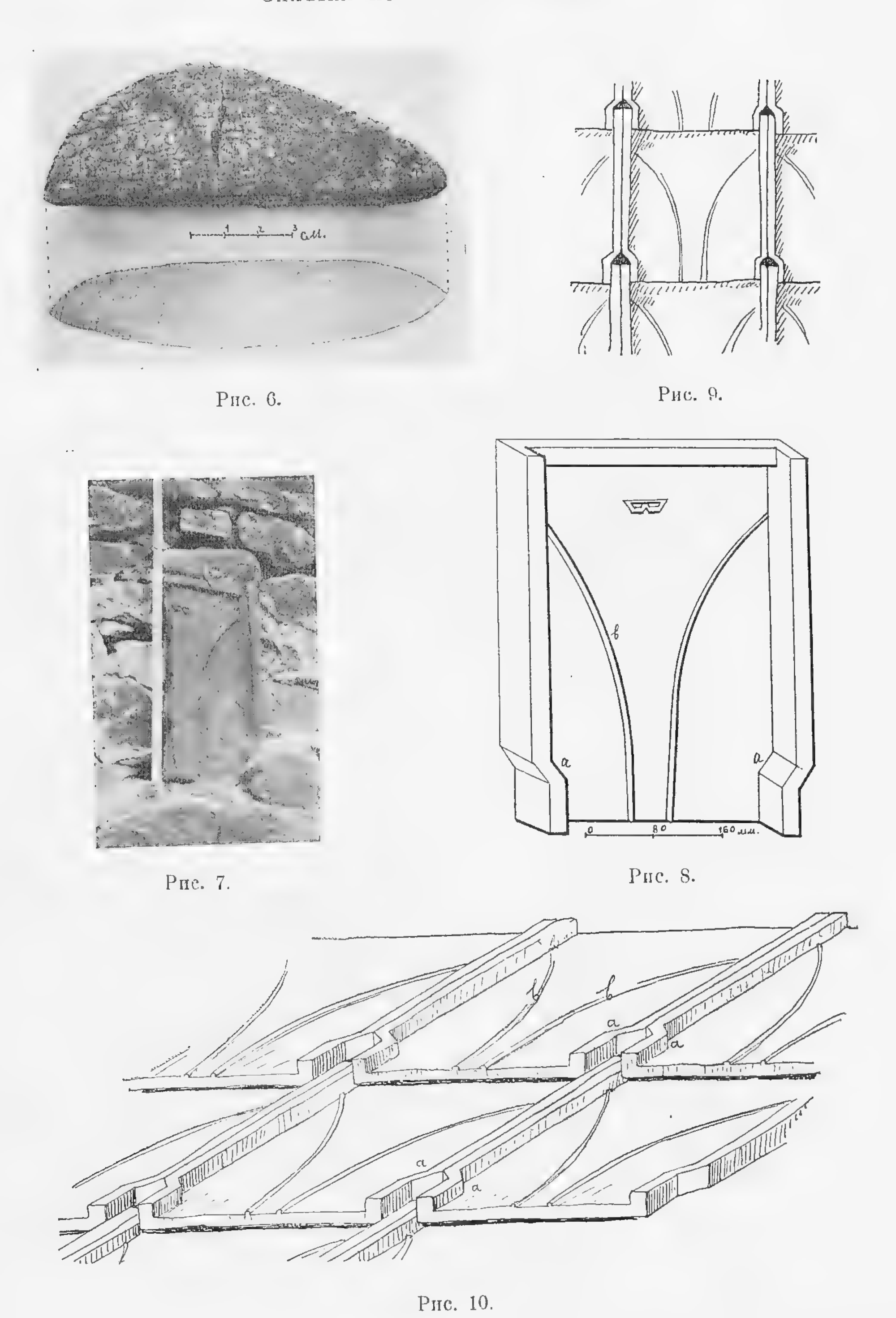

Рис. 6.

Рис. 9.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 10.

ный съ характеромъ нѣкоторыхъ мѣдныхъ же украшеній, находимыхъ въ очень древнихъ могилахъ, указываетъ на до-греческое время; форма найденныхъ мѣдныхъ стрѣлъ съ крючкомъ, мѣдныхъ шилъ и желѣзныхъ псалій устанавливаетъ связь съ погребеніями Сѣрогозскихъ кургановъ и Та-

манской находки, которые необходимо отнести приблизительно къ VI вѣку до Р. Х., когда греки, вѣроятно, только что появились въ Крыму. Съ другой стороны прозрачное стекло указываетъ на болѣе поздній періодъ.

Къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ опредѣленно датировать каменные ящики по наконечникамъ стрѣлъ. Трехгранные бронзовые наконечники стрѣлъ относятъ къ началу желѣзнаго вѣка, когда желѣзо уже было извѣстно, но многія орудія продолжали дѣлать изъ бронзы. Въ южной Россіи бронзовыя стрѣлы, повидимому, охватываютъ очень продолжительную эпоху, съ IV-го или даже VI-го вѣка до Р. Х. по III-й в. послѣ Р. Х.(см. статью Д. Н. Анучина: О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ, въ Трудахъ 5-го арх. съѣзда въ Тифлисѣ въ 1881 г., стр. 406).

II.

Плоскія большія черепицы, находимыя на южномъ берегу Крыма.

Во многихъ мѣстахъ Крыма въ мусорѣ, заполняющемъ развалины, встрѣчаются черепицы большого формата, служившія для покрытія крышъ. Онѣ часто снабжены разнообразными клеймами, сформованы довольно грубо и плохо обожжены. Рисунокъ одной такой черепицы, имѣвшей размѣры 0,52×0,38×0,04 м., и нѣсколькихъ клеймъ, найденныхъ при раскопкахъ Партенитской базилики, данъ Н. И. Рѣпниковымъ въ статьѣ «Партенитская базилика», въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.*, вып. 32 (1909). В. Ѳ. Миллеръ въ статьѣ «Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ въ 1886 году» («*Древности*», т. XII, вып. II, 1888 г.) даетъ, безъ указанія размѣровъ, рисунки семи черепицъ, изъ которыхъ одна, безъ клейма, найдена въ Алуштѣ, а прочія шесть, съ клеймами, найдены Д. М. Струковымъ въ Поликлиси, близъ Ялты. Подобныя же черепицы я видѣлъ въ Херсонесскомъ музеѣ. Эти черепицы относятъ къ VIII—XIV вѣкамъ послѣ Р. Х.

Бывая часто въ Семидворьѣ, мѣстности, расположенной въ 6 в. отъ г. Алушты въ сторону Судака, на берегу моря, я раскопалъ на чаирѣ Харатанъ въ Семидворской балкѣ развалины стараго дома, отъ котораго, въ сущности, уцѣлѣли только камни фундамента, сложеннаго безъ раствора. Здѣсь мною было найдено нѣсколько обломковъ черепицы совершенно такой же формы, какъ найденныя Миллеромъ въ Алуштѣ и Рѣпниковымъ въ Партенитѣ. На рис. 7 представленъ видъ большого обломка съ такимъ же клеймомъ, какъ на партенитской черепицѣ, а на рис. 8—чертежъ цѣлой черепицы, сдѣланный съ соблюденіемъ масштаба. Черепицы складывались на крышѣ такъ, какъ показано на эскизахъ (рис. 9 и 10), сдѣланныхъ художникомъ-архитекторомъ К. К. Романовымъ; кривыя направляющія *b* служили для собиранія дождя въ средину черепицы; каждая черепица на нижнемъ концѣ *a* съуживалась для того, чтобы этотъ конецъ можно было уложить между ребордами верхняго конца; боковые стыки черепицъ перекрывались полуцилиндрическими черепицами.

А. Брандтъ.

О горитахъ съ ремнями.

Профессоръ М. И. Ростовцевъ, въ своемъ изслѣдованіи «Представленіе о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ» [1]), впервые, насколько мнѣ извѣстно, затронулъ въ нашей литературѣ вопросъ о подлинности золотой пластинки, принадлежащей В. Е. Гезé [2]), причемъ высказался, хотя и съ оговоркою, въ пользу ея подлинности. Въ числѣ доказательствъ, которыя должны убѣдительно подѣйствовать въ данномъ смыслѣ на читателя, приводится одно, заслуживающее особеннаго вниманія и касающееся небольшой подробности на горитѣ,—ремня.

М. И. Ростовцевъ пишетъ: «Наконецъ, ремни, свѣшивающіеся съ горитовъ, не были извѣстны въ наукѣ вплоть до находки того великолѣпнаго круглаго серебрянаго золоченаго сосуда изъ окрестностей Воронежа, о которомъ уже повторно была рѣчь» (стр. 13—14). Это категорическое заявленіе настолько заинтересовало меня, что я рѣшился его провѣрить. Самой пластинки г. Гезé я здѣсь касаться не буду; замѣчу только, что я ее видѣлъ, изучалъ и составилъ о ней опредѣленное мнѣніе; но каково бы ни было это мнѣніе, оно должно стушеваться передъ доводомъ М. И. Ростовцева, если дѣйствительно ремни на горитахъ не были извѣстны до находки воронежскаго серебрянаго сосуда.

Прежде всего я обратился къ древнимъ монетамъ, на которыхъ изображенія горитовъ встрѣчаются особенно часто. Въ извѣстномъ трудѣ Бурачкова «Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи» (Одесса. 1884), помѣщенъ рядъ ольвійскихъ монетъ, на которыхъ изображены гориты съ ремнями. Правда, эти ремни не тѣ, которые имѣетъ въ виду М. И. Ростовцевъ: тамъ представлены ременныя *петли*, а на пластинкѣ г. Гезé,

---

[1]) *Извѣстія И. Археолог. Коммиссіи*, вып. 49. Спб. 1913.

[2]) Въ иностранной литературѣ уже была рѣчь о пластинкѣ г. Гезé. См. статью A. Miller et A. de Mortillet, Sur un bandeau en or avec figures Scythes découvert dans un kourgan de la Russie Méridionale, въ *l'Homme Préhistorique*, 2-e année, 1904, № 9.

какъ и на воронежскомъ сосудѣ,—ременныя *кисти*. Однако и такія кисти извѣстны: онѣ находятся у горитовъ на іонійскихъ монетахъ изъ Малой Азіи. Сошлюсь на Catalogue of the Greek coins of Ionia by Barclay v. Head. London 1892. Въ этомъ каталогѣ на таблицѣ XV подъ №№ 9, 14 и 16, а также на табл. XVI подъ №№ 1 — 3, можно видѣть гориты съ кистями. Но это украшеніе встрѣчается не только на монетахъ, а и на другихъ предметахъ, гдѣ имѣется изображеніе горита. Б. В. Фармаковскій указалъ мнѣ на этрусскія бронзовыя зеркала, рисунки которыхъ помѣщены Gerhard'омъ въ Etruskische Spiegel: II, 159, 160; IV, 344. Послѣднее зеркало хранится въ Британскомъ музеѣ и опубликовано въ Catalogue of the Bronzes, Greek, Roman and Etruscan in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum, by H. B. Walters. London 1899. На табл. XVIII отчетливо виденъ колчанъ съ двумя кисточками.

Оказывается, слѣдовательно, что ремни на горитахъ были извѣстны раньше открытія воронежскаго сосуда и раньше появленія на свѣтъ пластинки г. Гезé.

Н. Веселовскій.

Стеклянныя расписныя вазы поздне-эллинистическаго времени и исторія декоративной живописи.

Дополненіе.

Перечисляя въ моей статьѣ, помѣщенной въ началѣ этого выпуска, извѣстные мнѣ сосуды съ росписью эмалевыми красками, я упустилъ изъ вида два сосуда, представляющіе разительную аналогію съ ольвійской чашкой и опубликованные J. Carlier въ 1910 г. въ *Römisch-germanisches Korrespondenz-Blatt,* III (1910), 19 слл., рис. 7. Чашки найдены были въ Арденнахъ въ Fraillicourt въ 1907 г. (ср. *Revue historique Ardennaise* 1908) въ дѣтскомъ терракотовомъ саркофагѣ вмѣстѣ съ грубыми глиняными кувшинами, нѣсколькими сосудами краснаго лака (частью со штемпелями) и небольшой стеклянной ампуллой. Нынѣ обѣ чашки находятся въ музеѣ въ Реймсѣ. Мы переиздаемъ одну изъ нихъ (формы и раскраска обѣихъ одинакова) на табл. XII вверху по тѣмъ же клише, которыя были изготовлены для перваго изданія. Полученіемъ клише мы обязаны любезности проф. Крюгера и издателя вышеназваннаго журнала.

На одной сторонѣ обѣихъ чашекъ изображены двѣ пары утокъ среди тростника, обращенныя въ разныя стороны. Разцвѣтка птицъ описана г-номъ Карлье очень невразумительно. Судя по этому описанію, основной цвѣтъ птицъ бѣлый, часть опереній (какая?) блѣдно-желтая, перья хвоста и крыльевъ темно-коричневыя и отчасти синія и темно-фіолетовыя. Клювъ у начала синій, внизу желтый, на концѣ коричневый.

Рядомъ съ утками, съ одной стороны, большой кустъ знакомой намъ формы, съ другой—подвѣшенныя гирлянды бѣлаго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ. Двѣ такія гирлянды находятся и среди куста. Внизу всего этого зеленая трава. На днѣ сосуда изображена пестрая птичка желтой, бѣлой, красной и синей красками. Вся живопись сдѣлана по внѣшней поверхности сосуда, густыми мазками и имѣетъ матовый оттѣнокъ.

По характеру найденныхъ вещей редакторъ журнала Крюгеръ датируетъ сосуды серединой I в. по Р. Хр., что я считаю вполнѣ правильнымъ. Сосуды эти тѣмъ интересны, что составляютъ прямое продолженіе группы, представленной ольвійской чашкой. Если уже сосудъ изъ Нима (см. выше стр. 3 слл.) производилъ на меня впечатлѣніе продукта не александрійской фабрики, то тѣмъ болѣе можно сказать это о сосудахъ изъ Fraillicourt. Прежде всего здѣсь нѣтъ розетки на днѣ сосуда, которую я склоненъ былъ понимать какъ фабричную марку. Затѣмъ сюжетъ, хотя и тотъ же, который мы видимъ на ольвійской чашкѣ, трактованъ здѣсь грубѣе. На дно сосуда неорганически брошена пестрая птичка.

Тѣмъ не менѣе, сосудъ все еще очень близокъ къ александрійскому прототипу. Весьма возможно, что такіе сосуды изготовлялись на одной

изъ галльскихъ фабрикъ, которыя впослѣдствіи изготовляли поздніе сосуды того же типа съ изображеніемъ боевъ звѣрей и т. п.

Не менѣе близокъ къ сосуду изъ Ольвіи и не менѣе интересенъ по существу сосудъ, только что опубликованный Michon'омъ (по указанію Héron de Villefosse) въ *Bulletin de la société nat. des antiquaires de France*, 1913, 4-e trim., стр. 376 слл., табл. въ краскахъ къ стр. 384. Нами онъ перепздается па табл. XII внизу, №№ 1—3, съ указанной таблицы. Сосудъ находится въ Туринскомъ музеѣ; съ нимъ Michon совершенно правильно сравниваетъ указанный ему тѣмъ же Héron de Villefosse'омъ фрагментъ сосуда изъ коллекціи Bellon въ Руанѣ (табл. XII, 4). На сосудѣ изъ Турина мы имѣемъ тѣ же краски, ту-же форму гирляндъ и растеній, ту-же марку на донышкѣ. Разница заключается только въ томъ, что изображены не утки, а куропатки и посрединѣ три гранатовыхъ (?) плода. Характерно, что двѣ живыя куропатки, какъ на ольвійскомъ сосудѣ утки, связаны за ноги и подвѣшены, какъ мы это видимъ постоянно на помпеянскихъ nature morte. Совершенно аналогична и форма сосуда.

Укажу также на то, что сосудъ изъ Нима опубликованъ теперь въ краскахъ Morin-Jean'омъ, La verrerie en Gaule sous l'empire romain. Paris 1913, pl. I, стр. 208—249.

Въ заключеніе отмѣчу, что тѣсная торговая связь городовъ сѣв. побережья Чернаго моря съ Египтомъ начинается во всякомъ случаѣ съ ранняго эллинистическаго времени. Очень характерны въ этомъ отношеніи и въ интересующей насъ связи куски ткани изъ VI Семибратняго кургана (см. О. И. А. К., 1878—9, 133 сл., Атл. табл. V, 2), изъ которой сдѣлана была мѣховая шапка погребеннаго. Краснофигурной пеликой съ изображеніемъ палестратовъ поздняго стиля погребеніе датируется временемъ не ранѣе IV в. до Р. Хр. (Стефани, О. И. А. К., 1876, 118 сл.). Проф. М. М. Хвостовъ, Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ, I (Казань, 1914), стр. 28 слл., совершенно правильно указалъ, что техника ткани заставляетъ считать ее ввезенной изъ Египта. На то-же указываетъ система ея орнаментаціи фигурами летящихъ и садящихся пестрыхъ утокъ, живо напоминающая выше разобранные памятники египетскаго и александрійскаго искусства, особенно плафоны ѳиванскихъ и ассуанскихъ гробницъ XVIII—XXI династій, а также половыя вымостки и плафоны изъ домовъ и дворцовъ Телль-эль Амарны (см. мою Ант. дек. живопись на югѣ Россіи, 219 сл.). Въ дополненіе къ тому, что мною сказано выше о вліяніи фараоновскаго Египта на эллинистическій, прибавлю, что по словамъ В. С. Голенищева, любезно доставившаго мнѣ двѣ фотографіи съ плафона гробн. Ка-гему въ Ассуанѣ, гробница относится не къ XIX—XX династіи, а къ XVIII, что очень характерно. Отмѣчу еще, что не только размѣщеніе и позы утокъ на упомянутой ткани ведутъ насъ въ Египетъ, но и чрезвычайно характерная расцвѣтка птицъ.

М. Р.

1, 2, 3, вверху: сосудъ изъ Fraillicourt.—1, 2, 3, внизу: сосудъ Туринскаго музея.—
4. Фрагментъ сосуда въ Руанѣ.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

